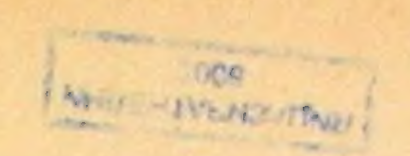

сборник

в огне революции

ОГИЗ • МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ • 1933

В огне революции

Сборник
воспоминаний комсомольцев, участников гражданской войны

Под редакцией Л. Гурвича

ОГИЗ — Молодая гвардия — 1933

Редактор *Котов.* Техредактор *М. Лойтерштейн.* Обл. худ. *Гриффель.*
Сдано в произв. 25/VIII—33 г. Подписано к печ. 11/IX—33 г. МГ.—4084.
Инд. Д-1. формат 62×94 1/16 10 печ. л.
Уполном. Главлита Б—33214, Зак. № 1384. Тираж 30000 экз.

1-я Журнальная типография ОНТИ НКТП СССР. Москва, Денисовский, 30.

Введение

I

В октябре 1917 г. вооруженной рукой пролетариат взял власть в свои руки. С величайшим подъемом и напряжением, под руководством Ленина, большевиками было проведено восстание, положившее начало строительству первого в мире социалистического государства.

Вслед за взятием власти пролетариатом наступает период закрепления позиций молодого советского государства, защита его от интервенции и блокады со стороны мирового империализма.

На протяжении нескольких лет идет упорная гражданская война. Вооруженной рукой трудящиеся Советской страны завоевывают право на строительство социалистического государства.

Первые годы революции — это годы ожесточенных классовых боев. То ту, то там вспыхивают огни кулацких восстаний, интервенты высаживают десанты на юге, в Сибири, в Мурманске, Архангельске и на Кавказе. Вокруг республики сжимается тяжелое кольцо блокады. Контрреволюция со всех сторон пытается раздавить восставший пролетариат. С востока — чехо-словаки, Колчак и Дутов; с юга — Краснов, Каледин, Корнилов, Деникин и Врангель; с запада — Савинков, Булак-Балахович, Юденич; с севера — Миллер — десятки генералов формируют с помощью иностранных империалистов белые армии, огнем и мечом пытаясь восстановить буржуазное господство.

Получив в наследство от свергнутой буржуазии страну с полуразрушенным хозяйством, в условиях голода, холода и разрухи пролетариат вел героическую борьбу и победоносно ее закончил.

Несмотря на невероятно тяжелые условия своего существования, Советская республика вышла победительницей из этой борьбы. Эта победа, обеспечившая в дальнейшем колоссальные успехи социалистического строительства, была достигнута только бла-

годаря политическому руководству трудящимися массами со стороны коммунистической партии большевиков — авангарда пролетариата. Только благодаря ее умелому руководству как в деле вооруженной обороны страны, так и в области внутреннего хозяйственного строительства мы победили и укрепились.

Под руководством партии создавалась и росла Рабоче-крестьянская Красная армия, сила и мощь которой обеспечивались классовым ее составом, классовой сплоченностью ее рядов, политической сознательностью бойцов, крепким коммунистическим ядром, сплачивавшим вокруг себя всю красноармейскую массу и дававшим примеры большевистской преданности и героизма.

Крупнейшую роль в борьбе за победу советской власти играл комсомол, который под руководством компартии объединял под своими знаменами широкие массы рабоче-крестьянской молодежи, мобилизуя их на борьбу за власть советов.

Еще перед октябрьским переворотом Владимир Ильич Ленин в «Советах постороннего», этом генеральном плане вооруженного восстания, указывал: «Выделить *самые решительные* элементы (наших ударников и *рабочую молодежь*, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и *для участия* их везде, во всех важнейших операциях, например окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска — такова задача, требующая *искусства и тройной смелости*».

Рабочая молодежь во главе с комсомолом в годы гражданской войны целиком и полностью оправдала эту роль, подчеркнутую Владимиром Ильичем. Не было такого участка гражданской войны, куда бы комсомол не бросал лучших своих членов. Вся работа комсомола того периода подчинена военным задачам.

II

Уже в первых отрядах Красной гвардии, создавшихся летом 1917 г., активнейшее участие принимала рабочая молодежь, проходя военную учебу и готовясь к вооруженной борьбе за власть советов.

В октябрьские дни на баррикадах Москвы и Петрограда и других городов в первых рядах была рабочая молодежь.

«В маленькой комнатушке секретариата райкома партии,— вспоминает т. Ф. Киселев, — заседание только что организованной боевой пятерки. Непрерывно трещит телефон

На дворе толпа пришедших рабочих. Два мальчугана подрались из-за старого тесака. Один схватился за рукоятку, другой — за ножны. Тянут каждый к себе. Разлетелись в разные стороны. У одного в руках тесак, а у другого — ножны.

Иду в комнату, где, сгрудившись около стола, стоят в очереди рабочие, солдаты-ходынцы и молодежь.

Это запись в Красную гвардию. Вернее не запись, а регистрация, потому что еще задолго до Октября все теперь стоящие в очереди считали себя красногвардейцами.

Нетерпеливой, горячей молодежи все кажется медленным.

— Скоро ли там? Чего ковыряетесь-то!

— Успеете, подождите.

Но едва ли молодежь будет ждать. Откуда-то появились бумага и карандаш. Молодежь образовала свою очередь.

А в очереди разговоры:

— Да что вы меня записываете в санитары?! Не хочу я в санитары, я хочу в свой отряд.

— А оружие когда дадут — сейчас же?

— Кто поумней, тот сам заранее запасся.

— У меня есть охотничья берданка — взять или не надо?

— Брось, не на зайцев идешь охотиться.

— Пробросаешься! Сейчас и это хорошо. Бери, бери, хлопец!»

В наиболее опасных местах — на передовых постах, в смелой разведке — молодежь пролетариата оказывалась в первых рядах. Не случайно много из них погибло смертью храбрых на октябрьских баррикадах: Люся Люсинова, Жербунов, Ходяков, Барболин и десятки других, имена которых не сохранились, погибли в первых боях. Октябрьские баррикады были первой боевой школой для рабочей молодежи.

Вскоре же после Октября широкой волной развертывается создание отрядов Красной гвардии, предшественника Красной армии. Десятками и сотнями вливаются в них молодые бойцы, отправляющиеся на первые фронты.

В феврале 1918 г. издается исторический декрет о создании Красной армии.

Начинаются первые мобилизации.

Открывается фронт за фронтом. Комсомол Питера посылает отряд в 150 человек для защиты Петрограда от наступающих немцев; сотня уральцев уезжает на подавление восстания Дутова; все члены харьковского союза в количестве 500 человек уходят на фронт для защиты Харькова от немцев.

1919 г. был особенно тяжелым. Белогвардейское кольцо все туже сжималось. Республика напрягала все силы. Комсомол проводит две всероссийских мобилизации.

Первая, в мае 1919 г., — на восточный фронт, в связи с наступлением Колчака. Мобилизация прошла с громадным подъемом. Организации перевыполняли задания ЦК комсомола, посылая на фронт сотни юных коммунистов, реализуя директиву ЦК, которая предлагала местным организация РКСМ:

«1. Немедленно взяться за энергичное разъяснение широким массам рабочей и крестьянской молодежи угрожающего

положения на восточном фронте и способствовать успешному проведению объявленной на местах мобилизации.

2. Обратить серьезное внимание на работу среди молодых красноармейцев.

3. Немедленно ввести на местах для всех членов союза, способных носить оружие, всеобщее военное обучение.

4. Выделить ответственных работников для посылки на командные курсы и на восточный фронт для организационной и агитационной работы.

5. Организации прифронтовой полосы должны мобилизовать 20% всех членов организации, передав их в распоряжение местных партийных комитетов.

Примечание. В прифронтовую полосу восточного фронта входят: Вятская, Казанская, Симбирская, Самарская и Саратовская губ.

6. При отправке организации на фронт предлагается оставлять на местах количество работников для продолжения работы.

«Центральный комитет Российского коммунистического союза молодежи».

С неменьшим успехом была проведена вторая всероссийская мобилизация комсомольцев в октябре 1919 г. на южный фронт, против Деникина.

Одновременно проводились мобилизации на северо-западный фронт, против Юденича, в лыжные части, работы в хуторских ревкомах и военкоматах казачьих областей и др.

Мобилизации проводились в обстановке громадного подъема и энтузиазма.

«В Екатеринбурге, когда после II съезда делегаты приехали в губернию с постановлением о мобилизации, энтузиазм молодежи был неописуем. Ячейки рвались на фронт. Четырнадцатилетние юноши и девушки обращались в военкоматы и требовали отправки их на фронт».

«В владимирской организации уходят на фронт против Деникина целиком. Шли защищать республику даже юноши и девушки до 16 лет. Многих из них отправляли назад как не подходящих по возрасту, многие шли украдкой, лишь бы не отстать от своих товарищей».

Вот выдержка из протокола заседания райкома Красной Пресни от 3 октября 1919 г.:

«Слушали: Текущие дела. Предложено сейчас же выяснить, кто из членов райкома идет на фронт и кто остается для ведения дальнейшей работы. Едут: Изачек, Шариков, Сме-

танина и хотят ехать Литвейко и Кириллов. Так как кто-нибудь из двоих должен остаться, то предложено им бросить жребий.

Постановили: Едут Изачек, Шариков, Сметанина и Литвейко».

Случаи жеребьевки чрезвычайно часты. Энтузиазм настолько велик, что за право отъезда на фронт поднимаются горячие споры.

Немало комсомольцев «удрало» на фронт втихомолку.

На фронт шли просто, без всякой героичности. Об этом ярко говорит следующий документ:

В РАЙОННЫЙ КОМИТЕТ РКСМ СОКОЛЬНИЧЕСКОГО РАЙОНА

ЗАЯВЛЕНИЕ

От т. Смирнова

Настоящим прошу откомандировать меня на западный фронт».

Ярко описывает одно из характерных собраний т. Зуйков.

«Председатель районного комитета Лидия Иванова объявляет: «Собирайтесь, сейчас начнется собрание». Зал быстро наполняется волнующимися комсомольцами. На собрании встал вопрос: мобилизация или добровольчество? Долго и горячо спорили, что лучше и целесообразнее.

В разгар споров на трибуну поднимается один из молодых комсомольцев и неумелым языком, запинаясь, говорит:

— Товарищи, мой брат красноармеец. Так вот, он прислал мне письмо с фронта и описывает, как у Колчака за одно только слово «товарищ» порют нагайкой и шомполами. Неужели мы будем сидеть дома в такое время? Я первый прошу записать меня добровольцем.

Сильно волнуясь, он ничего больше не мог сказать. Одни зааплодировали, другие закричали: «Правильно!» Это решило споры. У стола президиума образовалась группа ребят, и оттуда уже слышно: «Кто следующий?»

Началась запись добровольцев. Собрание само закрылось, и центром внимания уже был стол, окруженный шумливой братвой. Когда запись кончилась, число добровольцев оказалось гораздо больше разверстки района по мобилизации».

Или рассказывает т. Сорокин:

«Температура 38° — ерунда. Можно стряхнуть градусник и, показав его приютившему и ухаживающему товарищу, сказать:

— Чего ты меня держишь? Зря маринуешь! У меня, смотри, 37,1°. Это, братец, естественно вполне.

И, сдерживая слабость в ногах и карусель в голове, одеваться, чтобы бежать, бежать скорее туда, к своим».

Комсомол отдавал на фронт лучшее из того, что он имел.

Нередки были случаи распада организаций из-за поголовного ухода на фронт.

В 1920 г. на польский фронт уход добровольцев московской организации комсомола принял настолько массовые размеры, что МК был вынужден опубликовать особую директиву по этому поводу.

Бывали конечно и случаи дезертирства, ухода из союза и отказа от мобилизации, но они были единичны. Союз вел с ними решительную борьбу, беспощадно очищая комсомол от случайных элементов.

Хорошим примером отклика комсомола на боевой призыв ЦК комсомола о посылке молодых бойцов на польский фронт являются выдержки из одной комсомольской газеты того времени:

На пана и барона

«Тираспольской организацией КСМУ отправлено на фронт 53 товарища».

«Кобелякская организация за август послала 53 человека на командные курсы».

«Николаевский союз отправил 10% своих членов на курсы красных командиров».

«Киевская организация мобилизовала на фрон 53 человека — членов союза».

«В Полтавской губернии с успехом выполняется разверстка ЦК по мобилизации. Уже отправлено на фронт 25 товарищей».

«Херсонщина мобилизовала на борьбу с Врангелем 103 человека — членов КСМУ».

«Донецкий бассейн до 1 сентября послал на польский и врангелевский фронты свыше 65 человек — юных пролетариев, членов союза КСМУ».

«Роменской организацией мобилизовано на борьбу с Врангелем 40 товарищей. Сельские организации Лубенского уезда послали на фронт 15 человек — членов КСМУ».

«Общее собрание членов КСМ мариупольской организации, заслушав доклад о II всеукраинском съезде молодежи и о наступлении польской шляхты на Украину, единогласно поста-

новило мобилизовать всех своих членов в полном составе на польский фронт».

«Конотопский комитет КСМУ постановил мобилизовать всех членов и кандидатов союза и немедленно отправить в ряды красных войск».

«Все члены волынского губсъезда союза постановили объявить себя мобилизованными и отправиться на фронт».

«Славянская организация КСМ мобилизовала 25% своих членов для немедленной отправки на польский фронт».

«Уманский съезд дал 800 юных бойцов, которые явились на сборный пункт с музыкой и красными флагами. Из 600 членов союза 400 ушло на мобилизацию; город Умань дал фронту 50 юных коммунистов, из них 10 товарищей записались в отряд кавалеристов».

«В Никополе все члены организации старше 18 лет отправились на фронт».

«Со всей Черниговщины организациями КСМ отправлено на польский фронт от 50 до 80% всего состава. Некоторые организации объявили себя мобилизованными и в полном составе выехали на фронт».

Такие же сведения поступали со всех мест Украины: из Бахмута, Екатеринослава (Днепропетровска), Одессы, Юзовки (Сталино), Харькова и др.

III

Свой энтузиазм молодежь несла с собой в непосредственную боевую обстановку, на фронт. Трудности и лишения фронтовой обстановки не останавливали.

Наоборот, молодые бойцы рвались на наиболее ответственные участки, непосредственно в бой.

Наш сборник показывает целый ряд примеров участия комсомольцев в различных боях.

В особенности ярко описывают боевую обстановку тт. Бортиков и Черевин в своих воспоминаниях «Круглые сутки». Они показали просто, без излишней рисовки один из дней гражданской войны, когда круглые сутки пришлось быть на ногах и подряд участвовать в нескольких боевых стычках.

Красочно описывает приключения разведчика, попавшего затем в панский плен, т. Зюзин.

Но не только красочность и романтику гражданской войны должна знать молодежь. На ряду с чрезвычайно яркими эпизодами существовали и тяжелые, но героические будни. Молодежь, кровью утверждая искренность слов боевой песни:

> Смело мы в бой пойдем
> За власть советов
> И как один умрем
> В борьбе за это...

умела переносить трудности и невероятные лишения. Наш сборник показывает и эту сторону истории гражданской войны и участия в ней комсомола.

Тяжелыми язвами на молодом теле республики гноился бандитизм. Ликвидация его требовала немалых усилий. Борьба с бандитизмом была особенно упорна и тяжела. Озверевшие кулаки подвергали пыткам и мучениям попадавших к ним в руки коммунистов и комсомольцев.

> «...Началась жесточайшая, безумная резня. Кто только попался в этот момент, был буквально растерзан. Пощады не было никому, — рассказывает т. Фастовский, один из весьма немногих комсомольцев, уцелевших после знаменитой трипольской трагедии. — До самого вечера продолжалась дикая расправа. Из разных мест вытаскивали спрятавшихся красноармейцев, волочили их по улицам, мучили, издевались над ними.
>
> ...Мы шли по разрушенному Триполью. Уже была ночь, и луна освещала догорающие развалины крестьянских хат. Всюду валялись трупы, окровавленные и растерзанные, кругом стонали раненые и умирающие, впереди, сзади и по бокам нас, пленников, ходили звери в человеческих образах, жаждущие крови и еще не насытившиеся ею. Брань, толчки, удары, пинки, стоны, выстрелы, прекрасная летняя ночь — все смешалось в одно. Смерть творила свою страшную работу. Нас вели на новые страдания и муки эти серые, опьяненные от крови люди. Было жутко. Мы шли...»

Под Трипольем погибли десятки киевских комсомольцев, замученных бандитами отряда атамана Зеленого.

Оставшиеся в тылу всю свою работу подчинили требованиям обороны Советского союза, проводя сборы вещей для фронта, неся вооруженную охрану, вступая в ЧОН (части особого назначения), формируя продотряды, живя одной жизнью с товарищами, ушедшими на передовые линии огня.

В районах, занятых белыми, комсомол активно участвовал в подпольной революционной работе. Агитационная работа на заводах, расклейка прокламаций, создание боевых дружин, активная помощь отрядам Красной армии — во всем этом комсомол принимал самое деятельное участие.

Подпольная работа требовала особенно большой выдержки, смелости и немалого риска. Красочно рассказывает о расклейке прокламаций т. Менис, показывая, в каких трудных условиях выполняли киевские комсомольцы конкретное революционное дело, героически перенося избиемния и издевательства.

IV

Сотни и тысячи комсомольцев погибли на фронтах гражданской войны, борясь в первых рядах, примером своим увлекая за собой всю массу красноармейцев. Приведем несколько примеров гибели комсомольцев в боях.

К белогвардейцам во время боя попал в плен доброволец Красной армии Малышевского полка, мальчик 15 лет. Это был Карасев, сын бедного крестьянина из села Маркова, с восьми лет живший батраком у зажиточных крестьян.

Когда Карасев попал к белым, его спросили, коммунист он или нет, на что он гордо отвечал: «Да, я коммунист». Тогда белогвардейцы раздели юного коммунара донага и повели по улице. Мороз достигал 39°. Карасева били нагайками и прикладами, но мальчик не проронил ни слова.

После этих пыток Карасева завели в сугроб и расстреляли.

Симферопольская комсомолка Фаня Шполянская в ответ на смертный приговор врангелевского суда заявила: «Вы, убивающие нас, надеетесь этим задушить революцию, не замечая за своими спинами красного призрака. Скоро придет тот день, когда вы будете сидеть на скамье подсудимых и отвечать за свои преступления».

С открытыми глазами становится она на место казни, воскликнув: — Вот как умирают коммунисты!

С криком «Вперед, товарищи!» падает убитый наповал комсомолец Милицкий.

Живым закапывают в землю комсомольца Минаенко белые в Григорьевском бору под Харьковом.

Геройски погиб белорусский комсомолец Иван Мурый. Пытаясь отбить пулемет, он первым прорвался в середину польской колонны и погиб под штыками легионеров.

«Делегат X съезда РКП(б) Фейгин Герасим, пошедший добровольцем на подавление кронштадтского мятежа, проявил невероятное геройство, храбрость и мужество. Он пренебрегал смертью и был впереди, увлекая за собой наступающую массу, энергично и умело руководил группами, не теряясь под градом пуль, и тем самым исполнил свой долг перед лицом всего трудового народа. Он пал, сраженный пулей противника.

Скорбим всей душой о безвременно павшем нашем товарище и герое т. Фейгине Герасиме.

Тело его погребено на площади Революции (братские могилы).

Комиссар штаба морской крепости Кронштадт Федоров

Секретарь Михельсон

V

Период гражданской войны — боевая школа комсомола, в которой он рос и закалялся. Знать историю комсомола должен каждый комсомолец. Боевая история союза для нас важна не только как прошлое. Она дает опыт для грядущей борьбы.

Успехи на фронте социалистического строительства первого в мире пролетарского государства не дают покоя мировым империалистам. В поисках выхода из кризиса, охватившего весь капиталистический мир, они усиленно готовятся к вооруженному нападению на Советский союз. Мы должны быть готовы к защите своих границ.

Задача сборника в дни пятнадцатилетия ленинского комсомола — показать на живых примерах, как комсомол под руководством партии боролся с оружием в руках за победу и укрепление пролетарской диктатуры, передать лучшие боевые традиции прошлого сотням тысяч трудящейся молодежи, вновь вступающей в ленинский комсомол.

Грядущие бои потребуют мобилизации всех наших сил. Краснознаменный ленинский комсомол вновь проявит «тройную смелость» и будет передовым бойцом на любом участке фронта.

Л. Гурвич

Октябрь

И. СКОРИНКО

За власть советов

Утром 23 октября (старого стиля), проснувшись, я увидел в комнате довольно странную картину.

На грязном полу сидел вернувшийся с работы отец и заботливо чистил мою винтовку. Его винтовка уже лежала вычищенния.

Около отца стояла мать и глядела на него с возмущенным сожалением.

Я стал наблюдать.

— Отец на старости лет в ветрогоны записался. Сына не высечет. И на вот тебе... винтовку чистит. Убивать, что ли, кого будешь?

— Уйди! Дура баба! — спокойно смазывая затвор маслом, отмахнулся отец.

— Сам дурак! На дворе все над тобой смеются.

— Уйди! — напуская на свое добродушное лицо свирепое выражение, закричал он. Вслед за тем по комнате поплыли, складываясь в довольно причудливые узоры, ругательства.

«Ругается, — подумал я, — следовательно, мой папаша не совсем доволен политическими событиями». Это для меня впоследствии стало понятным.

Будучи политически безграмотным, он (да и только ли он?) инстинктивно чувствовал правоту большевиков, но логично не мог своему собеседнику изложить сущность их идей.

В спорах он обычно употреблял самые популярные лозунги большевиков, митинговые фразы и, когда видел, что его противник прибегает к длинным и недоступным его пониманию доводам, он быстро багровел и окатывал спорящего заранее испытанными ругательствами.

Здесь он был красноречивее всех.

— Что ругаешься, товарищ папа? — шутливо спросил я, употребляя обращение «товарищ», которое и в действительности создало у меня с ним родственно-товарищеские чувства.

— Встал? Хорошо! Возьми винтовку и иди в штаб! Сволочи, закрыли газету «Рабочий путь» и грозят нам разоружением. Этому не бывать! Идем!

Под плач и причитания матери и под насмешливые взгляды обывателей я и отец, держа на плечах винтовки, направились в штаб, где встретили чрезвычайное оживление.

В райкоме партии большевиков

В штабе под столами, на столах и около столов мы увидели, как масса рабочих любовно чистила винтовки, еле сдерживаясь от желания итти в центр свергать буржуазное могущество.

Среди сотни красногвардейцев была такая общность интересов в этот день, что мой отец, положив руку на мою голову, заметил:

— Сегодня я храбрецом себя чувствую. Если у всех такое же чувство, то завтра будет советская власть.

— А если ее через день придется отдать? — шутливо заметил пробегавший ротный.

— А чорт всех побери! Хоть день, да будет наш! — потрясая в воздухе винтовкой, крикнул мой отец, вызывая энтузиазм у присутствующих.

— Верно. Но нам бы только на день. А уж там мы покажем, как бережем свою собственность.

Между тем рабочих собиралось все больше и больше.

Приносили всевозможные известия, которые то печалили красногвардейцев, то радовали.

Говорили о колоссальном подъеме рабочих районов и полков, о предательстве соглашателей, противодействующих революционному порыву масс.

Жизнь в райкоме била ключом.

В группах беседующих обсуждали поведение ВЦИК и предугадывали, что может сказать всероссийский съезд советов.

Но скоро наше ожидание прекратилось. Начались строевые занятия, наиболее ярко выявлявшие боеспособность и сознательность рабочих.

После занятий пришло известие о стягивании к Петрограду юнкеров, казаков и ударников, и все, за редким исключением, остались ночевать в штабе.

24 октября (старого стиля) член Петергофского райкома РКП т. Миничев известил красногвардейцев о ночной попытке буржуазии задержать свое падение арестом рабочих вождей.

Тут же было прочитано воззвание Петроградского совета, где все призывались к революционной выдержке и где предписывалось всем революционным отрядам быть в полной боевой готовности.

При чтении этого воззвания чувствовалось, что в знак своей готовности к борьбе за диктатуру трудящихся вооруженные рабочие пойдут на все. Красногвардейцы были задорны и безумно смелы.

В тот же день штабом путиловских красногвардейцев из Революционного военного комитета было получено сообщение о занятии преданными ему войсками правительственных и иных важных учреждений.

Энтузиазм был у всех весьма велик. Красная гвардия все время пополнялась. А один красногвардеец «от радости» даже выпил.

Несмотря на действительно радостную подкладку выпивки, из отряда его исключили.

Вслед за тем было получено предписание вооружить рабочих, для чего был дан наряд в Петропавловскую крепость на оружие.

По дороге к крепости

За получением оружия был командирован взвод, где находился и я.

Забрав с собою автомобиль, мы, провожаемые напутствиями всего отряда, поехали выполнить свое первое серьезное боевое задание.

В городе нас встречало чрезвычайное оживление. На каждом углу нас приветствовали толпы рабочих, высыпавших в этот день на улицу.

Но наряду с ними была масса буржуазии, осыпавшей нас проклятиями, бранью и пытавшейся остановить нас совершенно негодными и затхлыми средствами.

— Опомнитесь! Вы предаете родину! На защиту отечества с винтовками! Провокаторы! Братоубийцы! — кричала, захлебываясь от ярости, буржуазия.

Красногвардейцы вначале молчаливо смотрели на них. Но эти крики скоро сменились другими.

Около Морской улицы мы услышали за собой шум автомобиля.

За нами ехал крытый брезентом грузовик. Не придавая значения этому факту, мы продолжали ехать дальше. Но когда мы свернули на Литейный мост, по нас началась бешеная пулеметная стрельба.

Стремительно спрыгнув с автомобиля и рассыпавшись в цепь по набережной, мы увидели, что, отбросив брезент, с автомобиля нас обстреливали юнкера.

Через полчаса обстрела автомобиль с трупами юнкеров мы потянули на буксире в качестве трофея.

Это была наша первая крупная победа.

В Петропавловской крепости

Мы — в крепости. Мрачное кладбище дома Романовых для их врагов — Петропавловскую крепость — нельзя было узнать.

Воспетая ее тишина была нарушена пыхтением автомобилей, скрипом подвод, криками. У складов оружия особенная толкотня.

— Товарищ! Куда лезешь? В первую очередь винтовки надо выборжец, — их у нас мало! — останавливает обуховца рабочий-лесснеровец.

— Нет, нам надо первым. Сами знаете, только недавно обуховцы очухались от соглашательского дурмана. А у нас район сильный. Уж, пожалуйста, нам.

— Для обуховцев? Можно. Крой, парень.

Здесь же мимо проводят первых пленных офицеров и юнкеров. С исказившимися от страха лицами, грязные, они все-таки смотрели на нас с ненавистью. Попали бы мы им в руки, — будьте убеждены, что долго не стали бы водить.

Заинтересовавшись их судьбой, я пошел вслед за ними в караульное помещение.

Всех арестованных, предварительно записав в регистрационные книги, направляли не в казематы, а в казармы, приспособленные временно для мест заключения.

Обращались с ними тактично и корректно, чем ставили многих из них, ожидавших от большевиков пыток и издевательств, в неловкое положение.

Где-то за Невой, со стороны Зимнего дворца, послышалась стрельба: то наши окружали ударников и юнкеров. Из крепости дали пушечный выстрел, и мы прямо изнывали от мысли, что далеки от боев.

С винтовками обратно

Наконец автомобиль нагружен.

Медленно выезжаем из крепости и, лавируя по улицам, стараемся без задержек доставить оружие в район. Среди встречающейся публики мы вновь видим самые разнообразные настроения.

— Да здравствуют красногвардейцы! Мы с вами, товарищи! Долой Керенского! — кричали блузы и серые шинели.

— Красногвардейцы! Вашу родину терзают враги! Большевики ведут брата на брата! Идите к нам! — брызгая слюной, кричала буржуазия.

При виде первых, заражаясь их настроением, мы бросали вверх шапки, кричали приветствия; при виде вторых молча сжимали винтовки.

Когда мы подъезжали к штабу, нас встретила тысячная толпа, бросаясь к автомобилю, откуда оружие раздавалось по заранее приготовленному списку.

Красногвардейцы, доставившие оружие, скромно прислонились к забору в ожидании дальнейших распоряжений.

— Вы можете итти домой, — предложил командир батальона.

Забыв дисциплину, красногвардейцы запротестовали:

— Как, в такое время отдыхать? На фронт и больше никаких!

Под Гатчиной между тем уже шли бои.

Несмотря на упорство комбата, наш взвод за выполненное поручение был направлен в Лигово.

За власть советов

Дорога от Лигова к станции Александровской представляла собою сплошное болото. Ноги по колено уходили в липкую грязь, но нам ли, комсомольцам, унывать от этого!

На перекрестке двух дорог, у небольшого леска, встретили партию матросов.

— Здорово, пацаны!

— Здравствуйте. Куда?

— На фронт. Хряем вместе?

— Топаем!

Между лесами дорога пошла лучше. Не было грязи, и в некотором роде поэтично:

Тихо. Лишь слабый ветерок раскачивал верхушки сосен. Хотелось лечь под деревом и в своих мечтах изображать себя Соколиным Оком, вождем племени томагаука.

Но только хотелось. Революция сделала в этом году нас взрослыми и ответственными перед обществом людьми. Мы наяву стали красногвардейцами.

В конце леса послышался шум автомобиля.

— Не белые ли?

— Я предлагаю выйти вперед и остановить их. Если свои — пусть махнут рукой. Если белые — пусть упадут. Мы тогда будем стрелять, — предложил матрос.

Согласились. Навстречу автомобилю выслали двоих, а остальные, сжимая винтовки, залегли под кустами и наблюдали за ними.

Показался автомобиль. Его остановил тотчас же наш дозор. О чем-то поговорили, потоптались, и дозор упал. Его падение послужило нам командой.

Раздался дружный залп, вслед за которым из кустов с винтовками наперевес бросились к автомобилю красногвардейцы.

Но каково же было наше смущение, когда в автомобиле оказались представители ревкома!

К счастью, мы дали залп выше, и они остались живы. Наша ошибка была вызвана тем, что дозор упал, поскользнувшись, в канаву.

За леском начинался фронт. С разных сторон слышалась пулеметная, орудийная и ружейная стрельба, вызывавшая в нас недоумение: где наши и где противники?

Пошли прямо, надеясь на то, что «кривая» вывезет. В двух верстах от леса случайно наткнулись на казаков.

Быстро рассыпались в цепь и открыли отчаяннейшую стрельбу. Казаки отвечали.

На перестрелку обратила внимание чья-то артиллерия и в лощинку послала несколько снарядов, от которых мы и наши противники поспешили скрыться, не имея ни убитых, ни раненых.

Плескаясь по лужам, добрались мы скоро до небольшой деревушки, полной матросами, отдыхавшими после боев.

Усталые, заснули и мы.

Часа через три мы проснулись. Слышалась ужасная стрельба. С заспанными лицами мы выбежали на улицу и, очутившись в общем потоке революционных войск, пошли в атаку на станцию Александровскую.

От Александровской до Царского

Впечатления от этой атаки остались у нас неизгладимые.

С удивлением мы смотрели тогда на новых красных боевиков, представлявших очень красочную группу.

С криком, без страха мимо нас пробежал красногвардеец в щеголеватых ботинках, смокинге и шляпе, а сзади него несся оборванец-босяк.

Дальше бежали двое рабочих, обросших бородой, в синих блузах и брюках из «чортовой кожи». За ними вприпрыжку поспевал пятнадцатилетний гимназист.

В этой массе радостно несшихся, может быть, на смерть людей можно было видеть одежды разных покроев и фасонов.

Ни один фронт, вероятно, не видел такого разнообразия в обмундировании.

Среди рабочих, делая огромные прыжки, кляня, по привычке, свет, апостолов и ангелов, бежали матросы.

До станции было уже недалеко. Уже отчетливо виднелись вагоны и бегавшие в панике люди. Шла тем не менее яростная стрельба, не останавливавшая наступление красных.

С криком ворвались на станцию Александровскую. Бегут не выдержавшие натиска белые в Царское Село. Спотыкаясь о трупы людей и лошадей, лавиной бегут за ними красные.

На станции Александровской красногвардейцы освободили запертых в вагоны своих, взятых в плен белыми.

Всю дорогу до Царского Села (ныне Детского) красногвардейцы, не уставая, бежали бегом, догоняя разбитого противника, в панике бросавшего оружие.

Натыкаясь на трупы, они падали, подымались и, обгоняя друг друга, бежали вперед.

В Царском Селе

Масса народа толпится у ворот домов, но, к удивлению, нет нигде противника. Чуть где покажется вооруженный — сотня красногвардейцев бросается к нему и видит своего рабочего.

Местная беднота и солдаты царскосельского гарнизона ходили между нами, угощая чем богаты и указывая лиц, замешанных в поддержке белых. Таких тотчас же арестовывали.

Расстрел был чужд победителям.

В Царском Селе произошел, например, такой факт. В местном офицерском лазарете одновременно с ранеными на русско-германском фронте лежали офицеры, раненные в октябрьских боях.

Проведав про это, часть матросов-анархистов ворвалась во дворец, где помещался лазарет.

Администрация последнего забаррикадировала входы и бросилась к красногвардейцам за помощью.

Один из докторов встретился с нашим комсомольским отрядом, с которым были также и матросы.

Вначале мы не поверили рассказу доктора. Нам было странно слышать, что среди нас, победителей в борьбе за чистую и светлую идею, имеются товарищи, желающие ее запятнать расстрелом безоружных, вышедших из строя людей.

Когда доктор сообщил, что расстрелять раненых явились матросы, бывшие с нами матросы заявили, что это ложь и доктору все это померещилось.

Матросы ушли, а красногвардейцы на всякий случай направились к лазарету.

В царском дворце

Не поспей рабочие во-время, был бы большой позор. Матросы уже ломали двери лазарета. Взяв винтовки наизготовку, мы, растолкав толпу, встали у входа и заявили, что расстрела раненых не допустим.

— А, и вы с ними, изменники! — неслись крики наступающей толпы. — Мы и вас расстреляем!

И что было бы с нами — мы не знаем. К счастью, на помощь к нам подоспели отставшие вначале матросы и отогнали от лазарета наступающих.

Тогда они в ярости бросились в первый этаж, где помещалась какая-то канцелярия. Мы с горечью смотрели, как там разбивались прикладами дорогие бюро, картины, окна.

— В революции есть хорошие стороны и плохие. Привыкайте ко всему, ребятки! К плохим делам их толкает не разум, а гнев и месть за долгие годы унижения, — заметил нам один из революционных офицеров, увидев наши опечаленные лица.

Здесь же на наших глазах был расстрелян, при общем одобрении массы населения, священник, о котором нам почти все сказали одно:

— Собака на редкость.

Больше расстрелов не допустили.

Молодежь направилась обратно на станцию Александровскую.

По домам

На станции — всеобщее ликование и подсчет трофеев. Помимо военного имущества, красными воинами захвачен целый эшелон подарков, присланных Керенским для казаков. Эти-то подарки, на упаковке которых было лаконично указано: «Достойным», по иронии достались красногвардейцам.

Спасибо на добром слове, можно сказать.

Подарки, состоявшие из баранок, колбас, орехов, табаку, организованно распределялись среди всех.

Довольные и сытые, к тому же получив известие об успешном подавлении восстания повсеместно, отряды стали собираться домой.

Около вагонов начальники выстраивали своих подчиненных и с заботливостью их осматривали, так как многие вбили себе в голову, что раны показывать позорно.

Обнаруженных раненых здесь же перевязывали и, несмотря на их нежелание, отправляли в госпитали.

После проверки сели в поезд.

— Ну, ребятки, наша власть, — проговорил старик-красногвардеец. — Теперь ее нужно защищать. Что будет впереди, неважно. Главное — не раскаиваться. Правильно я говорю?

— Правильно, дед! — хором крикнул вагон.

— А ты что глаз закрываешь? Синяк? Откуда?

С синяком стыдливо покраснел.

— Когда за белыми бежал, на седло упал.

— Врешь. Подрался, поди? — недоверчиво протянул дед.

— Так не стыдись, шкица. На̀ каску — прикладывай.

Огромная каска вместе с синяком прикрыла голову подростка при единодушном смехе вагона.

Вся дорога до Петрограда прошла в хохоте. Хохотали над всем, даже над человеческой смертью.

Матрос, ухитрившийся достать последние газеты, в минуту установившейся тишины прочел красноармейцам:

«Когда с Петропавловской крепости выстрелили вверх из ору-

жия, стоявший на посту у Зимнего дворца ударник умер от страха, получив разрыв сердца.

Всем выдержавшим в последние бои бешеные артиллерийские атаки странным казалось умереть от испуга, вызванного одним только выстрелом».

— Ну и солдаты у Керенского!

Эта реплика покрылась хохотом.

Смерть единственный раз, вероятно, создала в группе людей самое веселое настроение.

Красногвардейцы не доходя до Петроградского вокзала.

Чтобы не видеть сентиментальных картин, чтобы не быть предметом внимания тысяч людей, толпившихся у вокзала, по путям Варшавской железной дороги все разбрелись к себе по квартирам.

— Я рад, что ты живым вернулся с фронта. В райкоме некому дежурить: все удрали на фронт, — сказал отец при виде меня. — Идем!

И пошли.

П. ДЕЛЮСИН

На все сто

Первые шаги

Летом 1917 г. я приехал из Питера в Москву и устроился на фабрике Цинделя.

Политическая борьба на фабрике, где на ряду с большевиками ютились и меньшевики и одиночки-анархисты, захватила меня целиком. Митинги, собрания на улице, в казарме — всюду надо было побывать, сунуть свой нос, а иногда и свое словечко, этакое робкое сначала, вставить. Везде и всюду только и слышалось: большевики, меньшевики, кадеты, буржуазия, рабочий класс и т. д. За станком, за обедом беспрерывные споры, и мы, молодежь, тут как тут. Тоже ведь хотелось свои мысли выложить, а если противник слаб, то и насесть на него, заставить «винта нарезать».

На собраниях мы всегда были поближе к трибуне, к оратору, слушали и полные огня, решительности речи большевиков, и уговаривающие «нельзя этого», «нельзя того», «подождите — рано» и т. д. — меньшевиков. Все впитывали в себя, как губки. Сначала больше нутром чувствовали мы правоту большевиков, а затем и разбираться стали во всех тонкостях их политики и сделались активными помощниками партии. Конечно нельзя сказать, что вся молодежь в то время была втянута в политическую борьбу. Сначала лишь маленькая группа (будущее ядро союза) крутилась около партийной ячейки. Партийная ячейка охотно давала нам различные поручения: распространение листовок, воззваний, участие в районных митингах и т. д.

Организуемся

По приезде в Москву у меня возникла мысль об организации молодежи. Как-то за работой я рассказал ребятам, что в Питере существуют молодежные организации и что нам не мешало бы создать у себя на фабрике такую же организацию, объединить

в ней всю молодежь. Мысль понравилась всем, но все мы еще смутно представляли: а что же эта организация будет делать? Решили поговорить с партийцами. Те посоветовали сходить в райком. Пошли мы с Пищеревым в райком и попали как раз на собрание не то комитета молодежи, не то совещания какого-то, где Тер-Ваганян подробно рассказывал, как молодежь должна организоваться, что ей надо делать, упомянул, насколько мне помнится, о том, что юношеские организации давно существуют за границей и проводят очень большую работу. На другой день мы прямо в партийную ячейку: «Хотим организовать союз молодежи».

Ячейка выделила нам члена бюро т. Короткова. Вечером опять пошли в райком. Тер-Ваганян подробно рассказал нам обо всем.

На следующий день собрали всю фабричную молодежь. Пришло несколько сот человек. Такого количества мы никак не ожидали и сразу же растерялись: «Что же мы с ними будем делать?»

После доклада т. Короткова мы с Пищеревым добавили все, что узнали от Тера, и тут же, после собрания, провели запись в союз. Выбранной на собрании тройке поручили провести собрания молодежи по отделам фабрики и повести агитацию за организацию союза. Нужно сказать, что на эти собрания молодежь валом валила и везде единогласно принимала постановление о записи в организацию. За несколько дней в союз записалось сотни три-четыре человек. Не зная, как организационно оформить все это дело, мы решили разбить всех союзников по десяткам и в каждом десятке выбрать десятского. Эти десятские должны были регулярно собираться, разрешать все текущие вопросы, а затем докладывать о решении своему десятку. Так и сделали.

На собраниях десятских вопросы обсуждались примерно такого порядка: какие кружки организовать, где достать руководителей и т. п. Была у нас кроме того большая мечта: достать книг и свою библиотеку организовать. Мечта скоро начала осуществляться. Прослышали мы, что на Моховой (где сейчас помещается Исполком Коминтерна) какие-то студенты литературу продают. Пошли. Верно, есть. Порасспросили, посмотрели, приценились. Дороговато, но делать нечего, уж больно литература понравилась: все толстые такие книги, да с такими мудреными названиями — не выговоришь, не то что Пинкертон измызганный да Шерлок Холмс. Попросили мы студента обождать несколько дней — другим не продавать.

За эти несколько дней устроили спектакль в своем фабричном театре и на вырученные деньги приобрели «библиотеку». Радости нашей не было конца: всякий на ощупь оценивал ту или иную книгу (больше все на толщину обращали внимание), ласково трепал ее по истертым бокам.

Так у нас создалась своя собственная библиотека. Мы и печать

свою заимели и все книги припечатали, стараясь заклеймить ею как можно больше страниц.

Большим вопросом для нас являлся вопрос о руководстве ячейкой. Мы ясно сознавали, что собранием десятских, — а их уже было больше пятидесяти, — ни одного вопроса как следует не решишь. Надо было создать какой-то орган, который намечал бы вопросы, прорабатывал бы их, а потом уж вносил на обсуждение. Долго спорили и наконец решили, что надо из состава десятских выбрать группу ребят.

Такая группа — бюро — была создана из пяти человек. Бюро являлось уже руководящим органом ячейки: созывало собрания, устраивало совещания десятских, ходило в райком. Оно впервые поставило вопрос о представительстве в фабкоме для защиты интересов молодежи. Обсудили мы вопрос обстоятельно и приняли единогласно.

Наш представитель (Пищерев) водворился в фабкоме за отдельным столом.

С райкомом у нас была связь самая тесная, ибо существовало представительство от нашей ячейки (я и Пищерев). Райком был непохож, собственно, на райком нашего времени — это была просто группа работающих на местах ребят. Работа двигалась просто: ребята приходили в райком, выкладывали все, что у них было, что они проделали, тут же получали зарядку на дальнейшее (от Тера и других) и опять шли на фабрики для немедленного проведения дальнейших задач в жизнь.

Чуть-чуть помню об уставе союза. Тер его писал, Тер его предлагал. Мы все конечно полагали, что какая-то инструкция или что-то в роде каких-то правил должно быть. Тер представил на одном из собраний устав на обсуждение, и после некоторых дополнений и изменений устав был принят.

Большие дела шли своим чередом. В ячейке партии уже обсуждались вопросы подготовки к Октябрю. Чуть ли не ежедневно происходила зарядка рабочих. Споры с меньшевиками становились все острее. «Руки чесались» — большевистская зарядка требовала выхода. Частенько к нам заходили партийцы и подолгу беседовали, разрешая наши недоуменные вопросы, — а их было много, — сдерживая нашу удаль молодежную, направляя на практическую работу, в помощь партийной ячейке. Помню один из многих эпизодов практической помощи партии. Нужен был порох. Потихоньку говорили: «бомбы начинять». Ну что ж, бомбы, так бомбы, дело неплохое. Я работал в гильзовой мастерской. В гильзах от снарядов нередко попадались мешочки с порохом, и вот эти мешочки и надо было украдкой таскать из мастерской. К себе в помощь я приспособил трех-четырех парней. На их обязанности лежала разгрузка от мешочков гильз и загрузка ими карманов моего пальто, я же (обычно это мы проделывали в ночную смену) должен был незаметно улизнуть из мастерской, так же

незаметно пройти мимо сторожа, доставить порох на квартиру и вернуться обратно как ни в чем не бывало. С квартиры «начинку» уносил т. Пече в неизвестном для нас направлении. Такую операцию проделывали мы систематически, но в конце концов завалились. Однажды, нагруженный порохом доотказа, я попался сторожу и должен был вместе с ним пропутешествовать до конторы. Там усердно допытывались:

— Для чего же, собственно, тебе понадобился такой продукт?

Не добившись ничего, решили меня уволить. Фабком у нас в ту пору был большевистский, и меня отстояли. «Ради, мол, своего собственного интереса ребятишки воруют — баловством занимаются». Оставили.

Мы с ребятами стали осторожнее, но контрабанду не прекратили.

Юношеская демонстрация

Не помню точно, какого числа мы получили бумажку, напечатанную на машинке. Оказалось — воззвание Интернационального бюро социалистического юношества Запада. Буря восторгов: значит, мы не одни, значит, и на Западе знают о нас и хотят с нами связаться. К воззванию была приложена сопроводительная о том, что 15 октября 1917 г. назначается демонстрация молодежи. Сейчас же собрали десятских, зачитали, обсудили, как лучше организовать демонстрацию. Созвали сначала собрания по цехам, потом общее собрание. Вызвали докладчика из района. Долго думали, какие лозунги написать на знаменах, посоветовались с партячейкой, составили, написали и в день демонстрации вывели всю рабочую молодежь, примерно около восьмисот человек, на улицу. Партийцы дали нам своих ребят — «на всякий случай».

Дорогой всякая сволочь старалась задеть нас, всячески издевалась. Злоба кипела, хотелось лезть в драку. Но надо было сдерживаться. Отругиваясь, еще сильнее и громче пели «Вихри враждебные» и «Смело, товарищи, в ногу».

На Советской площади прослушали ораторов, приняли резолюцию: «Власть — советам». Домой пошли с полным сознанием и решимостью бороться.

Социалистический союз молодежи

Нам не только приходилось организовывать рабочую молодежь, вести среди нее политическую работу, но и не упускать из виду нашего, хотя и слабого, противника — социалистического союза молодежи (был и такой у нас в Замоскворечье). Объединял он молодежь всех мастей и оттенков. Каково было его настоящее

лицо — трудно понять. Там были именующие себя и меньшевиками, и анархистами, и эсерами, и просто юнцы из гимназистов и гимназисток, которые были за революцию, потому что «экзаменов можно не сдавать», «папирос кури сколько хочешь». Нельзя сказать, чтобы они пользовались успехом у рабочей молодежи. Их попытки как-нибудь связаться с рабочей молодежью терпели полный крах. Главной базой социалистического союза молодежи была только типография Сытина и отчасти фабрика Шредер. На других фабриках они никакого влияния не имели. Но все же они пытались каким-либо путем молодежь привлечь. На заводе Густава Листа, например, они на собрании молодежи обещали по полтине на уплату членских взносов. Но и это не помогло, не особенно прельщало. Да и сама обстановка в их райкоме, с «глубокомысленными» спорами, отталкивала рабочую молодежь. Были конечно одиночки, за которыми они тщательно ухаживали, оберегая от разлагающего влияния нашего союза, но и эти одиночки, побыв у них короткое время и увидев, что к ним относятся не как к равным, а стараются поучать, удирали.

Райком социалистического союза помещался на Калужской площади в ресторане бывш. Полякова. Вскоре мы тоже перебрались туда. Для них такое сожительство было не из приятных: обычные перебранки, маленькие стычки происходили ежедневно. Их идеолог Еремеев, кажется, сначала делал попытку «научно» доказать свою правоту, но, видя, что это только вредит и разлагает его собственные ряды, бросил и споров после всячески избегал. В райком социалистического союза ходила почти одна и та же публика. Больше всего учащиеся. И чем ближе к Октябрю, тем меньше они представляли для нас интереса. Толковали мы уже с ними больше от нечего делать: они хорохорятся, а нам весело.

Октябрь

Октябрь приближался.

Мы спешно получали указания, что делать, и подготавливали молодежь. На фабрике работа разворачивалась «на все сто». Начала организовываться Красная гвардия. В наш фабричный отряд вошел весь актив союза и порядочное количество молодежи, увеличившееся еще больше в дни Октября. Ребята все были на подбор: с ними куда хочешь — не выдадут. Гвардия была разбита на десятки во главе с десятскими. Нужно было обучаться. Как, с чем? Винтовок не было. Лишь кой у кого имелись револьверы, но каждый понимал, что этого мало. Да и что, собственно, за оружие револьвер? Молодежи конечно хоть бы и это иметь: с завистью глядели они на владельца какого-нибудь заржавленного пистолета, щупали, щелкали. Все ходили с мыслями: где бы достать?.. Думали, мерекали, но в результате ни винтовки, ни другого огне-

стрельного не достали. Кое-кто из ребят смастерил себе кинжалы — все не с голыми руками. Обучаться приходилось на револьвере (я лично с грехом пополам умел с ним обращаться). И вот, сидя вечерами в фабкоме, где помещался и штаб Красной гвардии, я, как «сведущий» человек и тем более имеющий свой собственный револьвер системы Кольт, обучал ребят. Дело конечно не обходилось без казусов. Как-то вечером, показывая, как заряжается кольт, я забыл вынуть коробку и, как полагается, выстрелил. Пуля тюкнула по железному грифленому потолку, рикошетом вырвала кусок оконного косяка и разодрала рукав у сидевшей на подоконнике девушки.

Начальник отряда немедленно мой револьвер забрал, предварительно как следует выругав (револьвер я все же получил обратно).

Так изо дня в день, как могли и как умели, мы готовились к Октябрю. Распоряжение о выступлении получили мы вечером. Немедленно дали гудок, собрали рабочих. Короткий митинг, и через некоторое время красногвардейцы, десяток за десятком, отправались в штаб на Калужскую. Часть молодежи была оставлена при фабрике для охраны. На всех важнейших местах были расставлены караулы.

Со стороны Симоновки уже началась перестрелка. Сейчас же, во главе с партийцем Коротковым, был организован из молодежи патруль, который всю ночь циркулировал вокруг территории фабрики и всякого пытавшегося пройти через Симоновский мост задерживал.

Девушки все были направлены в санитарный отряд, местопребывание которого было на Серпуховской площади в бывш. ресторане «Франция».

По совести нужно сказать, ребята и девчата действовали «на ять». Ребята, за исключением тех, кто остался при фабрике, все побывали в боях, в караулах, на ответственных местах, все внесли свою маленькую частичку в большое дело Октября.

Ф. КИСЕЛЕВ

Москва в огне

Мы давно ждали дня, когда нам придется выйти на улицу с оружием в руках, чтобы свергнуть ненавистное Временное правительство капиталистов.

Для меня этот день начался так:

Тестов поселок. Дача «Студенец». Общее собрание рабочих-булочников Пресненского района.

Равнодушны собравшиеся к обсуждаемым вопросам. Не из-за них сюда пришли. Ждут самого главного — доклада районного совета.

Докладчик, председатель совета т. Слесарев, почему-то еще не пришел. То там, то сям слышится сдержанный ропот:

— Скоро, что ли?

— Сейчас, товарищи, сейчас! Одну минуту! Докладчик опоздал,—успокаивает нас председатель собрания.

Мне досталась незавидная доля барабанить по телефону в райком.

— Вы слушаете? Это райком, да?

— Кого вам надо? — несется оттуда.

— Почему же докладчик товарищ Слесарев не идет к нам на собрание? Он обещал притти ровно в...

—Слесарева нет... Ему некогда... Работа большая...

—Да, но ведь у нас собрание, ведь дожидаемся, — не унимался я.

— Сообщите собранию, что в Питере совет рабочих и солдатских депутатов взял власть в свои руки...

— Как? Неужели? — от неожиданности подпрыгнул я. Бросил трубку и понесся сообщить товарищам радостную весть.

— Товарищи! — кричал я. — Власть наша!!! В Питере власть наша!!!

Договорить мне не пришлось. Все повскакали с мест. Меня окружили, посыпались со всех сторон вопросы:

— Как? Что? Когда?

Десятый раз передаю свой разговор по телефону. Но булочники не удовлетворены: слишком мало я узнал.

Откуда-то вылез эсерик, работавший на фабрике Прохорова.

— Товарищи! — надрывался он. — Не поддавайтесь провокации большевиков. Ничего подобного не произошло, у меня имеются достоверные сведения. Большевики хотели...

— Да, большевики хотели, большевики и сделали! — осадил его Зуев.

А зал собрания пустел и пустел: рабочие, не удовлетворившись моей информацией, уходили узнать поподробнее и — «готовиться».

Мы вышли последними.

Эсерик, окруженный булочниками, что-то исступленно кричал, размахивая руками.

Бегу в райком, по дороге обгоняю отряд Красной гвардии сахарного завода. Идут по-солдатски, в ногу, человек пятьдесят, и на всех... одна винтовка.

По Нижней Пресне, направляясь к райкому, маршируют прохоровцы; отряд тоже порядочный, но винтовок не видно.

Моя фантазия разыгралась. Я уже мысленно строил баррикады, рыл окопы, бегал по улицам разведчиком, посыпал мостовую битым стеклом, чтобы казацкие кони ноги себе попортили. Одним словом, делал то, о чем нам говорили на лекциях.

Подбегаю к воротам райкома.

— Стой! Пропуск...

— Пропуск? Какой пропуск?

Для меня это новость: до сих пор у ворот нашего райкома пропуска не спрашивали, вход был свободен.

— Теперь без пропуска нельзя. Надо пропуск,—говорит часовой.

Я всматриваюсь в часового и узнаю. Наш. Блохин. С берданкой, в кургузом пиджачишке, подпоясанном отрепанной пулеметной лентой.

— Не дури, Блохин, ты же знаешь меня,—пытаюсь я уговорить часового.

Он непоколебим.

— Знаю, а без пропуска не пущу.

На мое счастье на улицу вышел разводящий Сережа Яковлев. Пропустили.

В маленькой комнатушке секретариата райкома партии заседание только что организованной боевой пятерки. Непрерывно трещит телефон.

На дворе толпа пришедших рабочих. Два мальчугана подрались из-за старого тесака. Один схватился за рукоятку, другой— за ножны. Тянут каждый к себе. Разлетелись в разные стороны. У одного в руках тесак, а у другого — ножны.

Иду в комнату, где, сгрудившись около стола, стоят в очереди рабочие, солдаты-ходынцы и молодежь.

Это — запись в Красную гвардию, вернее не запись, а регистрация, потому что еще задолго до Октября все теперь стоящие в очереди считали себя красногвардейцами.

Нетерпеливой, горячей молодежи все кажется медленным.

— Скоро ли там? Чего ковыряетесь-то?!

— Успеете, подождите.

Но едва ли молодежь будет ждать. Откуда-то появились бумага и карандаш. Молодежь образовала свою очередь.

А в очереди разговоры:

— Да что вы меня записываете в санитары?! Не хочу я в санитары, я хочу в свой отряд!

— А оружие когда дадут — сейчас же?

— Кто поумней, тот сам заранее запасся.

— У меня есть охотничья берданка — взять или не надо?

— Брось, не на зайцев идешь охотиться.

— Пробросаешься! Сейчас и это хорошо. Бери, бери, хлопец!

Сегодня все «союзники» решили остаться на ночь в райкоме для охраны. Мы тогда надеялись, что в случае нападения на райком со стороны юнкеров мы с успехом отобьем.

Но если бы кто посмотрел на наш «арсенал», то только бы посмеялся над нами.

Всего-навсего у нас было пять берданок да пяток патронов, пули которых приходилось обматывать бумагой, чтобы они не повыпадали преждевременно. Но мы не горюем: скоро и у нас будут настоящие винтовки. Анатолий Попов с Жаровым уехали за ними в Кремль к солдатам 56-го стрелкового полка.

Помещение райкома в маленьком деревянном особнячке в Б. Предтеченском переулке превратилось в казармы.

Днем казармы были полны, а к вечеру никого: рассылали всех по местам.

Председатель совета т. Слесарев, сидя в маленькой комнатушке секретариата райкома, крупным почерком писал на четвертушках писчей бумаги приказ за приказом примерно такого содержания:

ПРИКАЗ №. . .

Администрации . . . .

Президиум Пресненского совета рабочих и солдатских депутатов и Военно-революционный комитет Пресненского района приказывают вам немедленно предоставить находящиеся в вашем ведении помещения в распоряжение т. . . . . являющегося представителем Военно-революционного комитета.

Подпись:

Председатель Пресненского совета
рабочих и солдатских депутатов
Члены ВРК

Прикладывали овальную печать районного совета и вручали этот приказ какому-либо товарищу, который с отрядом красногвардейцев занимал указанное помещение под перевязочные пункты, под столовые и склады.

Готовимся к ночи. Каждый старается вооружиться тем, что есть.

Некоторые «захватили» по берданке и по одному патрону. Мне досталось «холодное оружие»—какой-то допотопный тесак.

Счастливее всех из нас был Сережа Яковлев: он оказался владельцем блестящего смит-вессона с пятью патронами к нему.

Всю ночь не смыкаем глаз. Выставили часового у ворот и сами прислушиваемся.

Вдруг телефонный звонок. Все бежим к телефону.

Кто-то сообщает, что на Большой Пресне громят продовольственную лавку.

Бежим или не стоит?

Решили: троим пойти.

Прибегаем к указанному месту—никого и ничего. Возвращаемся обратно.

Настал день. Опять стали приходить отряды — без оружия.

В этот день нас посылали в центр за оружием. Бросаем свои тесаки и отправляемся в центр.

На Кудринской площади окруженный юнкерами стоит автомобиль, а на нем «максимка». Дуло направлено к Садовой улице.

Невинными младенцами проходим мы мимо юнкеров, вооруженных до зубов, и как ни в чем не бывало шагаем по Садовой.

Переулками, закоулками, прижимаясь к стенам, во избежание встречи с шальной пулей, добираемся до центра.

В здании Московского совета народу, что называется, «пушкой не прошибешь». Всюду — взад и вперед, вверх и вниз — носятся люди с приколотыми на груди разноцветными ордерочками: «Пропуск в комнату №...»

Лестницы, пол — все усеяно народом.

На дворе около грузовика с оружием толкучка.

— Что вы, насмех, что ли, мне подсунули такого чорта? — горячится маленький веснущатый рабочий, кидая обратно в грузовик огромный штуцер.

— Зачем бросаешь-то? — подзадаривают его. — Медведей пойдем бить. Это штука как раз на медведя и есть.

Мы выбрали себе по берданке, патроны в карманы нагрузили и хотели уже удрать к себе на Пресню.

Но не тут-то было. Какой-то седой старикашка в офицерском мундире остановил нас и переписал наши фамилии.

— Что? Куда? Куда вы нас хотите?—оторопели мы.

— В засаду с пулеметом № 3.

Делать нечего, приходится подчиняться. Дисциплина прежде всего.

Итак, значит, я, Блохин, два парня с завода Тильманс и трое солдат-пулеметчиков засели в засаду на третий этаж дома на углу Тверской и теперешней Советской площади. С нами пулемет «максимка».

Пулеметчики занялись установкой своего «максима»; они выбрали окно, из которого был виден весь Чернышевский переулок, вышибли в нем стеклышко, подтянули к дыре пулемет и, закурив папиросы, только что принесенные из распределительного пункта, занялись набивкой пулеметных лент.

Наша обязанность ограничилась службой связи и дежурством около имевшегося телефона.

Скучно. Грустно. Не сидится на месте, потому что слышишь буханье орудий, треск винтовок и дробь пулеметов.

Блохина послали в штаб за патронами. Ждали обратно, но напрасно.

У парня нехватило терпения сидеть в засаде без дела—удрал.

Жду и я такого случая, но едва ли удастся, потому что Степняк, старший в засаде, поклялся не выпускать больше никого из квартиры.

Ночь. Пулеметчики сидят около окошка, покуривают, что-то рассказывают друг другу.

Прислушиваюсь.

Высокий, кряжистый, с медным цветом лица, с черной, как вороново крыло, бородой, тульский пулеметчик закурил новую папиросу и, перебивая рассказчика, говорит:

— Это что! А вот что я вчера видел в штабе, так это, действительно, анекдот.

— Ну-ка, ну-ка, расскажи! — обратились к нему другие.

— Из Александровского военного училища захотели удрать из Москва два офицера, — начал рассказчик. — Ну вот, садятся, значит, они в автомобиль-фургон Красного креста и говорят шоферу: «Вези нас на вокзал». Шофер конечно повез, да только не на вокзал, а прямо в двор штаба. Приехал во двор, соскакивает из-за руля, открывает дверцу и говорит офицерам: «Пожалте, ваше благородие! Приехали». Ну, офицеры вылезли, оглянулись кругом, да так и остолбенели. «Куда ты нас привез?» кричат они на шофера. «Туда, куда нужно», отвечает шофер. А тут уже ребята наши к ним подбежали. «Пожалте, ваше благородие, бриться».

— Ну, и что же офицеры?

— Да ничего, леварвертики с них конечно долой, «шагом марш»—и в кутузку.

— Зря сажают,—сказал пулеметчик в лихо сдвинутой на затылок шапке. — Зря сажают... расстреливать надо таких гадюк...

— Расстреливать надо с разбором... У нас есть и хорошие офицеры.

— Есть! На тысячу один и то едва ли.

Я сижу около телефона и смотрю, чтобы никто из проживающих в этой квартире не подходил к нему. Обязанность ерундовая, но я горд порученным заданием.

Неожиданно телефон зедребезжал. Стиричок-поляк, проживавший в этой квартире, метнулся было к аппарату, но я, схватив телефонную трубку, крикнул:

— Нельзя, нельзя!

Старичок готов был вступить со мной в пререкания, но обернувшийся на звонок Степняк набросился на старичка:

— Замолчи, бисова скотина! Тибе бают, нельзя — значит нельзя.

Напрасно старичок доказывал Степняку, что это родственники справляются о его здоровье. Степняк был непреклонен и на все приставания отрывисто бросал:

— А як ты, подлюка, юнкер али кадет?

Старичок отстал от Степняка и, бормоча что-то нераздельное, укладывается спать, а Степняк, закуривая, потрепал меня по плечу и, улыбаясь, сказал:

— Молодец, хлопец! Подрастешь, приезжай к нам на хутор невесту сватать. Я тебе, як белый налив, невесту подберу.

Степняк ушел, а я остался у телефона.

Смотрю на этажерку с толстыми книгами, на нервно вздрагивающего под одеялом старика и думаю.

Думаю о том, как меня хватятся в пекарне, где я работал.

Думаю о своих ребятах. Где-то теперь Сережа Яковлев, Петька Воробьев? Сумел ли пробраться Блохин к себе на Пресню? Что случилось с Дугачевым, с Анатолием Поповым? Ведь они уехали в Кремль за оружием.

Дремлю. Веки глаз словно свинцом наливаются. Одолела зевота.

Лечь бы сейчас, как этот старичок, укрыться пиджаком вместо одеяла и... не стал бы я так вздрагивать при каждом выстреле, как старик.

...Горит где-то большое здание. Огонь, как живой, перекидывается, хватает необуглившиеся еще стены. Много народу на том пожаре. Все кричат, галдят. Кричу и я, кричу громко, но почему-то не слышу своего голоса, слышу только рев толпы. А здание пылает, трещит. Огромнейшее зарево повисло над пожаром, и чем больше становится зарево, тем громче рев толпы...

Я просыпаюсь от толчка в бок. Открываю глаза: по комнате, шепча молитвы, ходит закутанный старичок. Предо мной стоит совершенно мне неизвестный красногвардеец.

— В чем дело?

— Иди спать, смена пришла.

На улице слышны крики, дробь пулеметов, винтовочные выстрелы. Спрашиваю:

— Что за столпотворение на улице?

— Броневик белогвардейский прорвался на площадь.

Обежал я по всем комнатам — ребят нет, пулеметчики уходят.

— А где же наши ребята? — спрашиваю.

— Эва, хватился! — ответил красногвардеец. — Проспал своих ребят. Ушли давно.

Выскакиваю на улицу.

Броневик уже укатил. Разбежавшаяся от орудий прислуга вновь собирается и наводит трехдюймовку на гостиницу «Континенталь», на крыше которой видны черные фигурки.

Навели. Вложили снаряд.

Предупреждающий крик близко стоявших:

— Рот раскройте, а то барабанная перепонка лопнет!

Грохнул выстрел, и по Тверской изо все окон от сотрясения воздуха брызгами полетели стекла.

Над «Континенталем»—столб дыма. Видно, как падает дымовая труба, как на крыше, словно муравьи, мечутся люди.

— Мало, еще надо один.

— Дуй еще!

С криком «ура» лавиной бросились к «Континенталю» красногвардейцы.

Выстрелы, винтовочные, пулеметные, смешались с разноголосым «ура».

Когда я пришел во двор Московского совета, там грузились два грузовика, на одном из них наши ребята.

— Скорей иди! Едем домой, на Пресню.

Вскарабкался на грузовик, и через минуту мы мчались по Тверской.

На грузовиках красногвардейцы — винтовка наизготовку, глазами «стреляют» по окнам и крышам домов. Надо зорко смотреть, не высунется ли из какого-либо окна рука застрявшего здесь белогвардейца с револьвером или бомбой, не наводят ли с какой-либо крыши на грузовик пулемет.

Такие случаи бывали не раз.

На Страстной площади расположилась наша батарея из трех орудий, жерла смотрят вдоль бульвара на Никитские ворота. На каждом перекрестке с винтовками наготове стоят звенья красногвардейцев — ощупывают глазами наш грузовик.

Но что более всего удивляет—это множество любопытных на улицах и тишина.

— Почему выстрелов не слышно? Не кончилось ли?

— Нет, какое там,—отвечает шофер,—сейчас ведь перемирие.

Вот оно что! Затишье перед бурей, так сказать.

По Садово-Кудринской мчимся до площади, затем сворачива-

ем на Кудринскую и на Пресню. Шофер везет по старому адресу на Б. Предтеченский, но, проезжая здание Пресненской пожарной части, мы замечаем, что во дворе суетятся наши ребята. Здесь Таня Рыбакова и Аня Литвейко; вот вбежал во двор Яковлев, Петька Воробьев, Богачева, Шегонин.

— Стой! Стой!—кричим шоферу.—Стой! Здесь наши.

Соскочили, бросились к своим. Расспрашиваем о товарищах.

— Меркулов ранен. Варнашка (ученик сапожника, прибежавший к нам от хозяина из Теплого переулка) убит с коробкой патронов в руках. Не успел дотащить даже.

— Вы не голодны?—спрашивает нас, улыбаясь, Аня Литвейко, нагруженная банками консервов.

— Нет, смеемся, — мы посчастливее вас немножко: в центре перловой кашей накормили.

В комнатах, где помещался комиссариат милиции, толкучка.

В углу—ворох оружия. Тут и штыки разных систем, ножи, пилы, короткие и длинные шпаги, охотничьи и военные берданки, старые отрепанные пулеметные ленты, подсумки, патронташи.

Ворох все растет и растет. Подходят красногвардейцы, складывают это допотопное оружие и идут получать новенькие карабинки, винтовки, отобранные у прибывших на вокзалы на помощь белогвардейцам ударников.

В комнатах штаба—кучки отдыхающих бойцов; группками сидят они на полу и, закусывая консервами и где-то взятым медом с хлебом, рассуждают о боях, о перемирии. Осторожно пробираясь среди них, боясь наступить спящим на ноги, проходит в комнату штаба член Военно-революционного комитета т. Меркулов. К нему навстречу с банкой овощных консервов в руках бежит красногвардеец, булочник, восемнадцатилетний Рожнов.

— Ну что, товарищ Меркулов, замирились?—спрашивает он.

— Да, объявлено перемирие,—отвечает Меркулов.

— Зря, вот ей-богу зря,—убеждает Рожнов Меркулова.—Соберутся они с силами да накрутят нам холку. Тогда пожалеем, что замирились.

— Центр объявил,—буркнул Меркулов, видимо и сам недовольный объявленным перемирием.

— Центр, центр... Ничего центр тут не видит...

— Мы вот сотни разоружаем ударников на вокзалах, а они все прут и прут. Куда их девать? Выпускаем на все четыре стороны, а они—к своим да опять за винтовку,—загалдели кругом.

— Ну, а что же, по-вашему? Сорвать перемирие? Нет, ребята, дисциплинка нужна. Нельзя срывать перемирие. Может быть, договорятся как-нибудь—и без крови обойдемся.

— Договорился волк с овцой: «Ты, — говорит волк, — не кричи, овечка, когда я тебя драть буду».

— Мы-то не сорвем перемирие, а от белых того и ожидай.

Спать хочется. Попал в тепло и сразу почувствовал усталость.

Ноги гудят, в голове какой-то звон, во рту от курева горько. Выбираю в углу местечко, не так густо заплеванное, и с наслаждением, скрючившись в три погибели, ложусь.

Ноги как-то приятно покалывает, шум становится все тише, засыпаю. «Усталость уходит», мелькнула мысль.

... Шум. Крики. Топанье. Кто-то наступил на ноги, кто-то отдавил пальцы, кто-то стремится вытащить из-под меня мою винтовку.

Вскакиваю на ноги, смотрю удивленными, ничего не понимающими глазами. Предо мной стоит неизвестный мне человек.

— Отдавай винтовку, ты у меня ее украл,—говорит он и протягивает руки к моей «драгунке».

— Не дам. Отстань! Что случилось?

— Отдай, а то в морду... Белые наступают...

Красногвардеец хватается за мою винтовку, старается ее вырвать. Я не отдаю. Красногвардеец сунул кулаком в морду. Я даю сдачи. Драка. Проститься бы пришлось мне с своей «драгункой», если бы не прибежал Жаров и один из Штернов.

— Что за драка?! На Новинском бульваре надо драться, а не здесь.

Жаров уже на дворе и с винтовкой в руке отсчитывает выбегающих из штаба. Насчитал пятнадцать человек, скомандовал:

— На Горбатый мост, за мной!

С винтовками наперевес бежим к Прудовой. Жаров на ходу передает боевое задание:

— Отстоять Горбатый мост. Если это не удастся, тогда задерживать наступление белых по Прудовой на Пресню.

Остановились мы на углу Прудовой. Дальше бежать нельзя: Горбатый мост обильно поливается белыми из пулеметов.

Со стороны Девятинского переулка видны перебегающие группы юнкеров, белогвардейцев. Застрекотал «максимка». Безрезультатно. Мы хорошо забаррикадировались за водонапорной башенкой, в развалинах одного дома.

Стреляем редко. Подходят подкрепления.

Пулеметный огонь со стороны белых усиливается. У нас, как на грех, нет пулемета.

Если бы пулемет! Не отдали бы мы Горбатого моста.

С Кудринской улицы прибегает «связист» с приказом:

— Часть бойцов—на Кудринскую улицу! Белые по Конюшковской ведут наступление на Кудринскую—к штабу.

Наш отряд с Жаровым во главе мчится на Кудринскую. Прибываем в самый разгар боя. Белые перешли в атаку. Неудачно.

Тяжелый кулак стянувшихся со всех пунктов рабочих отрядов, солдат заставил белых повернуть обратно.

На рассвете мы перешли в победоносное наступление.

На фронтах

С. БЕЛОКРИНИЦКИЙ

Вне повестки

Первый всеукраинский съезд союзов рабочей и крестьянской молодежи. Днем — заседания, ночью — за винтовку.

В тиши июньских ночей в стенах бывшего Института благородных девиц, где на-чеку стоял 1-й резервный execompolk, обдумывались основные вопросы и намечались дальнейшие шаги юношеского движения; оно было совсем еще молодым.

Внеочередное заявление

Происходит голосование поправок. Заседание близится к концу. Последнего ждут все делегаты, и поэтому мало кто заботится о полной тишине.

Президиум сочувствует делегатам, там также перешептывание.

У рампы на сцене появляется член президиума, знаком подзывает киевских комитетчиков, тихо о чем-то говорят.

— У нас еще двадцать винтовок,—отвечает ему кто-то.

— Больше поправок и дополнений нет?—раздается голос председательствующего.

Делегаты поднимаются, направляя свои взоры к выходу.

— Подождите, товарищи,—говорит т. Воробьев-Семенов,— слово для экстренного внеочередного заявления предоставляю товарищу Рывкину [1].

Все делегаты кольцом столпились у рампы. Воцарилась тишина.

— Напрасно некоторые устремились к выходу. Сегодня вы не услышите о том, что «заседание закрыто». Получены тревожные сведения, требующие серьезных мер: успешное наступление Деникина обнаружило наших внутренних гадов.

---

[1] Рывкин был тогда председателем ЦК РКСМ и последним был делегирован для участия в I всеукраинском съезде.

Зоркость, бдительность — были последними словами заявления. Через две минуты в большом высоком зале Коммерческого собрания стулья были свалены в угол, а очищенный зал имел такой вид, будто приготовлен для танцев.

Пока в соседней комнате киевские комитетчики приготовляли винтовки, эхо разносило громкие окрики назначенного президиумом временного командира т. Крымского.

— По порядку номеров рассчитайсь!

— Первый... Второй... Четвертый...

— Отставить!

Снова пересчитываются ряды, — всего 70 человек. Уже наступили сумерки, когда, немного усвоив военную выправку, съезд вышел сдвоенными рядами на Крещатик, направляясь к штабу полка, обгоняя по дороге экстренно вызванные из районов отдельные роты и отряды. Во дворе полка были расположены почти все батальоны, некоторые в полном вооружении. Двор института представлял собой боевой лагерь.

«Съездовая рота» была принята помощником командира полка и опять отдана в подчинение назначенного президиумом командира.

Чем голосуют иногда комсомольцы

Вдоль толстой каменной стены очень длинного коридора, какие вообще присущи старым казенным зданиям, выстроилась длинная очередь коммунаров к оружейному цейхгаузу: одна рота получала оружие, другая подходила, а сзади еще тянулся длинный хвост, заворачиваясь на лестнице и выходя на двор.

Впереди в руках получивших ружья беспрерывно стучали затворы. В зале стоял шумный говор.

— Тут веселее, чем в зале заседания!

— Теперь будет чем голосовать,—указывая на штык винтовки, говорит одесский делегат.

Делегаты-солдаты

Крымский любил разъяснять и долго мотивировать свои слова, что совсем не полагается при военном положении. Этого он не учел, и делегаты стали перебивать его, что он сейчас не просто товарищ, а ночной глава съезда.

— Куда пойдем, не слыхал?

— Сейчас две роты Шулявского и Подольского районов посланы за Днепр и под Борисполь. Банды Зеленого туда подступили.

— Хорошо ночью на Днепре... — вздыхает представитель екатеринославской организации.

— Да еще когда огоньки пороха сверкают,—это лучше ракет будет!

— Равняйсь!..—опять прибежал Крымский.

— Правое плечо вперед... ша-агом марш!

— Прекратить разговоры!

— Мы сейчас не делегаты, а солдаты,—вмешался шагавший в первом ряду авторитетный т. Ткач.

Молча шли представители рабочей и крестьянской молодежи Украины по мостовым древнего исторического Киева, тогда красной столицы Украины. У всех запечатлелись слова «делегаты-солдаты». Их теперь также можно назвать историческими.

Приказали остановиться.

— Взводные командиры, разбейте на звенья.

В число начальников звеньев попадает Рывкин, с особым достоинством принимающийся за выполнение новой командной обязанности.

— Рывкина назначили. Рывкина назначили. Передайте по цепи!

— В чем дело, куда назначили? Когда?

— Я—начальник звена!—шутливым тоном полугромко кричит он сам.

Издали доносятся частые выстрелы. Где-то, наверно, произошла стычка. Все насторожились, стараясь сообразить, где происходит перестрелка.

— Как бы в борьбе с украинским бандами не пострадал ЦК РКСМ,—заботится какой-то делегат.

— Украина—страна достопримечательностей. Приехал на три дня, успею познакомиться с украинскими гайдамаками, это полезно и интересно,—горделиво отвечает Рывкин.

— Боюсь, что ЦК РКСМ объявит из-за тебя Украине войну, придется помимо съезда весь союз мобилизовать,—поддержал сторону веселых делегатов Крымский, но, заметив проскакавшего комбатальона, начал свое неизменное: «левой!.. левой!..»

Разбронирование буржуазии

Война с бандами, их внезапное появление, их окружение и ликвидация... снова наступление и опять нападение... Все это похоже на фантастичность древних войн, и если нам не приходилось бы быть их участниками, то мы, может быть, и не поверили бы.

Положение быстро меняло не только настроение, но и политическую обстановку.

Обнаглевшая буржуазия начала штурмовать нас изнутри, саботировать на каждом шагу. Проникнув (к нашему стыду) во все учреждения, она фактически использовывала их для своих це-

лей, а сама, забронировавшись двойной броней аршинных мандатов, спокойно ночью грезила о близком приходе Деникина.

Советская власть решила о себе напомнить и местной буржуазии.

— Нам поручено произвести обыск во всем квартале. Во всех буржуазных райснах, сегодня будет то же самое. Подозрительных задерживать и направлять в штаб, из домов никого не выпускать, поставить кругом часовых,—отдавал распоряжения товарищ из комсостава.—Обысками руководит агент Чека, поквартирный обыск производит начальник звена,—продолжал он, теперь обращаясь уже к младшему комсоставу.

— Так это и все? Лучше не нашли, где нас использовать?— прорезало тишину.

— А этого тебе мало?—обращаясь к говорившему, сказал отдавший приказ.—ВУЧК найдены нити большого контрреволюционного заговора, и он должен быть раскрыт. Это можно доверить только коммунистам...

Приступили к делу.

Толстосумы сильно встревожились. Дамы в ночных халатах бесились, называли нас обманутыми детьми, взывали к нашей совести:

— Ну как можно тревожить трудящихся ночью, ведь мы завтра на службу не сумеем пойти!

— Кто хозяин квартиры?—спрашивает Рывкин.—Знаем мы вас, как работаете, когда даже идете на службу.

— Я — атташе китайского посольства, обыска у меня не имеете права делать!

Вид этакого «китайца» — высокого, откормленного буржуа, напоминавшего типичного купца первой гильдии, вызвал еще больший интерес.

— Какой же вы китаец? Товарищ, производите обыск...

— А ваш документ мы возьмем пока себе, узнаем, откуда к нам появились такие знатные китайцы!

В штаб приводят то одного, то другого субъекта, забранного несмотря на аршинные мандаты. К утру все собрались в полк. Результаты ночи были блестящие: арестовано было около тысячи человек, изъято много оружия и т. д.

Среди всего этого выделяется находка одного из наших звеньев в квартире попа—ящик револьверов «наган», совершенно новых, еще в заводской упаковке.

— Мы этого отца благочинного отделили не только от школы и государства, но и от его церкви,—рассказывал участник обыска.

Надо полагать, что ЧК отделила его еще кое от чего...

К утру положение значительно улучшилось. Съезду разрешили пойти заседать. Делегаты, несмотря на утомление, работали, как обычно.

Вечером снова пошли в полк. Перспективы были более мирные, чем вчера. Половина делегатов была послана за город к заставе. Остальные дежурили внутри полка.

Из казармы, где находились делегаты-солдаты, разносился по комнатам и коридору шумный спор по съездовским вопросам. Многое, о чем предстояло спорить завтра на заседании, выяснилось тут в своеобразной обстановке.

На следующий день съезд был демобилизован.

Ф. ЗУЙКОВ

На защиту Питера

Клочки воспоминаний

Москва. Осень 1919 г. Хлеба в городе все меньше и меньше. С юга наседают белые. Харьков, Курск и Орел пали. Деникин подходит к Туле, Юденич у Питера.

События за рубежом тоже не радовали: пала советская власть в Венгрии. Обывательщина распускает разные небылицы, шипя и злорадствуя. Мой знакомый служащий каждый раз при встрече со мною повторял:

— Ну, теперь скоро. Еще недельку-другую, и пойте отходную.

С претензией на поучительность добавлял:

— Зря вы, молодой человек, увлекаетесь. Пропадете ни за что.

В доме, в котором я тогда жил, был трактир. За хозяйским столом—обывательский «парламент». Тут велись разговоры на политические темы, с радостью и злобой слушались и распространялись самые нелепые слухи и небылицы. Захожу как-то туда и застаю компанию из бывших: бакалейного лавочника, булочника и хозяина ломового извоза. Каждый из них пристроился, кто где мог, у советского голодного каравая. А разговоры те же, злобные:

— Видишь, молодой человек! Орел сдали, а про Тулу молчат... И Тулу ведь сдали, да от народа скрывают. Пролетарий! Открытая дипломатия! А что про Тулу молчите?! Не брались бы не за свое дело, а то—власть в свои руки... Вздумали!

Это говорил наиболее реакционный из присутствовавшей компании, бывший владелец небольшой булочной, здоровенный детина, по типу похожий на «молодца» черной сотни. Другой вторит:

— Ну, теперь, слава богу, скоро конец. Вот скоро возьмут Москву, тогда большевикам крышка!

За разговорами высчитывают, сколько километров в сутки может пройти пехота и скоро ли белые займут Москву.

— Ну, теперь скоро. Осталось дня три-четыре.

В открытое окно ворвалось:

«За вла-асть со-о-ве-тов...»

Пели красноармейцы. Внешний вид их был жалок. Одеты — кто как. Военные шинели перемешивались с пальто и пиджаками, защитные фуражки—с кепками и шапками; обуты в сапоги, штиблеты, а половина в лапти. Но по военной выправке и порядку красноармейцы были великолепны.

— Вот видишь,—продолжал обывательский «парламент»,— разуты, раздеты. Ведь эти только до фронта—«за власть», а там разбегутся.

Сведения о дезертирстве, правда, были. Нехорошие мысли заползали в голову: «Неужели разбегутся?»

Ответ я нашел в настроении передовой рабочей молодежи. В тревожные дни, когда огненное кольцо белогвардейщины сжималось и угрожало задушить молодую Советскую республику, из городов на фронт хлынула волна добровольцев. Почин сделали Питер и Москва.

В первых рядах были партийцы, комсомольцы и члены профсоюзов.

II всероссийский съезд комсомола постановил произвести в прифронтовых губерниях поголовную, а в остальных 30-процентную мобилизацию своих членов. Резолюция была принята съездом под бурные аплодисменты. Эта резолюция в известном смысле узаконивала то, что уже было, так как в прифронтовых областях некоторые организации уходили на фронт в полном составе.

---

9 или 10 октября 1919 г. в клубе Басманного[1] райкома комсомола шум, крик; заглушая шум, с большим подъемом льются революционные песни. Это фронтовая горячка. Кто-то кричит: «Товарищи! Сейчас занятия художественного кружка. Идите в студию!» Но сегодня занятия мало кого прельщают. До этого разве? Все внимание и чувства сосредоточились на предстоящем собрании, где будет обсуждаться вопрос о мобилизации членов союза на фронт. Когда председатель райкома Лидия Иванова объявила: «Собирайтесь, сейчас откроется собрание», зал быстро наполнился волнующимися комсомольцами. На собрании встал вопрос: мобилизация или добровольчество? Долго и горячо спорили, что лучше и целесообразнее.

В разгар споров на трибуну поднимается один из молодых комсомольцев и неумелым языком, запинаясь, говорит:

— Товарищи! Мой брат красноармеец. Так вот: он прислал мне письмо с фронта и описывает, как у Колчака за одно только слово «товарищ» порют нагайкой и шомполами. Неужели мы бу-

---

[1] В 1920 г. Басманный и Благуше-Лефортовский районы были объединены в один Бауманский район.

дем сидеть дома в такое время? Я первый прошу записать меня добровольцем.

Сильно волнуясь, он больше ничего не мог сказать. Одни зааплодировали, другие закричали: «Правильно!» Это решило спор. У стола президиума образовалась группа ребят, и оттуда уже неслось: «Кто следующий?»

Началась запись добровольцев.

Собрание само закрылось, и центром внимания уже был стол, окруженный шумливой братвой. Когда запись закончилась, число добровольцев оказалось значительно больше разверстки района по мобилизации.

Несколько дней пришлось ждать, куда направят, на какой фронт. Ожидание было томительно. Наконец из Московского комитета 15 октября приходит распоряжение: «Выделить от района двенадцать человек для отправки на петроградский фронт». Это было первая отправка на фронт из Басманного района после постановления II съезда. Те товарищи, которые попали в число двенадцати, считали себя счастливцами. И неудивительно поэтому, что распоряжение было быстро выполнено. Днем было получено распоряжение МК, а к 4-5 часам вечера все были в сборе, готовые к отправке на фронт. Но это оказалось еще не все. Часа за два до отбытия на вокзал от МК по телефону пришло новое распоряжение: «Двенадцать сократить до шести, оставшихся послать во вторую очередь». Райкому пришлось заняться сокращением. Но при тогдашнем настроении ребят это дело было далеко не легким. Когда собравшихся спросили, кто останется добровольно до следующего раза, никто из присутствовавших не откликнулся. «Если назначили, так уж извольте отправить, и баста!» заявляли ребята. Когда стало ясно, что по доброй воле никого не оставишь, райком вынужден был оставлять в порядке приказания. После сокращения осталось шесть человек: Михайловский, Бубликов, Зуйков, Гуляев, фамилий двух остальных не помню, помню только, что это были рабочие—один от Мастяжарта, другой—с Благуши. Всего выбрали 12 человек, тех, которые могли быть бойцами и агитаторами-пропагандистами.

Боевое настроение было не только у отъезжавших, но и у тех, кого не пускали на фронт ввиду важности их для комсомольской работы в Москве. Приведу один характерный пример. В этот вечер я беседовал с Барановым (тогда членом Басманного райкома, после чего он был членом МК). Его как необходимого работника в райкоме не отпускали. Завидуя нашему отъезду, Баранов говорил:

— Эх, ребята, и завидую же я вам! Как я хотел бы там быть!

Когда в райкоме сказали: «Собирайся, сегодня поедешь на питерский фронт», я пулей вылетел из райкома и бегом направился домой.

Во дворе встретил мать, она шла за водой. Мой поспешливый выкрик: «Мама, скорей собирай вещи, я сейчас еду на фронт!» ошеломил ее. Она, как шла с ведрами, так и застыла с полуоткрытым ртом. Опомнившись, мать только и смогла спросить:

— На фронт?

И, видимо ничего больше не соображая, пошла за водой. Вернувшись, она спросила еще:

— А ты взаправду на фронт едешь?

— Вполне серьезно. Собирай все, что нужно, скоро за мной зайдет товарищ...

Сборы были недолгие. Много ли надо вещей уезжающему на фронт! А мать, потеряв надежду уговорить меня, пытается по-своему «застраховать» от смерти.

— Слышала я, что тех, кто без креста, белые расстреливают. Ты надел бы крест-то. Может, и спасенье при случае будет. С крестом как-то лучше.

До сих пор не знаю, как это могло случиться. Месяцев через восемь после Питера я был в Барнауле (Сибирь). Купаясь в реке Оби, обратил внимание на какой-то твердый предмет, зашитый в укромном уголке гимнастерки. Распоров это место, я нашел маленький круглый крест-иконку. Видимо, мать, воспользовавшись сборами, под предлогом что-нибудь починить, успела все же зашить эту «страховку» от всяких бед. Иконка утонула в Оби.

На улице осень, дождь, а в клубе бурливая весна. Там полно ребят. Настроение бодрое. Все горланят песни, шумно разговаривают. Центр внимания—отъезжающие. Когда вышли из клуба и направились на вокзал, вокруг шестерки фронтовиков образовалась демонстрация человек в сто—сто пятьдесят. Впереди поднялось знамя. На нем надпись:

«Победить или умереть. Вперед, вперед!»

Недалеко от вокзала Октябрьской железной дороги зашли в какой-то клуб. Здесь был сборный пункт для всех районов. Снова песни, опять веселье—молодость, бодрость били ключом.

Кто-то из цекистов (присутствовали тут Рывкин, Ефим Цетлин и Дунаевский) произнес речь, призывая к борьбе, к героизму... В ответ загремело «ура», кто-то запел «Интернационал», подхватили все.

На вокзале, в агитпункте, не удержались и опять начали «прощаться». Ефим Цетлин сказал еще раз напутствие. Рывкин, отвечая от имени отъезжающих, поклялся не возвращаться без победы... «Прощанием» среди пассажиров подняли большой тарарам. Просыпаясь (дело было близко к полуночи), протирая гла-

за кулаками, они с удивлением глядели на нас, не понимая, в чем дело. Какая-то старушка спрашивала:

— Родименький, куда это они? Организация, што ль, какая за мукой?

— На войну, бабушка, едем. Буржуев бить!

Теплушка. Поезд отошел от вокзала, провожаемый напутственными криками. Теплушка дырявая. На улице ветер. Расшатанная дверь теплушки скрипит и стучит от ударов. Ветер сквозь щели забирается в вагон.

Холодно.

Куртки и пальто на «рыбьем меху» не греют.

В углу, сжавшись в комок, в ботинках со стоптанными каблуками, носками кверху, как у турецкого султана, в потрепанном сером пиджаке и в кепке с порванным козырьком, лежал Рывкин, председатель ЦК комсомола. Лежит и ворочается от холода, потом, поднявшись, кряхтя, натягивает пиджак на голову, пытаясь согреть ее за счет спины.

— Что, товарищ, замерз?

— Дрожу.

— Это тебе не съездовская горячка, тут не запаришься.

Проклятый холод лезет под пальто, под кожу, вызывает дрожь. Зубы начинают отплясывать кадриль... Надо согреться, а как? Разведки на станциях за дровами оказываются безрезультатными.

Собрались в кружок. Кто-то затянул: «Мы кузнецы...» Другие подхватили. Песни, прибаутки, веселый хохот немного согревали, становилось легче. И так до утра. Не спишь—лучше, а заснешь—закоченеешь.

Утром, как начало рассветать, стали знакомиться.

Вот объемистый паренек, одетый в шинель темнокоричневого цвета, какие во времена царского режима носили городовые-урядники. Единогласно решают: твоя кличка «городовой». Вновь «крещенный» злится, но помаленьку привыкает. Вот высокий с яркорыжими, с красноватым оттенком волосами. Этого называли просто «рыжий». Ничего, не обижается, смеется — веселый парень. Ночью он веселил всех своими остроумными прибаутками и шутками. «Крестим» всех подряд. Неожиданно из-под нар вылезает «некрещенная» еще фигура. Маленький, тощий паренек. За ним другой, тоже небольшой, но на вид круглый.

— Вы как сюда попали?

— А так... Нас райком не пускал... Но теперь-то мы уже уедем, не вернет.

Первому 15 лет, второй на год старше. Первый был Саша Косарев (теперь секретарь ЦК комсомола), второй (фамилию не помню), при общем одобрении, за высокий девичий голос был

назван «Дунькой». На основании этого последнего факта надо исправить неточность. На питерский фронт во главе с Рывкиным из Москвы уезжало не 20 человек, а 22. Косарев и «Дунька» были двумя «неизвестными» к двадцати, известным Московскому комитету.

Днем стало теплее, но вместе с теплом пришла другая забота—поесть; домашние запасы вышли уже утром. На станции в Твери бросились за едой. Около вокзала — торговки с лепешками. Лепешки белые, румяные. Вот редкость-то! Не спрашивая, покупаем за керенки.

— О, чорт возьми! Лепешки-то картофельные!

В буфете «одна сплошная» фруктовая вода и... больше ничего. На одной из бутылок плакат: «довоенава качества». Голод утоляем картошкой и табаком.

Еще одна холодная ночь, и мы в Питере.

Вокзал поразил нас большой оживленностью. Паровозные свистки, крики торопящихся людей, по перрону бегают рабочие с охапками винтовок. Кстати о винтовках: по пути в одном из вагонов каким-то образом оказалось около трех десятков винтовок. По указанию пассажиров мы их забрали и решили сдать в питерскую ЧК. Теперь тащим их туда. У входа в ЧК на посту стоит рабочий в засаленном рабочем костюме. Повидимому, пришел сюда прямо с работы.

— Товарищ, где бы тут винтовки сдать?

— Вы бы нам пушек побольше привезли, а винтовок здесь своих много,—отвечает рабочий, указывая, куда пройти.

У вокзала нас встретил свободно боевой отряд при Петроградском комитете РКСМ, в который мы как представители Москвы влились, составив московский взвод.

Итак, мы — красноармейцы своднобоевого отряда. Во главе нашего отряда была центральная тройка из товарищей, членов Петроградского комитета: Дребезгова, Татарова (Кагана) и Рывкина. Командиром московского взвода был Глерон, командиром отряда был приглашен военный специалист. Находился отряд на Красной (б. Галерной) улице, в доме, который до революции принадлежал графине Игнатьевой. Московский взвод помещался в прекрасной комнате мавританского стиля.

На другой же день началась наша военная жизнь. Мы начали обучаться военному строю, стрельбе; обучались наступательному и оборонительному бою; знакомились с различными видами ручных гранат и обращению с ними.

Питер был на осадном положении и представлял собой картину вооруженного и вооружающегося города, готового к бою. На Невском длинная вереница людей. Разбирают мостовую, копают окопы, насыпают в мешки песок, таскают их на баррикады и в укрепленные дома, на окна. Красноармейцы устанавливают на бульварах легкие орудия и пулеметы.

— Приходи, Юденич, встретим с почетом!

Никогда не забыть такой картины. На Исаакиевской площади отряд рабочих и наш обучаются, как вести правильно бой. А с набережной на бульвар, что против Адмиралтейства, солидные буржуа таскают двухметровые бревна и строят баррикады. Злобное удовлетворение испытываешь при виде того, как эти драповые и каракулевые пальто несут бревна, сгибаясь в три погибели. Хлеба в городе почти не было. Насколько в Питере трудно было с продовольствием, можно судить по одному разговору со сторожем Дворца труда. Узнав, что я из Москвы, он вздохнул и сказал:

— Эх-ма, а в Москве-то ведь все равно, что на Украине.

Голодным питерцам даже голодная Москва представлялась Украиной. Но, несмотря на это, настроение у рабочих было боевое. Многие уходили на фронт добровольцами. Не отставали и женщины, организуя добровольные отряды сестер милосердия. В комсомоле остались только самые молодые — в этом можно было убедиться, придя на любое районное собрание. С 17-18 лет уже уходили в армию. На питерском фронте, например, была самокатная рота, сформированная исключительно из комсомольцев, военным комиссаром которой был член ЦК Канкин.

Вечером и ночью в городе слышалась орудийная стрельба. Днем иногда в отряд приходили сестры милосердия—комсомолки.

— Товарищи, раненых-то сколько, ужас! Есть и замерзшие в болотах.

Пришел как-то комсомолец-доброволец с фронта, раненый.

— Ну как? Как дела на фронте?

— Дела неважные. Потери большие.

В город привезли и убитых. Помню, на Невскую бумагопрядильную фабрику привезли убитого комсомольца-активиста. На фронт ушел добровольцем. На похоронах были все рабочие фабрики. У многих слезы... Предзавкома, произносивший речь над могилой, не выдержал и заплакал.

Трудно переживать такие минуты.

— Рота, на ка-ра-ул!

Запрыгали лопаты, посыпалась земля. Сердце обжигается огнем, руки крепко сжимают винтовку. Эх, на фронт бы теперь, отомстить за товарища.

Но нашему желанию осуществиться не удалось. Несколько раз была тревога. Поднимут ночью—мигом соберемся.

— Куда?

— Сейчас выступаем на фронт.

Бурными, восторженными криками, боевыми песнями отвечали мы на это сообщение.

Один раз действительно выступили. Собрались и с песнями

двинулись на фронт, но, пройдя несколько улиц, поворачиваем обратно.

— Куда же?

— Обратно.

— А на фронт?

— Наш отряд оставляют для обороны, на случай, если белые подойдут к городу.

Возвращались молча...

Дворец труда. Первый час ночи. Стою на карауле. На улице тихо. Перед караулом был в клубе отряд. Клуб поместился в доме бывшего московского градоначальника.

Зрительный зал, белый с золотом, красиво залит электричеством. На стенах лепные фигуры русалок, группы амурчиков, красивые орнаменты. На паркетном полу перламутровые узоры—и все это наше! В этом красивом зале, в котором когда-то веселилась гнилая аристократия, хозяева теперь — серые шинели, рабочие куртки и красные платки. Есть за что бороться! Революция была понятна нам, не умудренным еще тогда в политграмоте и в общественных науках, в этом резком контрасте между роскошью зрительного зала и наполнявшей его публикой.

Осталось несколько дней до второй годовщины Октябрьской революции. Сводки, которые по нескольку раз в день расклеивались по городу, ничего определенного еще не говорили. Наступление в некоторых пунктах задержать удалось, но надолго ли, никто с уверенностью сказать не мог. Будем ли во вторую годовщину с Питером или без него? Вся надежда на героизм красноармейцев и рабочих.

Вечером 5 ноября пошли слухи, что красные войска перешли в наступление. «Даешь Ямбург и Гдов!» выбросили лозунг матросы и красноармейцы. Шестого утром газеты подтверждают сведения «солдатского вестника» (так красноармейцы называют слухи, исходящие из своей среды). А вечером этого же дня в Зимнем дворце на открытом заседании Петербургского совета оглашается сообщение о взятии нашими войсками Гдова.

И ровно в двенадцать часов ночи Петропавловская крепость салютует Октябрю пушечными выстрелами.

На улице началась безумная трескотня из винтовок, револьверов, затарахтел пулемет. Все мучительные сомнения, что будет в день второй годовщины, вырвались в этих радостных залпах, в салюте Октябрю.

Питер остался красным.

А. БАРАНОВ

Кронштадтский отряд

Конец 1920 и начало 1921 г. проходили под знаком перестройки всей союзной работы на мирный лад. После ликвидации фронтов перед комсомолом встали задачи серьезного политического воспитания своих членов, подготовки их к делу хозяйственного строительства страны. В своей повседневной работе комсомол понемногу стал подходить к выполнению этих задач.

Кронштадтские события выбили из колеи всю организацию. Мысли и разговоры ребят сосредоточились на Кронштадте. Пожалуй, ни один из бывших фронтов не волновал нас так сильно, как кронштадтский. Ведь все настроились на длительную мирную работу, а тут, пожалуйте, опять белогвардейцы зашевелились... Хотелось поскорей отделаться от них. Именно поскорей, так как навряд ли кто сомневался в том, что кронштадтские белогвардейцы представляют серьезную опасность, угрозу. А раз скорей— то даешь Кронштадт.

Посылались заявления об отправке на фронт. Московскому и районному комитетам комсомола приходилось сдерживать боевое настроение ребят. Положение в Москве требовало особенно усиленной и спокойной работы. Голодовка продолжалась; промышленность с трудом переходила с военной на мирную работу; транспорт почти окончательно развалился. Все это требовало от комсомола усердной работы в производстве, усиленного укрепления всей организации.

Все же на заседании МК, которое происходило в дни, когда назревали решительные действия для ликвидации «кронштадтской волынки», настроение всей организации вылилось в решение послать на фронт комсомольский отряд. Тут же по телефону известили об этом ЦК комсомола и МК партии. От обоих комитетов было получено разрешение на формирование небольшого отряда человек в сорок-пятьдесят. На этом же заседании МК комсомола сделал разверстку по районам, причем было постановлено: 1) в отряд принимать только добровольцев из ребят, бывших ранее на фронте, имеющих военную подготовку, и 2) те комсомоль-

цы, без которых может затормозиться союзная работа, должны остаться. Последнее решение было вызвано опасением обезглавить районы. Опасение это подтвердилось сейчас же, когда начали намечать в отряд из присутствующих членов МК. Желающими оказались все. С трудом отобрали троих: Трейвас, Шишкова и Баранова, которым и было поручено формирование и руководство отрядом.

Отряд завтра же в 2 часа дня должен был отправиться в Питер. Сформировать отряд в ночь из ребят, разбросанных по всему городу, можно было решиться только при той уверенности, что все члены организации давно готовы к такому решению. Больше того, предвиделась еще одна трудность: по опыту мы знали, какая поднимается борьба за возможность попасть в число избранных. Опасения наши оправдались. Поехал я с т. Ефимом Цетлиным в Хамовнический район. Попали на общее собрание. В текущих делах даем кратенькое сообщение о постановлении МК. Суматоха поднялась неописуемая. Пожалуй, легче было бы отправить на фронт всех присутствующих, чем выбрать из них четыре-пять человек. Каждый по-своему выражает готовность: одни требуют, другие упрашивают, а в целом от всего такое впечатление, что, подойди к любому из присутствующих и спроси: «Пойдешь на фронт?», трудно себе представить, чтобы кто-нибудь ответил отрицательно.

Отчаявшись оформить мобилизацию на месте (собрание было на женских курсах), мы предложили желающим попасть в отряд пройти в райком.

Толпы ребят с песнями двинулись по темным, глухим улицам Хамовников.

Смело мы в бой пойдем...—

клялись комсомольцы во все горло уснувшим домам.

В других районах весть об отряде была встречена ребятами с неменьшим подъемом.

На следующий день с утра к зданию МК начали стягиваться мобилизованные из районов. Провожающих было немного.

Через несколько дней результаты мобилизации сказались. Оставшиеся в Москве ребята после рассказывали, что мобилизация подействовала на всех успокаивающе. Чувство выполненного долга, сознание, что и комсомол не забыт в трудную минуту, заставляло более спокойно выполнять свои повседневные обязанности.

К двенадцати часам отряд в сорок три человека выстроился в помещении МК. Ребята подобрались рослые, все в военном обмундировании, на головах только что появившиеся тогда буденновки. Все это раздобыто за ночь. Чувствуется военная выправка. Трудно узнать в этих вытянувшихся в струнку красноармейцах вчерашних ребят. Если вчера трудно было каждому в отдельности сдержать свой порыв, то теперь этот порыв оформился в четкое, каменное, организованное—борьба. Короткое напутствие Цетлина, несколько бодрых слов от отряда и — в путь.

Перрон вокзала заполняется провожающими. Подходят еще ребята из районов. Пришли и старички проводить своих сыновей.

Торжественных речей не было—отрядники разошлись по всей толпе и попросту болтали с товарищами. Напоследок спели вместе. Под пение пошли усаживаться. Поезд тронулся. Молодые глотки «Интернационалом» провожают отъезжающих.

И когда скрылись из виду провожавшие, когда не стало слышно несущегося с перрона «Интернационала», в вагоне также наступила тишина. Казалось, что каждому хотелось покрепче запечатлеть в памяти может быть последние минуты, проведенные с теми, кто остался в Москве, с тысячами родной комсомольской братвы.

Слова команды нарушают это торжественное молчание. Ребята встряхнулись.

«Отряд переходит на военное положение».

«Выставляются часовые на площадке вагона».

«Устраивается дежурство штаба (тройки от МК)».

Остальные располагаются по полкам.

Только сейчас многие начинают замечать, что не знают друг друга. Начинаются знакомства: как звать, из какой ячейки, как идет работа. Разговоры переходят к предстоящей общей «работе». В одном из вагонов объединились на читке газеты. В другом Трейвас читает вслух что-то смешное, и все от души хохочут.

За время поездки до Питера ребята сдружились. Отряд слился в единую дружную семью, а это для предстоящих боев было необходимо.

13 марта к вечеру приехали в Питер. Тут начинаются мытарства нашего отряда.

Дело в том, что назначены мы были еще из Москвы в распоряжение Петроградского губкома партии. А раз отряд комсомольский, то естественно, что губком передоверил нас питерскому комсомолу. Делайте, мол, с ними, что хотите.

В результате всего этого получилось вот что: питерские комсомольцы позаботились конечно о том, чтобы отряд был устроен на ночевку, обеспечили нас едой. Но когда я с Трейвасом пошел в ту же ночь в Питерский комитет договориться о дальнейшем следовании отряда, разговор у нас был, примерно, такой:

— На кой чорт приехали?

— Воевать.

— Вот чудаки! Нам самим делать нечего, а вы приехали на подмогу.

— Да как же, нам в Москве...

— Да что в Москве знают! Разве мы сами-то сидели бы, если бы на фронт требовались силы?

Дальше, уже в спокойном разговоре, выяснилось, что для взятия Кронштадта стягиваются регулярные войсковые части, что в наших силах пока нужды нет. А если потребуются, нас не забудут.

В самом Петрограде появились эсеровские и анархистские молодчики, которые помогали своим кронштадтским собратьям, стараясь дезорганизовать наши силы распространением многообещающих листовок, шушуканием среди рабочих. Последним конечно прибавилась еще одна работа — вылавливать своих благожелателей. Город был на военном положении, по ночам его охраняли рабочие патрули. Предложили и нам пока взять на себя часть патрульной службы.

Тяжело было итти к ребятам с такими вестями. «Не стоило приезжать сюда для патрульной службы», ворчали некоторые.

Но... в таких случаях дисциплина бывает иногда нужней, чем в бою, а ее у нас хватило. Отряд был разведен в Городской и Выборгский районы. Наряды выполнялись аккуратнейшим образом.

Так прошло три дня.

А за это время мы пронюхали о том, что Петроградский губпрофсовет формирует отряд из рабочих-добровольцев, и не замедлили обратиться туда с предложением своих сил. Нас приняли с радостью. Таким образом 19 марта отряд наш закончил свое самостоятельное существование и влился в отряд губпрофсовета. Правда, здесь мы также продолжали выполнять наряды на караулы, но у всех появилась надежда, что с большим отрядом губпрофсовета на фронт попадем скорее. Ребята приободрились Решили даже на следующий день организовать концерт во Дворце труда, где расположился отряд губпрофсовета. Концерт удался наславу. Москвичи и здесь показали себя, да и питерцы не ударили лицом в грязь. А в целом — через песни, пляску, гармошку сбратались комсомольцы здорово.

Вечеринка затянулась за полночь. Расходиться никому не хотелось. Уставших плясунов заменяют вернувшиеся из караула; одна песня подгоняет другую; изобретательность в играх не истощается.

В самый разгар вечеринки получаем распоряжение: «Собираться в поход». Сразу оживились мрачные коридоры старинного здания.

Тут выкатывают пулеметы, там раздают винтовки, патроны. Все торопятся не опоздать к сбору.

Через пятнадцать минут отряд выстроился в полной боевой готовности. Товарищ из губпрофсовета рассказал о положении на фронте. Сегодняшняя ночь должна быть решающей. Нужно немедля отправиться на фронт.

Перед отправкой начальник отряда выстроил москвичей особо, предложив желающим остаться в Питере. «Кто не чувствует себя вполне здоровым и готовым к фронту, тот сделает лучше, если туда не пойдет»,—это было сказано, повидимому, для того, чтобы удостовериться в боеспособности отряда. Для нас такое предупреждение было конечно излишним и вызвало немалое удивление.

Каково же было наше возмущение, когда один товарищ заявил, что он хочет остаться, так как чувствует себя больным.

Словно ток пробежал по нашей шеренге.

Возмущение от такого поступка не сдержала даже военная дисциплина. Поднялся крик, на парня посыпались укоры. Все настаивают, чтобы «труса» сейчас же отправить в Москву. Бедняга еле упросил оставить его в отряде.

Весь этот инцидент произошел в несколько минут, но в память врезался на годы.

Вышли из здания. Темные очертания грузовиков ярко вырисовываются на освещенной улице. Один за другим наполняются они отрядниками. Цыновки с патронами, буханки хлеба—все нагружается в спешке на пол автомобиля.

Громыхающей вереницей мчимся к вокзалу. Здесь нас уже дожидается эшелон на Ораниенбаум. Через полчаса поезд трогается с расчетом прибыть на место часа через три.

Вскоре мы почувствовали, что наши расчеты рушатся. Поезд через несколько верст черепашьей езды стал останавливаться все чаще и чаще. Несколько раз начальник отряда вступал с машинистом в не совсем дипломатические переговоры, но скорость от этого не прибавлялась.

Поездная бригада уверяла, что пути перегружены, что скверные дрова, но мы имели все основания предполагать здесь злой умысел. Конечно по приезде в Ораниенбаум об этом было сообщено куда следует. Но приехали-то мы туда... поздно утром.

Со стороны Кронштадта слышится редкая ружейная стрельба, очищаются последние улицы взятой ночью крепости. Некоторые ребята пытаются в одиночку пробраться в Кронштадт, но распоряжение начальника участка «быть отряду наготове» сдерживет их. Вместе с другими резервными частями располагаемся около вокзала. Сам вокзал, в нескольких местах разрушенный снарядами, превращен в лазарет.

Пробыли мы в Ораниенбауме еще один день и вернулись в Питер.

Так и не пришлось отряду участвовать в боях.

Радость от разгрома кронштадтских банд не могла заслонить собой неприятного осадка от неудовлетворенного боевого напора.

На обратном пути ребята нередко возвращались к песне, в которую вкладывали всю горечь неудовлетворенности. Песня эта была сочинена одним из отрядников, т. Шаманиным. В ней рассказаны приключения нашего отряда.

В. СОРОКИН

Юденич у ворот

В канун второй годовщины Октября в красном Петрограде была тяжелая осень. Замирали железные дороги. Все реже прорезали воздух паровозные и заводские гудки.

На Неве катились к блокированному заливу одни лишь пустые холодные ладожские воды и ветры. «Окно в Европу» заколачивали.

С запада, все ближе и ближе приближаясь, грохотали пушки, заставляя по ночам креститься набожных старушек и крепко сжимать кулаки рабочего, возвращающегося с полумертвого, пустого завода.

Зябко терлись о стены частые «хвосты».

По ночам погруженный во тьму город светился лишь быстро мелькавшими перекрещивающимися лучами прожекторов, бледными, как и лица исхудалых коммунаров северной коммуны.

Гулко печатали шаг по граниту черные патрули, останавливая редких ночных путников.

Такой подходила и пришла ранняя осень, сбросив свой туманный, желтый и промозглый плащ на опутанный колючей проволокой город, на людей с винтовками за плечами.

Нужно было готовиться к отпору. Тревожные вести ползли со всех концов.

Но разве в 16, 18, 20 лет тревожатся? Разве вешают носы? Разве обращают серьезное внимание на воспаление легких, плеврит или невроз?

Глупости! Тогда считали, что капут, если поддашься!

Температура 38° — ерунда. Можно стряхнуть градусник и, показав его приютившему и ухаживающему товарищу, сказать:

— Что ты меня держишь? Зря маринуешь! У меня, смотри, 37,1°. Это, братец, естественно вполне.

И, сдерживая слабость в ногах и карусель в голове, одеваться, чтобы бежать, бежать скорее туда, к своим...

Нагрянули новые события...

Однажды, после заседания ПК, где долго спорили на бюро о нашем отношении к Супротрушу[1] и где я как заведующий школьным отделом ПК горячо доказывал, что «хватти няньчиться», «или с нами, или нет», меня вдруг вызвали к телефону.

— Севка, Федор говорит. Сейчас же дуй в ПК!

— Зачем?

— Говорят тебе, иди немедленно.

Тон Феди меня встревожил. Вылетел и, как угорелый, понесся на Галерную, или Красную, улицу, в дом № 27.

В хорошем особняке тогда мы расположили ПК со всеми монатками, вплоть до столовки, которой правил Антоша Бальтрамович.

Вбежать во двор и подняться по лестнице было делом одной минуты. С шумом пересечь комнату секретаря и орготдела, влететь в «кабинет» Кагана (надо сказать, довольно шикарный) и застыть от неожиданности — на это требовалось еще две минуты.

За столом сидели Каган и Дребезгов.

— Садись,—угрюмо сказал Каган.

— А что? Что случилось? Кто умер, чего вы такие?

— Садись узнаешь!

Каган взялся за телефон, разыскивая Болдырева.

Федор молча протянул бумажку.

«В. секретно

Подлежит возврату... ПК РКП(б)... в ПК РКСМ срочно... немедля объявлен на осадном... Войска отошли... белые у Царского Села... Юденич продвигается по всему фронту... Участок N прорван... Мобилизовать всю организацию партии... комсомол... батальоны... отряды... Получать командиров от Петрукрайона[2]... Напрячь все...»

Остальное и так завертелось в голове, без бумажки.

Федор ходил из угла в угол.

— Понял? Сейчас обсудим! Ну, дозвонился? Все в порядке. Так начнем? Значит, пишем...

«Петербургский комитет распускается. Все руководство и ответственность передаются созданной взамен комитета центральной революционной тройке в составе: Дребезгова, Кагана и Сорокина. Районам предлагается немедленно...»

Так составлялся первый приказ о милитаризации союза, о создании ревтроек, о немедленном формировании отрядов и вывозе их в ЦРТ.

Принялись за телефоны. Федор получал распоряжения от Аврова из крепости, где создан был в Петрукрайоне штаб обороны красного Питера.

— Винчестеров? Триста или четыреста минимум. Что? Хорошо!

---

[1] Союз учащихся пролетарских трудовых школ.

[2] Петроградский укрепленный район.

Мобилизуем весь актив в сводный отряд. Резервы создадим. Да, да, из остатков! В районах? Ладно! Патроны? Ладно, приедем. Обмундирование пришлете? Хорошо! Постараемся к утру сформировать.

Десять часов в нашем распоряжении. Сейчас уже 11. Эх, жми скорее по районам!..

Районы будоражились. Телефонограмма взвинчивала, вызывая невероятные темпы. Шутка ли! За несколько часов мобилизнуть всех и вся!

Спешно доставали амуницию, оружие, нары, приготовляли помещение.

Никиту с Антошей загоняли. Они были квартирмейстерами, каптерами, комендантами и чем угодно.

Кто-то из Питерского района, в горячке, задал неуместный вопрос: «А может, не к десяти, а к двенадцати можно прислать?»

Не выдержали нервы. Мат покрыл злосчастного парня, вздумавшего болтать, рассуждать.

Все проходило гладко. Районы извещены. Со Смольным и крепостью установлена связь. Протащили прямой провод. Девчата в ПК, Маруся Дребезгова в особенности, не спят, сколачивают девчат. Создают санитарный отряд, мобилизуют персонал.

Усталые мы собирались в комитете.

— Завертели машинку...

— Что, собственно, произошло?

— Что? Известно, что! Сам знаешь! Полки деревенские, «немыслимое» сырье, драпнули к белым, части измучены, снаряжение сам знаешь какое...

— А этой сволочи (Юденичу) эстонцы и англичане подарков подвезли.

— В ПК партии считают, что дело нечисто.

— Что Комаров думает?

— Что? Работают. Возможно, по линии ЧК кое-что и выяснят.

Мы вскоре получили более чем неожиданное «разъяснение».

Сон не шел на ум. Да разве в такие минуты спят?

Поэтому решено было держать связь с районами.

Оглушенные в первый момент двумя телефонограммами подряд, они снова начали названивать, требуя разъяснений.

Вышли с Каганом на балкон. Внизу мирно катила свои волны Нева. По ту сторону, на Васильевском, было темно и тихо. Только слева, из-за Николаевского моста, от Балтики, доносились гудки, разрезая тревожным призывом ночной воздух.

— Враг у ворот Петрограда! — как будто кричали гудки.

Мысли наши были у Смольного, Лигова, Детского, Петергофа, Гдова, Тосно, Белоострова. Мы старались представить себе, в чем же там дело.

Неужели вот здесь, по набережной, или вон там, по мостовой, загрохочут колеса чужих пушек?

Нет... нет... Это невероятно, чудовищно, как кошмарный сон... Не может быть!.. Ни за что!..

Питер! Наш Питер!.. Отдать Петроград?

Ни-ко-гда!.. Никогда! Лучше умереть, но Питер отдать нельзя.

Не только мы так чувствовали. Так было на душе у каждого рабочего, у каждой работницы, у каждого подростка.

Так думал весь Петроград.

Так думал весь РСФСР.

Так думала партия.

И так сказал Ильич в своей телеграмме:

«Все на защиту красного Петрограда».

Мобилизовался Петросовет. В Москве, в Нижнем, на Урале готовили срочно помощь.

Рабочие покидали опустевшие, холодные цеха.

Меняли станки на винтовки.

Начали укреплять город.

Отстоим!

П. ДОРОХОВ

На Колчака

Весна 1919 г. была одним из самых опасных моментов в существовании молодой Советской республики. Армии адмирала Колчака безудержно надвигались на Волгу. Каждый день приносил с собой весть о падении уральских городов. Молодая, только что сформировавшаяся Красная армия откатывалась под натиском прекрасно вооруженных, в избытке снабженных всем необходимым офицерских батальонов. На Дону росли армии белых генералов, отрезая советские республики Кавказа.

В день, когда пришла весть о падении Царицына, Петербургский комитет Российской коммунистической партии постановил:

«Мобилизовать 20% членов питерской организации Российского коммунистического союза молодежи для восточного фронта и Дона».

Это была уже четвертая мобилизация, которую переживал питерский комсомол. Он помнил дни, когда все члены союза в рядах Красной гвардии сражались против войск Керенского и диких дивизий Краснова. Он помнил, как прекратилась работа союза, когда весь он целиком ушел навстречу германской армии, на псковские позиции в феврале 1918 г. Еще были на фронте посланные против чехо-словаков лучшие агитаторы союза. Организация имела большой военный опыт.

Снова бил тревогу «Юный пролетарий». «Все на Урал!» кричала его передовая.

«Неумолчным набатом гремит по Советской России призыв раздавить последний белогвардейский оплот — банды адмирала Колчака.

Давно уже с хребтов Урала движутся черные батальоны, стремящиеся удушить первую в мире свободную республику рабочих и крестьян. Вторгаясь в наши хлебородные губернии, реакционные силы пытаются обречь на голод, взять измором пролетарскую Россию. И как только эти коршуны революции устремляются на нас, выползают из всех нор подлые гады царизма. Вся эта черная рать набрасывается с остервенением на очаг мировой революции, пытаясь его потушить.

Теперь царский адмирал Колчак собрал последние силы и подбирается к Советской России, желая отрезать от нас самые хлебо-

родные губернии. Но в то же время наши красные войска очищают юг от буржуазного владычества и пробивают дорогу к единому революционному фронту южных советских республик.

Не молчит и Запад. Почва, на которой до сих пор так крепко стояли империалисты, заколебалась. Вся Германия охвачена огнем самой сильной классовой борьбы. Империалисты начинают грызться из-за дележа между собой. В момент такого безудержного революционного потока на Западе Россия должна выступить, как всегда, со своим решающим словом. Но ее связывают последние попытки черной реакции вернуть все вспять.

Разве там, где царствует Колчак, не вернулись времена, каких и царский режим не видел? Колчаковия — сплошной застенок для рабочих и крестьян.

И это все должно грозить нам.

Если Колчак придет, вернется кровавое время царей, капиталистов, помещиков.

Если Колчак придет, не будет кому раздувать всемирный пожар социальной революции.

Если Колчак придет, будут ли рабочие сами устраивать свою жизнь?

Если Колчак придет, будут ли рабочие работать восемь часов и рабочая молодежь — шесть часов?

Если Колчак придет, будет ли пролетариат иметь свои боевые классовые организации, газеты, дворцы? Смогут ли они насаждать свою культуру?

Если Колчак придет, будут ли рабочие иметь хотя бы тот небольшой кусок хлеба, который они сейчас получают и который так мал именно потому, что у нас есть Колчак?

Останется ли у крестьян земля, которую они так ждали и которую им дала советская власть?

Вообще будет ли что-нибудь иметь трудящаяся Россия, если придет Колчак?

Ничего, кроме возможности умереть с голоду, с холоду, от дикого, разнузданного произвола помещиков и капиталистов, которые не преминут вспомнить пролетариату его попытку освободиться и трижды отомстят.

Не может быть того, чтобы на виду надвигающейся мировой революции рабочие и крестьяне России стонали под палкой своих вековых угнетателей, сброшенных такой дорогой ценой. По всей Советской России должен пронестись тревожный клич: все на Урал! Все, что есть в рабочем классе лучшего, доброго, верного, должно напрячь все силы, чтобы сбросить остатки доживающего свой век мира.

Коммунистическая партия, верная защитница революции, мобилизует все свои силы. Но этого мало. Нужно черпать все больше и больше сил, нужны новые резервы. Рабочая молодежь должна целиком отдать себя на борьбу с Колчаком. Кому, как не ей, защищать рабочую власть, встать на защиту революции?

Объявленная в Питере мобилизация рабочей молодежи должна показать всем, что у России есть верные защитники, что лучшим защитником будет рабочая молодежь. Черные силы хотят омрачить светлый праздник — 1 Мая. Но это им не удастся. 1 Мая — смотр пролетарских сил — превратится в день мобилизации всех трудящихся на борьбу с Колчаком.

«Все на Урал!» — таков лозунг всех трудящихся и прежде всего лозунг рабочей молодежи».

22 апреля Петербургский комитет объявил мобилизацию, и в два дня она была закончена. Оказалось однако, что партийные и профессиональные мобилизации шли не так быстро. Собранная

в райкомах молодежь томилась от бездействия. Решено было самостоятельно начать военное обучение отрядов и использовать их для несения караульной службы по городу. 4 мая на смотру, на Семеновском плацу, комсомол смог блеснуть собственным отрядом в тысячу человек, вооруженным и дисциплинированным.

Все мобилизованные были разбиты на три группы. Был создан отряд самокатчиков, во главе со старым работником Выборгского района Канкиным, назначенным политкомом отряда. Во главе второго отряда—особого назначения—стал в качестве комиссара Владимир Петропавловский. В третий отряд вошли все подростки, слишком молодые по возрасту для того, чтобы быть немедленно отправленными на фронт. Этот отряд считался резервным и нес караульную службу. Через некоторое время он был распущен. Во главе резервного отряда стоял член Петербургского комитета Крылов.

Кроме того пятнадцать человек было выделено для отправки непосредственно в политотделы уральских армий для политической работы.

Почти весь Петербургский комитет влился в ряды мобилизованных. Кроме Петропавловского, Канкина и Крылова, ушли на фронт Глерон, Ландерс и Соболев. Только память о прежних мобилизациях, когда лишенная всего руководящего ядра активных работников организация оказывалась под угрозой развала, заставила ЦК оставить в Питере трех членов комитета для продолжения работы союза. Были оставлены: Дребезгов, Удалов и Татаров.

В районах были избраны новые районные комитеты и проведены собрания активных работников для подсчета тех сил, которые остались в распоряжении организации. Однако в то же время подоспел общий призыв молодежи, родившейся в 1901 г., и союз оказался вновь обескровленным. Снова перед организацией стояла задача усиленной вербовки новых членов.

Особенно болезненно отозвалась мобилизация на нашем Спасском районе. Получив постановление ЦК, мы созвали экстренное собрание, разослав всех членов районного комитета по квартирам членов союза.

— Товарищи, фронту нужны подкрепления! Революционная молодежь должна дать свежие кадры сознательных бойцов!— раздается звонкий голос вечно возбужденного Сыркина.

Но желающих было много. Пришлось выбирать наиболее подходящих по своим физическим данным. Осаждаемые просьбами обиженных, мы отобрали тридцать четыре человека. Парнишка из Губкожи выхлопотал на всех кожаное обмундирование, в районном военкомате достали винтовки. И вот в течение нескольких дней на дворе нашего банка звучала военная команда. Это мы с Сыркиным преподавали своему отряду начатки военной

премудрости, вспоминая уроки военного строя еще в гимназии и то, чему я научился в гренадерских казармах.

Однако ПК потребовал, чтобы один из нас остался для работы в районе. Жребий выпал на мою долю, а Сыркин через несколько дней уехал на фронт, с тем чтобы только через много лет, исколесив всю Россию, вернуться в Ленинград заслуженным политкомом одной из армий.

В то время Спасский район насчитывал всего сто пятьдесят членов: пятьдесят из них были молодыми красноармейцами и курсантами военных школ, и все целиком ушли на фронт. Мобилизация вырвала тридцать четыре человека. Больше половины общего числа членов район потерял. На первом общем собрании после мобилизации, 24 мая 1919 г., присутствовало всего сорок человек. Мы выбрали новый райком и вновь занялись вербовкой членов союза.

С уехавшими на фронт мы продолжали держать тесную связь. На общих собраниях с гордостью оглашались телеграммы Роста, сообщавшие, что в наступлении на северном участке восточного фронта участвуют поголовно члены комсомола. Мы собирали папиросы и карандаши и посылали их с оказией своим ребятам на Урал. В те дни, когда в райком заходил кто-нибудь из приехавших с фронта в командировку или после ранения, мы не знали, куда его усадить, чем угостить, и замучивали просьбами рассказать о том, как живется на фронте. Письма, которые получал от фронтовиков, прежних товарищей, кто-либо из членов союза, торжественно зачитывались на общих собраниях. Затем эти письма печатались в «Юном пролетарии» (в частности, мне вспоминается письмо Ивана Скоринко, который около Полтавы сражался с белобандами). Когда же приезжал с фронта на побывку кто-нибудь из активистов, ему не давали отдохнуть, мигом нагружали союзной работой. Я помню, что Смородина и Слосмана включили в состав Петербургского комитета чуть ли не в тот день, когда они, грязные, обросшие, ввалились в ПК с вещевыми мешками за плечами — один прямо из-под Гдова, другой — из-под Екатеринбурга.

Но в те дни с винтовкой и наганом члены союза знакомились не только на фронтах. Петроград был также осажденной крепостью революции. И здесь враги были страшнее. Они скрывались за спущенными шторами и запертыми дверями богатых квартир в центральных кварталах. Каждый день приносил с собой известие о новых раскрытых заговорах, о новых покушениях на советских работников и партийных вождей. Враг подстерегал на каждом шагу.

Штаб обороны Петроградского укрепленного района решил провести генеральную чистку города от затаившихся контрреволюционеров. Было выпущено обращение с предложением сдавать все имеющееся на руках у населения оружие. Однако ору-

жия поступило значительно меньше, нежели его имелось в городе по сведениям штаба.

Вечером 13 июня нарочный из районного комитета партии вручил мне секретный пакет за сургучной печатью. Мне как организатору Спасского района комсомола предлагалось выделить двадцать человек наиболее надежных и выдержанных ребят и вместе с ними явиться к 12 часам ночи в помещение райкома.

В назначенный час мы были на месте. Все комнаты райкома были полны партийцами. Рабочие и работницы, красноармейцы и матросы собирались группами и вполголоса обсуждали планы действий. В секретариате выдавали револьверы и патроны тем, кто не захватил с собой оружия. Председатель районной чрезвычайной тройки объявил, что на сегодняшнюю ночь назначен общегородской повальный обыск с целью обнаружить скрытое оружие. Для этого из рабочих и работниц образовывались «десятки», и каждому десятку поручался квартал или группа домов. Комсомольцы были распределены по этим десяткам, я же был назначен старшим одного из них. В мою группу попало два комсомольца, работница и несколько рабочих и солдат. Районом действий нашего десятка был огромный дом, занимавший почти целый квартал и выходивший одновременно на набережную Екатерининского канала и Невский. Распределив обязанности, мы в два часа ночи двинулись в путь.

На улицах было пустынно. В то время с наступлением темноты в Питере замирала всякая жизнь. Опасаясь бандитов и налетчиков, обыватели запирали семью замками все входы и выходы, сооружая порой целые баррикады за воротами, за которыми дрожал, притаившись, дежурный член домового комитета, вооруженный допотопной берданкой без патронов. Ночью город казался вымершим и покинутым своими обитателями.

Подойдя к намеченному дому, я установил наружный пост, который должен был следить, чтобы никто не выходил из него до той поры, пока не будет окончен обыск. Затем, предъявив свой мандат с полномочием на обыск всех помещений и арест всех лиц, которых я сочту нужным задержать, перепуганному дежурному, я приступил к обходу.

Нужно сознаться откровенно — это была неприятная ночь. На нашу долю выпала черная работа революции, необходимая, но тягостная. На стук в дверь появлялись бледные лица, дрожащие, растрепанные фигуры разбуженных жильцов, пытающихся сохранить независимый вид, но втайне трепещущих за свои продовольственные запасы, за укрытое в тайниках золото, за скрывающихся непрописанными бывших офицеров. Успокоив, насколько было возможно, живущих, мы принимались за обыск. Тот, кому не приходилось бывать ночью в спящей квартире, не представляет себе, насколько непривлекательна она в ее неприкрытой наготе. Повсюду тяжелый, спертый воздух. Остатки ужина

на столах, взрытые постели, заспанные, потные лица жильцов. Сдерживая отвращение, ребята рылись в сундуках, открывали шкафы, копались в ящиках столов. Хозяева пытались шутить или в гордом молчании следили за нами глазами, полными презрения и злобы.

Вскоре обыск дал первые результаты. Двое товарищей с револьверами в руках уже несколько раз сходили в штаб, сопровождая обнаруженных в квартирах людей, не имевших возможности предъявить никакого документа, удостоверяющего их личность. Посредине двора росла солидная куча найденного оружия. Тут были револьверы всех систем, винтовки, ручные гранаты, динамитные шашки. Обнаружить их нам часто помогала прислуга. Бывало, обыск уже закончен — ничего не найдено. Хозяева обрели самоуверенность и шутливо предлагают зайти еще раз. В это время горничная или кухарка тихонько подзывает одного из наших и шопотом сообщает: «Пошарьте-ка за картиной, может, чего найдете...» — и мы извлекаем тщательно завернутый в тряпки дамский браунинг.

Улицы уже проснулись, когда, сняв засаду у ворот, мы двинулись обратно в райком, неся нашу добычу.

В. СОРОКИН

Сводно-боевой

В эти дни было вот что:

С севера—белофинны, каждую минуту готовые броситься в атаку.

С запада на восток до Николаевской дороги — армия Юденича. Захватив большой район, она получила большое людское пополнение за счет мобилизации населения отрезанных от нас территорий.

Внутри—заговор с нитями от штаба 7-й армии.

Противопоставить в этот момент мы могли отряды оставшихся моряков и курсантов, несколько батальонов коммунистов и рабочих, комсомольские отряды и—точка. Все!

Веселенькое дельце, не правда ли?

Уже позже, когда прибыли переброшенные подкрепления, приехали рабочие и коммунисты из Москвы и других городов, наши силы могли кое-как соответствовать силам врага.

Говорят, Юденич смотрел из Детского на Исаакий и хвастал: «Мы завтра будем гулять по Невскому». И по радио сообщил об этом за границу.

Рано утром собрали тройку. Подсчитали силы.

— Будет человек триста ребят актива. Организуем два отряда Пиши приказ № 2:

> «Создаются два отряда: 1-й сводноборвой отряд и 2-й сводноборвой РКСМ. Начальником 1-го назначается Ф. Дребезгов, начальником 2-го—В. Сорокин».

Во двор ПК начали прибывать районы. Пришли васильеостровцы, пришел 2-й городской с Тужилкиным, Усановым, Михайловым, пришел 1-й городской во главе с Мишей Глероном, назначенным командиром роты, пришли выборжцы, петроградцы, нарвцы, заставские и еще много ребят.

Выстроились во дворе. Народ был хотя и не рослый, но стойкий.

Мозги у всех были крепко подвинченные, нервы тоже. Стремление—едино.

Уже при разбивке на отряды, роты, взводы и отделения ребята требовали немедленной отправки на фронт.

— Что вы, ребята! Одурели? Нужно мало-мальски организоваться, очухаться. Когда надо будет, тогда и двинемся.

Ребят организовали, разместили, выдали обмундирование и прочее.

Отряды слились в один своднобоевой.

— Значит, уплотнились! Ты, Федор,—командовать, Севка будет тебе помогать, а я...

— А ты,—смеясь, показал я Кагану на чернильницу,—ты будешь бумагу марать... Ну, не дуйся... Ты жми связь с ПК и тому подобное. В общем, теперь у нас все входит в свое русло.

— Слушай, у нас там шкетина один появился.

— А, этот матросик-то, карапуз?

— Да. Что с ним делать? Не уходит.

— Оставь, Никита, пускай остается!

— Да его уже под свое покровительство Мишка Тужилкин взял.

— Ну и ладно! Ничего. Тоже — боевая «единица».

Ребята в новом обмундировании, с американскими винчестерами выглядели на первом занятии довольно внушительно. Все сделались одинаковыми, исчезли индивидуальные черточки.

— Смотри, Жестянников-то, спасу нет! А Ника!..

— А Мишка-то! Одни очки от него остались!

— К нему, подлецу, идет военная форма.

— Определенно! Смотри, смотри «Шлепман»-то. Дю-ю...

— Эй, Слосман. Ты ли, голова? Убери живот!

— А Митя-то, Митя! Ну, прямо Наполеон! Право слово, Наполеон!

Занятия шли полным ходом. Начали обучать гранатному бою, давались навыки на случай уличных боев, ибо решено было без боя Питер не отдавать.

В тяжелые минуты, если приходилось бывать в Петропавловке, в кабинете Аврова как-то сразу становилось спокойнее и легче. Всегда ровным голосом отдается Авровым приказ, всегда спокойный взгляд на впавшего в панику товарища.

Такой человек, как Авров, внушал уверенность в победе.

Однажды поднялась неожиданная тревога. Все дружно вскочили с коек и начали быстро одеваться.

Вдруг в одном из взводов началась паника. Миша Глерон бросился разбираться.

— В чем дело?

— Сапог нет!

— Галифе исчезло.

— Обмотки спрятали.

Виновник торжества — Михаил Тужилкин — попрятал туалеты ребят по вазам, в рояль, под паровое отопление.

Его едва не избили.

Глерон привел в одну минуту всех в порядок, наградив «бдительных часовых революции» соответствующей дозой нарядов вне очереди.

Отряд был построен в боевом порядке в несколько минут.

Был деловой смотр. Из ПК вышел Каган.

— Севка, дай винтовку. Ты другую возьмешь.

— На, подержись!

А вскоре в «Юном пролетарии» маститый редактор написал хорошую статью, но с одной «деталью». Была такая пышная фраза:

«Редакция сменила перо на винтовку».

Как-то неожиданно объявились наши самокатчики из особой самокатной роты РКСМ.

«Головка», в лице Яши Цетлина, Вани Канкина, Саши Александрова, явилась к Аврову в штаб обороны.

— Нас порасчесали...

Федор говорил на тройке, что они просились «оправиться», но Авров коротко приказал:

— В двадцать четыре часа погрузиться в вагоны.

И самокатчики снова двинулись на участок. Им завидовали.

Поздно вечером во время моего дежурства в штабе тревожно зазвонил телефон и сообщил убийственную вещь:

— Ли-го-во... взято!

Ударило в голову. Невольно переспросил текст телефонограммы.

Собираем тройку.

— Ребята! Ведь это у Путилова, рукой подать...

— Скверное дело! Чего нас держат?

Звонки в крепость.

— Ну что же, начнем заседать. Нам придется выдержать и итти на уличные бои. Опорные пункты вы знаете.

Как же нам было не знать? Одна линия шла по Обводному, другая параллельно, по Фонтанке. Были укрепленные кварталы. На балконах и в окнах части квартир, выходящих на улицу, были сложены мешки с песком. Заготовлены баррикады из дров. Они сооружались и женщинами, и старыми, и малыми, оставшимися в городе.

Вдоль Невского, Гороховой, Вознесенского, у Адмиралтейства, у Исаакия на площади, на Садовой, у мостов были установлены орудия, прикрытые бронебашнями с кораблей.

Рылись окопы, проволока опоясывала улицы Питера. Все это превращало город в непроходимую шахматную западню. Здесь ожидались бои более жестокие, чем в дни Парижской коммуны.

Все это мы очень хорошо знали.

— Жалко, мало подучены ребята!

— А с всеобуча бегали.

— «Актив»!

— Скажи это месяц назад, так с обучением тоже посылали подальше. То одни дела, дескать, то другие.

— Ну, ладно. Теперь поздно ахать. Вперед умнее будем.

(Так ли, ребята, сейчас-то? Проверьте-ка).

— Теперь нам нужно на случай сдачи города оставить в подполье двух человек. Намечайте — кого.

Сидели четверо. Переглядывались. Соображали.

— Тебе, Федор, нельзя, отряд...

— Да, не выйдет. А у тебя, Каган, приметная физиономия

— Да, многие знают в лицо!

— Тогда придется Болдырева и Сорокина наметить.

— Валите! Все едино...

— А как, ребята, с архивом и делами союза? — испуганно вспомнил Каган.

Думали, думали, но грохот пушек, доносившийся с «Гангута» и «Марата», тревожные сигналы мчавшихся по острову пожарных подсказали решение.

— Собрать по районам и уничтожить!..

(О, будь трижды проклята эта мысль теперь!)

— Звони по районам!

— Я узнаю в партии, во втором городском, как у них делают.

— Вали сбегай.

Бежал в райком партии. На улицах пахло тревогой у приказов и газет, наклеенных на углах. В темноте бродили люди, чиркали спичками.

Изредка проносились внезапно ожившие трамваи. В них везли оружие, бойцов, иногда снаряды. Зловеще звенели в тишине города эти вагоны. Небо беспрерывно бороздили прожекторы, все больше приближаясь и приостанавливаясь на западе и юге.

«Ищите! Щупает и север, не забудьте... Вдруг — финны», неслось в голове. И успокаивался, глядя на луч прожектора, когда он, взметнувшись, описал дугу на черном октябрьском небе и снопом упал на север.

В это примерно время уже ликвидировали заговор в штабе 7-й армии. (По следам заговора ходили позже и мы).

В райкоме было как-то жутко.

Выстраивался последний отряд коммунаров. Среди них были и коммунистки.

Из подъезда вынырнула небольшая фигурка.

— Ты зачем, Люба?

— Я вступила в партию.

Молча пожали руки и разошлись.

В райкоме произошел разговор:

— Тетя Лиза, вы зачем керосин у карточек партийцев поставили?
— Да на последний момент. Сожжем...
— А это что у тебя?
— А вот, видишь, собрали.
— Откуда? Да ведь это партбилеты!
— Да приходят и подбрасывают.
— У-у-у, гады!
— Ничего, запомним!
— Но зато вновь вступают!
— Да, знаю. Очень хорошо знаю...
(Вспомнилась маленькая фигура у входа).
— Много уже ушло ребят?
— Много, последний отряд отправляем!
— Значит, туго?
— Туго, дружок! Ну, да как-нибудь вытянем.
— Ну, счастливо тебе!
— И тебе тоже.
Бегом мимо пулеметов, мимо суетящихся коммунаров, из прокуренного помещения на улицу, обратно в свой штаб.
В библиотеке горит камин. Около него сложены районные архивы и документы ПК.
Подошел Каган.
— Будем жечь. Ничего не поделаешь!
Ребята начали бросать в огонь документы.
Вышел в штаб.
В дежурке около стола сидел Смит.
— Ты как думаешь, попрут?
— Не верится, но факт — напирают.
Он вздрагивает.
— А ты останешься здесь?
— Возможно. Впрочем, нет. Уйду с отрядом, — спохватился, подумав. — Откуда он знает, о чем говорили на ЦРТ?
— А я не знаю!.. Если останусь, то не знаю, где.
— Чего же не знать? Тогда сразу и узнаешь.
— Слушай! Я думал в «Асторию» сходить.
— Незачем! Вся «Астория» на Северном вокзале.
— Как?
— Да так, все семьи коммунаров погрузили в состав. Эвакувнем на север, к Вологде.
— Значит, очень плохо?
— Да, неважно.
— Гм... — Парень начал чертить. — Слушай, я себе фамилию не знаю какую взять!
— Зачем?
— А если вдруг останусь здесь!
— Глупости! Иди к ребятам в отряд.

Парень явно распустил нервы. Ушел.

Через несколько часов, под утро, ребята, узнав о положении, бузили и требовали действий.

В штабе столкнулся с Федором.

— Ну, знаешь, полегчало!

— Неужели?

— Да, но очень немного. Ждать нужно нового напора. Правда, теперь заговор раскрыт. Спокойнее за тыл, но все же тревожно. Сегодня приедут москвичи. Рывкин[1] тоже едет!

— Толково!!

Вспомнил про библиотеку.

— Послушай, там жгут архив?

Федор махнул рукой.

— К чортовой матери! Уже все спалили!

И вдруг рассмеялся.

— Ты чего?

— А «инициатора» из огнетушителя окатили.

— Как так?

— Да так, уронили, кнопкой ударился, ну и фыркнул по комнате. Вся наша «интеллигенция» обмочилась.

— Ха-ха-ха! Хорошо!

Через некоторое время снова кутерьма.

— Слушай, ты видел С.?

— Ночью видел, приходил.

— Ты его отпускал в «Асторию»?

— Нет. А что?

— Он не ночевал в отряде.

— Так, значит, Мишка Глерон отпустил.

— Мишка его ищет.

Вызвали сменившегося часового-отрядника.

— С. видел?

— Так точно!

— Пропускал?

— Так точно!

— Где пропуск?

— Он разбузился, стал ругаться и сказал: «Я член ПК». Он ведь верно — член ПК!

— Дурак ты! Приказ читал? ЦРТ знаешь?

— Читал, знаю!

— ПК распущен?

— Да.

— Начальник отряда кто?

— Ты, Федор!

— С. рядовой? От штаба имел пропуск?

— Нет!..

---

1 Рывкин — тогдашний секретарь ЦК РКСМ.

— Устав знаешь?

— Знаю, — совсем опечалился парнюга. Голос его звучал виновато.

— Ну так явись к командиру роты и скажи, чтобы дал три наряда. Кругом арш!

Парень вышел, мы переглянулись.

— Тоже, говоришь, «нервы не выдержали»?

— Бывает!

— Ну ладно! Ничего не попишешь...

Утром приехали москвичи.

— Рывкин, здорово!

— Здорово, милок. Как дела?

— Великолепно!

Снова заседали, обсуждали дальнейшие шаги и общее положение.

Вечер следующего дня принес неожиданную радость:

«Царское село взяли обратно».

Юденич хотя и медленно, но начал все же отодвигаться назад.

Стало не так тревожно. Нажали на военную учебу. Ночью получили задание итти на обыски.

Один взвод, вернее отделение, пошел на Лиговку. Другой на Конюшенную.

Руковод второй группы получил задание — сделать обыск и арест в квартире одной бывшей герлс-скаут — скаут-мастера петроградской дружины скаутов (фамилии забылись).

Окружили дом. Пошли смотреть сперва помещение отряда. Нашли пачку бланков.

Смотрим: «Петроградский военный комиссариат. Дружина юков... Дано сие... на право ношения оружия...»

— Ничего себе. Ловко устроились!

Из печки вытащили штык. Нашли несколько патронов. Перешарили начисто все.

— Успели убраться!

— Я думаю! Опоздали. Месяц назад нужно было ударить по осиному гнезду.

— Если бы да кабы... Хорошо, что и так раскрыли!

Пошли на квартиру. Скаут-мастер в «юбке» была не дура.

Испуганных, интеллигентных, зажиточных, судя по обстановке в квартире, родителей она успокоила: «Все будет в порядке. Это ко мне».

Прошли в комнаты.

Перерыли дочиста все. Портьеры, обои, паркет — все было ощупано, остукано и осмотрено. Но... чисто!

У виновницы обыска торжествующе блеснули глаза, вырвалось:

— Ну, все?

Мельком взглянув, поймал этот взгляд, подумал и сказал:

— Прощайте..

— До свиданья, — мило ответила.

Утром ее арестовали.

(Арестовали не зря. После нити сошлись совсем с другой стороны).

Первая же группа, оперировавшая на Лиговке, явно прохлопала.

В чайной собирались белые разведчики. Наши «добрые, милые юноши» из отряда встретили там нескольких «типов», но те сунули мандаты известного уже нам образца, и наших это удовлетворило.

«Типы» были пропущены.

Немедленно послали обратно ребят. Но... там уже поперек двери были приколочены доски. Дичь смылась.

Что же, всякое бывает, на ошибках учимся.

Н. ПЕЛЕВИН

В отряд добровольцев

Все, кому дороги завоевания Октября, — в ряды Красной армии.

С таким призывом обратилось советское правительство в начале 1918 г. ко всем рабочим и крестьянам республики. Окружение страны врагами советов требовало громадного количества вооруженной силы, но применить принудительный набор не представлялось никакой возможности: только недавно была демобилизация солдат с фронтов империалистической войны. Нужны были добровольцы. И вот в первую голову на призыв откликается молодежь, комсомол. Из них в большинстве формируются отряды добровольцев. В один из таких отрядов записался и я, тогда еще совсем юнец, молодой член комсомола.

В райкоме, клубе, тогдашних местах сборищ молодежи, каждый день велись бурные разговоры о положении республики.

Ребята жаждали дела. Вот почему и я и тысячи других, увидев возможность приложить свои силы для революции, пошли в Красную армию.

Обстановка клуба, райкома как нельзя лучше отвечала боевому духу ребят. Каждый думал лишь о борьбе, о фронте.

Военная подготовка отряда

Наш отряд проходил краткосрочное военное обучение, готовясь к отправке на восточный фронт.

Состоял отряд преимущественно из рабочей молодежи, часть которой являлась комсомольцами и партийцами. В особняке фабриканта Зимина, где мы ежедневно собирались, велись ускоренные занятия: строй, обращение с винтовкой, пулеметом и, главное, стрельба.

Времени было мало — фронт не ждал. О хорошем, длительном обучении не приходилось и думать. Каждому бойцу-красноармейцу сообщался тот минимум военных знаний, с которым он уже мог с некоторым успехом итти в бой. А остальное каждый

получал непосредственно на фронтах, в боевой обстановке. Учились все с охотой (желание попасть на фронт было огромное), зная, что чем быстрее окончится обучение, тем быстрее будем на фронте.

Распоряжение об отправке

Этот день настал.

Как всегда, мы собрались в отряд, сделали перекличку и хотели приступить к занятиям. Неожиданно в помещение вошел командир и, приостановив учебу, обратился к красноармейцам:

— Товарищи красноармейцы, получено распоряжение о нашем отъезде на фронт. Завтра отправляемся. Сегодня занятия можно оставить и разойтись до завтра, до двенадцати часов дня.

Ребята сразу остолбенели, но когда сообщение было «прочувствовано», последовал взрыв восторга.

Громкое «ура» само вырвалось из глоток ребят.

От возбуждения, охватившего всех, готовы были пуститься в пляс, кричать, бесноваться. На командира посыпались вопросы: «Куда едем?», «Много ли нас?», «Сколько чехов?» И еще много вопросов, на которые он едва успевал отвечать.

Наконец, когда любопытство ребят было удовлетворено и командир ушел, начали расходиться и ребята.

В райком

Мы, группа комсомольцев, прямо из отряда направились в Басманный райком союза. В райкоме должен был состояться художественный вечер. Ребята хотели в последний раз перед отъездом побыть среди тех, с кем сжились, сроднились на общей работе, среди близких друзей, товарищей.

В райкоме наговорились досыта. Тут же в план вечера внесли проводы комсомольцев.

До вечера оставалось еще немного времени, и я решил сбегать домой.

Дома

Всю дорогу домой думал: «Сказать или не говорить матери об отъезде?» Подошел к дому и ничего не надумал.

«Там увижу», решил, открывая дверь.

Мать что-то готовила, стояла спиной к двери у стола. При моем появлении обернулась:

— Это ты, Коля?

— Я, мама, собери поесть.

Мать налила щей, подала на стол. Я сел есть. Она облокотилась на край стола и начала всегдашний разговор о хлебе.

— Хлеба нет, Николай, муки тоже. Тебе надо бы съездить, все равно так время убиваешь в своем комсомоле.

Последним она вызывала меня на разговор. Но я ел молча, не отвечая.

Мне не хотелось говорить о хлебе, тем более сейчас, когда я уже ничего не мог сделать.

Мысли сами собой перескочили на отъезд: «Сказать? Нет?» И почему-то вдруг решил ничего не говорить: «Узнает, коли вернусь или пришлю письмо».

Выхлебав щи, вылез из-за стола и стал одеваться, чтобы не опоздать на вечер.

— Ты опять уходишь?

— Да. А что?

— Так. — Помолчав добавила: — Ты скоро вернешься?

— Наверное, поздно, не знаю. А может быть, даже совсем не приду, там останусь ночевать, работы много.

Мать посмотрела на меня, ничего не сказала, лишь вздохнула. Я отвернулся и стал напяливать картуз, чтобы больше не видеть лица матери.

Вышел, не оглянувшись и не слыша, что она мне сказала вслед.

«Прощай, дом!»

Проводы в клубе райкома

Было часов шесть вечера, когда я вновь вошел в клуб райкома. Опять окружила братва, опять посыпались вопросы:

— Едешь?

— Завтра в три.

— С какого вокзала?

— Рязанского?

— На чехов?

— Да.

— Валяй, Колька, да смотри не подгадь, а то лучше не приезжай—расстреляем.

С разговорами летело время, и не заметили, как начался вечер. Когда вырвался от ребят и вошел в зал, все были в сборе.

Докладчик из районного комитета партии, заканчивая доклад, говорил об отправке на фронт комсомольцев.

— Сегодня у нас, товарищи, особенный день. Сегодня мы провожаем на фронт с двумя отрядами человек тридцать наших товарищей комсомольцев биться с бандами чехов, захвативших Сибирь.

Бурные хлопки и крики «ура» безудержно прокатились по залу. Все повскакали с мест. Внимание переходит на «фронтовиков», столпившихся у сцены. Все смолкает, как только на сцену поднимается один из отъезжающих. Овации все время перерывают речь.

А последние слова покрываются всеобщим «ура» и криками: «Качать, качать!» Наш делегат, отчаянно всплескивая руками, летит вверх.

С шумом ребята расходятся по домам. Некоторые еще остаются.

Теплая товарищеская беседа и взаимные пожелания заканчивают вечер.

Домой итти не хочется: поздно, да и незачем... Иду ночевать в отряд.

Дорога

Время шло незаметно. Оживление ни на минуту не покидало ребят. Разговоры, песни, пляски сменялись одно другим.

Станции летели, как верстовые столбы, Разнообразные, они оставляли массу впечатлений. Рассказы о них текли сами собой, отбивая всякую охоту думать о прошедшем: далекой теперь Москве и всем остальном. Вперед — вот что всего ясней выражало настроение братвы.

Подъезжаем к Сызрани. Ребята расходятся по станции. Сразу достали местную газету «Сызранская правда», набросились читать. Помню, как сейчас, весть о сдаче Бузулука. Все нахмурились. Но через минуту хумрь пропадает.

Ничего, выдержим!

Вера в свое дело поднимает дух. Снова садимся в теплушки и едем дальше.

На фронте

Поезд остановился, не доезжая одного пролета до ст. Кинеля. Была ночь. Дежурный разбудил спящих красноармейцев.

— Вставай, сейчас выгружаться.

В вагонах поднялась суматоха. В темноте многие не находят вещей, толкаются, кричат. Несется команда:

— Выходи из вагона. Стройся!

Выпрыгиваем, встаем поротно.

— Шагом марш!

Со станции выходим на проселочную дорогу. Спрашиваем:

— Куда?

— В деревню.

Идем. В темноте раздается хруст шагов и бряцание котелков. Почти не говорим. Каждый еще охвачен дремотой. Команда «равняйся» на миг лишь заставляет встрепенуться, а потом опять тянемся по-старому.

Но все-таки сон расходится, как расходится и темнота ночи. Понемногу начинаем приходить в себя.

Вскоре показывается деревня, где нам надо остановиться. Первые входят пущенные вперед дозоры, затем и мы.

Расставляем заставы и размещаемся по избам до утра.

Следующий день стоим в деревне, а вечером отправляемся на передовые позиции.

Первое наступление

Ночью того же дня мы выступили в передовую цепь красноармейцев.

Ночь была темная. На небе, затянутом тучами, ни одного просвета; моросит дождь.

По линии цепи то и дело вспыхивали огоньки от ружейных выстрелов, а со стороны неприятеля высоко над землей взвивались светящиеся ракеты, то красные, то белые, переливаясь на дожде различными цветами, задерживаясь вверху на несколько минут и затем исчезая.

В это время всякое движение на линии прекратилось, позиции замерли. Красноармейцы, прячась в наскоро вырытых окопах за выброшенную перед собой землю, зорко всматривались в ночную темь по направлению неприятельских окопов.

С обеих сторон шла редкая ружейная перестрелка, да где-то вдали урывками трещал пулемет: та-та-та, та-та-та! — и смолкал так же неожиданно, как и начинал.

Вдруг где-то далеко раздался глухой гул орудийного выстрела, и через несколько секунд над нашими головами, разрывая воздух, со свистом пролетел первый неприятельский снаряд. Потом второй, третий, друг за другом, и так без конца.

Снаряды разрывались метров за двести позади нашей линии, обильно посыпая землю своей металлической начинкой; казалось, что сзади нас прорвался небесный мешок и оттуда сыплются камни.

— Ого, чертяка, никак почуял, что пришло подкрепление, — сказал кто-то в цепи. Голос сказавшего красноармейца был добродушный, невольно вызывающий улыбку.

Где-то в стороне вновь затарахтел «максим», обрывая голос говорившего, прерывая мысль. Послышалась ответная ружейная стрельба, эхом отдавшаяся в лесу. Воздух от гула снарядов, пулеметной трещотки и беспорядочных винтовочных выстрелов гудел, как на колокольне, когда звонят во все большие и маленькие колокола.

Несколько наших, окопавшихся около опушки леса, лежали, перекидываясь словами:

— А что, Каштан, нам, пожалуй, не поздоровится, — заметил лежащий слева красноармеец и сейчас же выстрелил, оглушая нас четким металлическим звуком.

После этого, не обращая внимания на выстрел, послышался хриповатый ответ Каштана:

— Ничего, и мы надерем хвост.

— Утром увидим, чего гадать! — вступил в разговор я.

На этом разговор прервался, так как раздалась команда ротного:

— Цепь, вперед!

Я поднял свой взвод, и мы, выровнявшись, двинулись по набухшей пашне.

Бум! Бум! Бум!

Сразу, один за другим, рванулись три выстрела, кромсая ночную тишину и заглушая остальные звуки. Снаряды разорвались недалеко от того места, где только что находилась наша цепь.

— Нащупывают! — крикнул мне рядом идущий красноармеец.

— Пускай щупают!—резко выкрикнул я, но мой голос покрылся ответным шумом нашей батареи.

У-ух, ух-ух! — загудели в ответ выстрелы наших орудий.

Мы двигались вперед с винтовками наперевес, зорко всматриваясь в темноту.

Оружейная команда со стороны чехов усилилась; снаряды били удар за ударом, разрываясь в воздухе, на миг освещая землю и местами идущую цепь; осколки сыпали стальным градом и пели на разные голоса.

— Окаянный, нащупывает батарею! — крикнул идущий справа красноармеец.

Ему отвечал голос из цепи:

— Ничего, сейчас заткнем глотку.

Словно в подтверждение, раздался рев наших орудий, оглушая неистовым визгом окрестности боя. Впереди нас затявкал «Максим» белых; пули летели над головами, жужжа, как большая оса; все инстинктивно нагнули головы. Наша цепь не отвечала, упорно двигаясь вперед. Уже невдалеке начали вырисовываться силуэты бугров, за которыми укрылся неприятель.

Орудия белых начали затихать, не то боясь себя обнаружить, не то будучи сбиты нашей батареей; теперь надрывались одни пулеметы.

Начинало рассветать; темь ночи рассеивалась, превращаясь из черной массы в серую, которая с каждым часом делалась все светлее и светлее. Небо попрежнему сплошь затянуто тучами, бугристыми, как валуны; мелкий дождь продолжает накрапывать, мелко посыпая двигающихся красноармейцев.

Теперь уже можно различить всю линию цепи, немного изломанную, но еще слитую темнотой; казалось, что двигалась одна темносерая широкая лента с торчащими вперед иглами штыков.

Итти было трудно. Ноги уходили в рыхлую пашню, набухшую за ночь дождем; на подметках сапог приходилось волочить порядочные ошметки земли; снять их было некогда.

Приближались к буграм, откуда надеялись увидеть неприятеля.

Сердце забилось учащенно, громко; временами оно, казалось, заглушало своим стуком все окружающее: визг пуль, шорох дож-

дя и взрывы снарядов. Тело сжалось, как бы стараясь сделаться меньше и крепче, недоступнее для пули и штыка врага. Шаг ускорился, руки сильней стиснули винтовку. В голове появились обрывки каких-то мыслей, фраз, разговоров. Они то пропадали, то появлялись снова. Нервная дрожь, как от прикосновения к оголенному электрическому проводу, пропитывала тело, сжимала мускулы.

Бугор. Пули из пулеметов белых, снижаясь, обдают лицо влажной землей.

Никто не обращает внимания, у всех одна мысль: скорее вперед.

Как бы чувствуя это настроение красноармейцев, сейчас же раздается команда ротного, повторяемая по взводам.

— Спра-а-а-а-ва по одному звену перебежку на-а-а-а-чинай! — несется команда по цепи.

Пригибаясь до самой земли, красноармейцы бросились по склону наверх.

Мысли остановились. Перед глазами темные круги, заволакивающие зрение.

Сердце стучит в такт с бегом.

Переваливаем за бугор и валимся, как снопы, в рыхлую землю, упитанную водой.

Неприятель отступил.

Зато мы теперь на виду у него, как на ладошке, на склоне бугра. Открытая цепь.

Это не замедлило обнаружиться:

— О-о-о-а-ой! — почти рядом раздается дикий вопль. Голос знакомый.

— Кто?

— Товарищ взводный, Петрова в живот...

«Петров шел во взводе третий», тупо работает мысль. Поворачиваю голову вправо, вижу: к катающемуся по земле клубу, в котором узнаю знакомую фигуру, ползет санитар.

«Надо ползти, иначе... иначе...»

Неприятельские пулеметы низко над головами вьют смертельную сетку; пули переплетаются в невидимых узорах и колышутся то вверх, то вниз, давая знать о себе пронзительным визгом.

Лежим, плотно прижимаясь к земле, почти слившись с ней. Пулемет, единственный во взводе, неустанно трещит, давая широкое рассеивание пуль по неприятелю. Снаряд попал в точку: пулемет против нас утихает.

Начала утихать и ружейная перестрелка. Снова несется команда:

— В отделении справа по-одному перебежку на-а-а-чинай!

Начали сниматься, по-одному перебегать вперед; пробежав немного, ложимся, не разбирая, где и куда, — в грязь, лужу, открывая частый огонь, давая под этим прикрытием перебежать остальным и выровнять линию цепи.

Стало совсем светло; солнце, незаметно появившееся, подни-

мается выше и выше; теплые лучи начинают пригревать лежащих красноармейцев. От земли поднимаются испарения.

Бой кончается; цепь без затруднения передвигается дальше по распаханному полю. Со стороны неприятеля не слышно ни звука, наши изредка и наугад пускают одиночные выстрелы вдогонку скрывшемуся врагу. Чехи скрылись в виднеющейся вдалеке деревне, оставив на своем ночном логовище груды выстреленных гильз и обрывки бинтов.

Занимаем вчерашние неприятельские позиции и окапываемся в ожидании дальнейших действий. На сердце делается легко, как после большого праздника, после удачной ночной операции. Моментально у всех поднимается настроение, а у молодежи, комсомольцев, — присущие им юношеский пыл и задор.

— Наверное, хорошо угостили. Будут помнить...

— Смотри, братва, вот наши гостинцы...

— А вот пулемет... гляди...

— Знай наших... — летят насмешливые словечки по адресу удравшего врага.

И только одно омрачает лица красноармейцев. К собравшимся в кучу ребятам подошел ротный и, упорно смотря в землю, заявил:

— У нас в роте потери невелики, но есть: один убит, пять человек ранено, трое легко...

Вспомнились корчившийся Петров и Стрункин. раненый после; невольно всколыхнулась жалость по выбывшим товарищам, еще больше выросла ненависть к врагу.

Скорей бы, скорей в бой, чтобы отплатить за своих товарищей!

Разведка

После ночного боя расположились на отдых. Большинство красноармейцев, измученные переходом и ночными волнениями, сейчас же заснули, не разбирая, где и как, издавая здоровый храп и сопение, не уступающему свисту пуль. Наиболее молодая часть— комсомольцы—расположилась около костра за пригорком и завела оживленную беседу, делясь впечатлениями. Разговоры лились рекой, так как для большинства это было боевым крещением. Все наперебой хотели высказать другим товарищам свои ощущения и те маленькие приключения, которые каждый из нас отдельно перенес прошедшей ночью. Случаям комическим и трагическим не было конца. Витиеватые фразы, забористые словечки, как пчелы над ульем, кружились над группой беседовавших. Здоровый хохот отмечал ту или иную оплошность рассказывавшего парня. В конце попробовали даже затянуть какую-то песню, но сейчас же были остановлены подошедшим командиром:

— Эге, ребята, веселись, да не забывай, что недалеко неприятель.

Песня сейчас же смолкла. Разговоры тоже начали утихать, ибо самое яркое было уже рассказано, да и усталость и ночные треволнения давали о себе знать: стало клонить ко сну. Группа начала редеть; один за одним от нее отделялись ребята и присоединяли свой «голос» к группе спящих. Наконец повалились и оставшиеся, образовав круг свернувшихся комков около потухшего костра.

Тишина и сон охватили все поле, где расположилась цепь.

Не спали только дозорные, выставленные караулить сон уставших бойцов; они мерно расхаживали около своих постов, всматриваясь в белеющую даль, где золотилась на солнце деревенька, в которой укрылся неприятель.

Отдых продолжался недолго. К одной группе подошел командир и стал будить спящих. Разбудил и меня как взводного, а затем обратился к окружавшим его красноармейцам:

— Вот в чем дело, товарищи: сейчас надо сделать вылазку в деревню, узнать силы чехов и снять план деревни. Кто согласен итти в разведку? За старшего пойдет ваш взводный—товарищ Пелевин.

Через несколько минут я и девять человек красноармейцев (все комсомольцы) отделились от цепи и направились к деревне, забирая вправо, к лощине. Прошли мелкий кустарник, спустились в лощину, где протекал мелкий ручеек, и пошли вверх по течению, вытянувшись в цепь. Трое—Гладков, Шариков и Каштанов—шли несколько впереди. Сразу все сделались серьезными, сознавая всю ответственность момента. Разговоры прекратились. Шли тихо, стараясь не вызывать никакого шума.

Наконец после двухчасовой ходьбы мы почти вплотную подошли к околице, откуда нам стала видна главная улица с раскинувшимися по бокам рядами низеньких изб.

Было пять часов дня, небо опять заволокли облака, на землю осаживалась хмурь. Ветерок, чуть заметный при выходе, все разыгрывался, усиливался и теперь заметно клонил верхушки деревьев. Мы легли на животы и подползли к удобной впадине скрывавшей нас со стороны деревни.

Здесь мы разделились на три группы.

— Первая тройка идет в восточную часть, вы двое — Сергеев и Смаков — в западную, остальные остаются со мной здесь. Поняли? Итти осторожней, чтобы не влопаться, а влопаетесь...

Ребята обиделись.

— Бывалые, сами знаем. Не первый раз. В Москве еще щелкали...

Оставшиеся выставили наблюдателя, чтобы не быть обнаруженными.

— Я пойду снимать план. В случае чего — сыпьте, не дожи-

даясь, — обратился я к лежащим во впадине и пополз сначала лощиной, а затем решился вылезть на пригорок. Достал планшет и быстро стал набрасывать расположение улиц и домов в грубых чертах, схватывая то и другое. Минуты казались долгими, как час. Наконец кончил план, спрятал в карман шинели и двинулся к ребятам.

На месте меня ждал Каштанов, пришедший с донесением от первой тройки.

— Пелевин, с нашей стороны стоит застава из нескольких человек. Дозоры далеко — в огородах, около амбаров и, очевидно, дремлют. Мы проползли чуть ли не у их носа, даже думали снять, но побоялись испортить дело. Гладков пополз в самую деревню узнать, что и как там, и, если возможно, порасспросить у крестьян относительно численности чехов и количества орудий. Шариков остался на месте в канаве, близ часовых. Как дальше?

— Обожди здесь, пусть придут Сергеев и Смаков, тогда обсудим.

Стали ждать. Сергеев и Смаков не появлялись.

Кругом стояла тишина, лишь изредка пошаливал ветер, проносясь по деревьям и шурша по земле прошлогодними листьями. Это спокойствие в природе стало передаваться и ребятам; казалось, можно забыть, где мы сейчас и что происходит. Шопотом начались разговоры.

Но вот в кустах послышался шорох. Все сразу схватились за винтовки. Появился раскрасневшийся Сергеев и начал рассказывать:

— Недалеко от крайней избы стоят два орудия. У них никого нет. Смаков пополз к ним и велел передать, что скорей погибнет, но не уйдет, не достав от них замки. Говорил, не надо,—не слушает. Надо ползти на выручку, а то ему... каюк.

Мы колебались. Одни настаивали пойти, другие говорили, что из-за горячности одного человека могут погибнуть все. Но товарищеское чувство победило, и мы, оставив одного на месте с заданием в случае чего бежать в цепь, почти бегом понеслись за Семеновым.

Когда подползли близко к крайней избе и остановились, спрятавшись в разросшемся кустарнике, мы увидели, как Смаков орудовал на площадке под телами орудий. Я навел бинокль. Картина приблизилась настолько, что можно было заметить все смаковские ухищрения: он старался вынуть замки, но это ему не удавалось.

Замки не поддавались. Тогда Смаков бросил возню с ними, достал ручные гранаты, привязал у одного замка две [illegible]и, а к бокам их — конец длинной бечевы и со всех ног бросился бежать.

Я видел, как быстро подтягивалась бечева по мере удаления Смакова, и, когда он был уже в ближайшей канаве, сразу один

за другим грянули два выстрела, заволокшие дымом и столбом поднятой земли орудия.

Бегом мы бросились назад.

Когда подбежали к лощине, то услышали в стороне топот бегущих ног. Схватились за винтовки и приготовились стрелять. Прямо на нас выскочили трое. Это были наши — Каштанов, Шариков и Гладков. Каштанов бежал, прихрамывая на одну ногу. Никто не спросил, почему. Соединились и побежали вместе.

Только пробежав с километр, услышали:

— Не могу, ранен в ногу...

Мы с Гладковым схватили Каштанова под руки, и все трое побежали дальше.

Со стороны деревни неслась частая стрельба. Вступил пулемет; трещотка его длинной лентой опутывала окрестности.

Пули летели через лощину.

Мы бежали до тех пор, пока силы совершенно не оставили нас. Тогда шлепнулись на землю и растянулись, махнув рукой на все. Нас было трое, остальные далеко удрали вперед. Нога у Каштанова совсем перестала действовать; пересиливая боль, он оставался спокойным.

Стрельба в деревне доносилась глуше, но попрежнему частая, ожесточенная. Со стороны наших позиций полетели ответные выстрелы.

Началось.

Надо было итти, но Каштанов не мог. Устроив из винтовок и шинели носилки и кое-как усадив Каштанова, двинулись дальше.

Уставшие, голодные, еле плелись по лощине. Каштанов начал стонать: кровь из сапога стала сочиться сильнее.

Пройдя минут пять, пришлось остановиться и сделать ему перевязку. Гладков снял сапог, кровь хлынула еще сильней. Пуля попала в икру правой ноги. Перетянув ногу выше колена и завязав платком ранение, стали надевать носок. Каштанов был без памяти и бредил:

— О-о-о, белая сволочь...

Пройдя еще шагов двести, встретили своих ребят, посланных из цепи.

— А мы думали, что вы уже того...

Каштанова переложили на носилки, и все пошли к своим. Гладков начал рассказывать, как они пробирались в деревню:

— Когда мы отделились от вас и вышли из лощины, дальше итти было нельзя. Легли на борозду и поползли. Не доползая до амбара, увидели часового: он стоял, облокотившись на винтовку, и, видно, дремал. Хотели сразу снять, но потом решили оставить, чтобы зараз не навлечь подозрения. Отсюда я послал к вам Каштанова с первыми известиями. Шарикова оставил на месте, а сам пополз в деревню. По огороду, далеко огибая часового, про-

полз к одному двору; по пути наткнулся на убитого крестьянина с размозженной головой. Пробрался в сад. Деревня будто вымерла: ни одного звука, ни лая собаки, ни разговора не было слышно. Это придало мне смелости, и я решил заглянуть в окно избы. Приподнялся на носках до подоконника, вижу—в избе все вверх дном: чехи валяются вповалку по лавкам, на столе стоят несколько пустых коньячных бутылок и разбросана закуска. Набравшись храбрости, решил пробраться в самую избу. Подполз. На пороге сеней дома лежала изуродованная женщина; платье на ней было разорвано, груди в крови; лица невозможно было разобрать. Подкрался к двери в избу, взгляд упал сразу на «максимку». Вытащил замок. Подлез к винтовкам, стоявшим в углу около печки, по одной, по две старался оттащить в сени и вынуть затворы. Долго. Моментально блеснула мысль—бросить гранату. Одно окно в избу было открыто. Вышел, теперь уже спокойно, без волнения приготовил гранату, метнул и бросился к огородам. Это было уже после двух взрывов, прогремевших на другом конце деревни. На бегу услышал винтовочный выстрел, совсем, совсем близко; это, как оказалось, Каштанов, пришедший от вас, снял чеха у амбара. Присоединился к ребятам, и вместе бросились бежать к лощине, где встретили остальных. По дороге, неизвестно откуда, был ранен Каштанов.

Последние слова он договорил, когда мы подошли к своей цели. Каштанова понесли в околоток, а меня вызвал командир для доклада. Встретил он меня сухо, нахмурив брови, но слушал внимательно и без раздражения.

—Набедокурили? — были первые его слова. — Кого ранило?

— Каштанова, товарищ командир...

— Одного?

— Да.

— Хорошо отделались. Ну, а теперь рассказывай, как все произошло.

Я по порядку изложил, как что было, рассказал о положении в деревне и дал начерченный план.

— Молодцы. Только в другой раз смотрите...

— Хорошо, товарищ командир.

— Ну, сыпь. Сейчас двинемся на деревню.

Я не успел дойти до своей роты, как услышал несущуюся команду:

— Цепь, вперед!

Команда передавалась по всей линии наших позиций. Началось наступление на деревню.

И. БОРТИКОВ

Круглые сутки

из воспоминаний о врангелевском фронте

Июль 1920 г. Белые крепко засели в Большом Токмаке, крупном украинском селе, на севере бывшей Таврической губернии. Три месяца мы ведем упорные бои за его овладение, но белые сильно укрепили свои позиции и при содействии английских аэропланов, танков и броневиков отбивают все наши попытки вырвать Токмак.

Сегодня нам дали отдых в селе Новомихайловке. Давно пора. Помучилась братва здорово. День и ночь гоняли нашу сотню на поддержку то одному полку, то другому, а сотня одна на всю N-скую бригаду.

Хорошее село Новомихайловка—богатое, и жители приветливые, значит, добрая будет «шамовка», да и коням, кроме половы, наверное, найдется еще что-нибудь.

Чистенькие мазанки приветливо мелькают из-за листвы разбитых перед ними садов. Широкие улицы усажены стройными рядами акаций. Позади домов виднеются конюшни, хлевы, сараи и другие хозяйственные пристройки. Все это придает селу обстоятельный, деловой и вместе с тем приветливый вид. Новомихайловка нам хорошо знакома: не раз приходилось останавливаться здесь, ведя непрестанные бои в окрестностях Большого Токмака.

Становимся на старые квартиры. Нас встречают приветливые улыбки хозяек и знакомый возглас:

— Здорово, хлопцы. Все ли живы?

Поздоровавшись с хозяевами, заводим коней под навес. В непрерывных переездах им приходится переносить не меньше нашего: часто они не расседлываются чуть ли не по неделям. Конь—верный друг кавалериста. Он требует внимания и ухода. Первая забота—о коне. Ведь это он, быстролетный и неутомимый, помог победить врага.

Из хаты с веселыми криками выбегают ребятишки, обрадованные, что вернулись знакомые «дяденьки», наделявшие их гостинцами вроде сахара, ставшего редкостью в украинском селе.

Обширный крестьянский двор попрежнему свидетельствует о домовитости хозяина. Ничего не изменилось: так же начисто выбелена хата; в стороне около клуни ровный, хорошо утрамбованный

ток; кругом в беспорядке разбросаны сельскохозяйственные орудия, только что привезенные с поля. Крестьянская работа ведется урывками: непрерывные бои не дают возможности выехать в поле. Но как только наступит затишье, все спешат поскорее выполнить неотложную работу. А работы хоть отбавляй — пора страдная.

Нас четверо. С нами отделенный Рыжков. Он старше нас годами, аккуратен к службе и видом своим внушает крестьянам особенное доверие. Он всегда спокоен, одинаков в бою и на отдыхе. Ребята очень ценят его за эти качества. Сейчас Рыжков занялся приведением в порядок своего седла. Расседланные кони понемногу все успокаиваются, стоят под навесом и лениво жуют полову, густо посыпанную дертью[1]. Уставшие ребята разослали рядно и, растянувшись под тенью акации, ведут разговоры про свои дела.

— Двинем-ка, товарищи, сегодня на вечеринку. Тут, сказывают, собираются на улице дивчата с хлопцами, а дивчата здесь гарные,—вносит предложение Болотников.

Он всегда в курсе этих дел. Кажется, в любом селе, в котором мы останавливаемся, у него есть своя коханка.

— Как бы не пришлось вместо вечеринки на Токмак итти. Там тебе такое пропишут, что про всех баб забудешь. Придется тебе тогда пятки салом смазывать,—подтрунивают над ним товарищи.

Несмотря на боевую обстановку, хлопцы и дивчата села частенько выходят вечерком погулять на улицу. В теплую летнюю ночь кому хочется сидеть в душной хате при свете каганца? Спать тоже не охота. Так и тянет выйти на простор под усеянное звездами небо. В летнюю пору молодежь устраивает свои «вечорныци» прямо на улице. Тишина ясной украинской ночи тогда прерывается пиликаньем гармошки, песнями и смехом парубков и дивчат.

— Ну, ребята, будет про вечеринки мечтать, — спохватывается Петька Городков, — не пора ли о шамовке подумать.

— И то пора, — отзывается Рыжков, подходя к ребятам. Он уже успел справить свое седло и аккуратно положил его на перекладину.

— Мамаша! — окликает он вышедшую на двор хозяйку. — Не пора ли поручать (поесть)?

— Годи, сыночек, ось зараз зачну збирать, — отвечает «мамаша».

Не проходит и десяти минут, как хозяйка выносит из хаты стилец (низенький украинский стол), вокруг которого мы дружной семьей вместе с хозяевами располагаемся на низеньких скамеечках.

— Вот поднавернем и завалимся спать в клуне на холодке, — говорит Городков.

— И будем кавуны лопать, — подхватывает Крючков.

Но его осаживает Рыжков:

---

1 Отруби.

— Тебе бы только кавуны лопать. Коню бу лучше уборку сделал.

Борщ подан. Густой, сдобренный салом и сметаной, он так и просится в рот. Легкий пар, поднимающийся из чашки, щекочет ноздри и возбуждает аппетит. Братва готовится наворачивать.

Только мы погрузили в ароматный борщ ложки, как к плетню полным карьером подскакивает всадник.

— Живей седлай и вылетай! Строиться за церковью, у дороги! Тревога!—кричит он и несется дальше.

Тревожный клич его раздается у соседних хат, постепенно замирая вдали. В ответ на этот призыв на улицу вылетают всадники, на ходу оправляя амуницию.

— Вот тебе раз! Пошамать не дадут, — сетуют кругом ребята.

Но делать нечего, вместо обеда и отдыха в клуне, в соседстве с горой кавунов, мы бросаемся к коням и впопыхах седлаем. Встревоженный хозяин выносит из хаты амуницию и помогает одеваться. Через пять минут мы несемся полным карьером по направлению к церкви.

Наша сотня вся собралась у дороги, ведущей на хутор Скеливатый. Тут же в беспорядке собирается 1-й кавполк. Оказывается, он был выбит из Скеливатого и теперь стягивается в Новомихайловку. Часть его уже прибыла, а часть еще отстреливается.

— Ну, будет дело, ребята,—рассуждают между собой красноармейцы в ожидании распоряжений.

Впереди на дороге показывается столб пыли.

— Броневик,—раздается по рядам.

Всех поневоле охватывает тревога. Но наш командир Крылов, в бинокль разглядывавший появившуюся на горизонте точку, скоро успокаивает братву:

— Автомобиль начдива.

Через несколько минут в село въезжает начдив т. Нестеров с пулеметчиком, вооруженным «льюисом». В красной фуражке, с двумя орденами Красного знамени, живой и энергичный, он соскакивает с автомобиля и подзывает к себе наших командиров. Нам не слышно, о чем они говорят, но мы уже знаем, что т. Нестеров этого дела не оставит и что нам придется итти в бой и отбивать у противника захваченную позицию.

Командиры возвращаются на свои места, раздается команда: «Справа по три», и мы выезжаем в степь. Едем низиной, чтобы неприятель не мог нас заметить. Из села выходит пехота и рассыпается цепью, готовясь вести наступление на хутор Скеливатый. Мы сосредоточиваемся в балке для защиты правого фланга пехоты. Поступает команда спешиться.

— Ребята, едем за кавунами!—кричит наш Крючков, завидев на пригорке баштан.

Несколько человек срываются с места и вместе с Крючковым бегут к баштану.

— Назад, не отходить от коней!—несется им вдогонку окрик командира.

Ребята, устыдившись, возвращаются, встречаемые насмешками всей сотни:

— Вишь, кавунщики какие!

После томительного ожидания поступает приказание из штаба: переброситься на левый фланг и атаковать хутор Скеливатый, координировав свои действия с наступающим на тот же хутор N-ским стрелковым полком.

— По коням! Садись!—раздается команда, и мы рысью отправляемся на указанную позицию. Выезжаем из балки на пригорок. Внезапно всем знакомый свист, красноармейцы поневоле склоняются к седлу, и перед развернувшимися в походную колонну эскадронами почти одновременно разрываются два снаряда. Затем еще и еще. Снаряды ложатся то вправо, то влево от нашей колонны, не причиняя вреда. Однако мы стремительно спускаемся в балку. Наконец мы на левом фланге пехоты.

Вечереет. Рассыпаемся в лаву и начинаем наступать на хутор. Идем рысью. Впереди пригорок, мешающий видеть, что делается перед нами, но в то же время скрывающий нас от неприятеля. Мы быстро проходим его, и нашим глазам открывается вид на хутор Скеливатый. Теперь мы представляем собой открытые мишени, и белые, завидев несущуюся на них лаву, тотчас же открывают ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь. Не унывая, продолжаем двигаться вперед крупной рысью. Расстояние, отделяющее нас от хутора, еще довольно велико—полторы-две версты, так что нам необходимо беречь коней до момента непосредственного соприкосновения с противником. Уже можно различить, несмотря на наступающий вечер, изгороди и сады, окаймляющие хутор, и суетящиеся фигурки белых.

Пули свистят над нами и по сторонам, с глухим звуком шлепаются о землю под ногами коней, поднимая столбики пыли. В бою кони как будто понимают грозящую им опасность. Они всячески выказывают тревогу. Свист пролетающих пуль и грохот рвущихся снарядов заставляет их беспокойно поводить ушами, слышится затаенный храп. С глухим гулом рвутся снаряды, обдавая нас комьями земли. Земля как бы хочет преждевременно засыпать нас, но ее усилия напрасны: мы безудержно несемся дальше. По цепи все время передается команда: «Не разрывайсь! Держи равнение!» Бодрые окрики нашего взводного Плеханова вселяют спокойствие в ряды красноармейцев, начинающих проявлять лихорадочное волнение. Невольная жуть охватывает всех, когда над головой близко пронесется снаряд или когда навстречу зачастит пулемет. Мы стараемся приободриться, следим за тем, чтобы не разорвать цепи, и всеми силами отгоняем назойливую мысль: «вдруг сшибут». Белые «дрейфят» и не могут взять верный прицел.

Пока что потерь у нас нет, и мы быстро несемся к хутору. Он

вырисовывается перед нами все ближе и ближе. Отчетливо видна неприятельская батарея, стоящая за хутором и посылающая на нас снаряд за снарядом. Стало значительно темнее. Впереди видны вспышки от выстрелов и суетящиеся у орудия люди, готовящие смерть себе и нам. Из хутора в панике вылетают двуколки и обоз, бежит часть пехоты. А батарея все не снимается. Мы уже совсем близко. Невольно рука тянется к эфесу шашки, сердце начинает учащенно биться, весь как-то замираешь, живут только глаза и мысль: «Поскорее бы броситься на них, выбить, а то вот-вот возьмут на мушку». Раздается команда: «Шашки вон! В атаку—марш! Ура!»

Наконец-то! На горизонте появилась неприятельская кавалерия. На пиках зловеще сверкают лучи заходящего солнца.

— Кавалерия выехала!—передается по нашей цепи.

Потрясая шашками, с громким гиком, мы поднимаем коней в карьер и стараемся как можно скорее покрыть отделяющее нас от хутора расстояние—каких-нибудь полверсты. Тут уже страх совсем прошел. Лихорадочно ловишь ртом воздух и выбрасываешь его наружу с громким криком. Все орут, что попало:

— Ура! Даешь Токмак!.. Бей золотопогонников!.. Руби сволочей...

А из некоторых глоток вырывается просто несвязный вопль. Этими криками, с одной стороны, как бы успокаиваешь себя, а с другой—пугаешь противника. В ответ на крики затакали пулеметы. Пули засыпали, точно горох. Кругом рвутся снаряды.

Взорвавшийся перед нами снаряд поднимает целый столб земли, заволакивая окрестность черным дымом, смешанным с землей. Один из красноармейцев соседнего взвода, точно плетьми, взмахивает руками, посылая этим последний привет товарищам, быстро устремляющимся вперед; обливаясь кровью, он медленно сползает с седла и остается распластанным на земле. Его конь, почуяв недоброе, с развевающейся по ветру гривой, никем не управляемый, продолжает нестись дальше. Одновременно, зарываясь в землю головой, грузно валится конь красноармейца нашего взвода Киселева. Он судорожно вздрагивает всем телом, издает предсмертный храп и, вытянув ноги, застывает. Киселев, стремительно вылетевший из седла, встает, упирает глаза в погибшего друга-коня, с минуту стоит в нерешительности, затем начинает снимать седло. Проводив тоскующим взглядом исчезающих в сумерках ребят, он в последний раз окидывает глазами убитого коня и, взвалив седло на плечи, медленно плетется обратно в Новомихайловку.

Неприятельская батарея, послав наудачу еще несколько снарядов, снимается. Ружейные выстрелы становятся все более редкими. Белые, завидя неудержимо несущуюся на них лаву, не выдерживают и бросаются наутек. Мы ураганом влетаем в хутор и кидаемся на преследование врага.

Стало уже темно, и мы получаем приказание остановиться. Одновременно с нами, с другого конца, в хутор вошла пехота. Нам удалось захватить пленных, а также часть обоза и трофеи. Мы свое дело сделали: прежняя позиция занята.

На ночь сотня отправляется в хутор Койкулак, являющийся как бы продолжением Скеливатого. Наш взвод становится у околицы в сторожевку. Часовые занимают свои посты в заставе, а остальные ребята, позаправившись хлебом да выпрошенным у крестьян салом, располагаются на отдых.

Недолго пришлось отдыхать в эту ночь. Около полуночи пришло приказание сниматься.

— Куда еще ночью-то?—недоумевает братва.

— К штабу N-ского полка—в хутор Скеливатый,—поясняет взводный.

Через полчаса наша сотня уже у штаба. Спешиваемся. Ребята теснятся у входа в штаб, чтобы слышать, о чем будут совещаться командиры. В окно видно, как при свете тусклой лампы и в тумане табачного дыма несколько фигур склонилось над разложенной на столе картой. В углу небольшой комнаты, прямо на полу, завернувшись в шинели, спят несколько красноармейцев, присланных из батальонов для связи.

— Ребята, по местам!—подает команду наш помощник командира Лоскуткин, выходя из штаба.—Сейчас все узнаете.

Весь обвешанный оружием, в огромных ботах, закрывающих его ноги выше колен, и в своей неизменной поярковой шляпе с широкими полями, он более похож на американского ковбоя, чем на красного командира. При коренастой и, казалось бы, неуклюжей фигуре, с одутловатым добродушным лицом, он известен как неутомимый боец, и красноармейцы всегда готовы его слушать.

— Вот что, ребята. Приказано выбить белых из немецкой колонии Швальгейм под Токмаком. Будем действовать совместно с N-ским полком. Под прикрытием темноты мы должны подойти как можно ближе к колонии, а потом броситься в атаку.

— Везет нам сегодня на атаки!—галдят ребята.

Всех охватывает знакомое волнение, которое всегда чувствуешь перед боем, но мы бодримся от приятной перспективы произвести неожиданный ночной налет. Снимаемся. Едем вперед. Приказано не курить и не шуметь, чтобы не привлечь внимания противника. Перегруппировка наших частей производится под самым его носом.

Въезжаем в немецкую колонию. Мертвая тишина. Огней нигде нет. Даже собаки не брешут. Кругом непроглядная ночь. В жутком безмолвии проходит сотня через замершую колонию. За околицей останавливаемся и спешиваемся. Здесь главная застава N-ского полка. Впереди в темноте залегли цепи. Сейчас они должны двинуться вперед. До Швальгейма, занятого белыми, всего полверсты. Нам объясняют: мы должны ждать, и как только

пехота войдет в соприкосновение с неприятелем и раздадутся выстрелы, мы бросимся в атаку. Долго с трепетом ждем. Братва совсем приутихла и с напряжением прислушивается к тому, что делается впереди. Но кругом полная тишина. Повеял прохладный ветерок. Тьма начинает немного проясняться, обрисовываются подернутые туманом силуэты деревьев. Но выстрелов все не слышно. Томительное ожидание начинает надоедать. Привязав повод к руке или ноге, некоторые располагаются спать, думая урвать хотя бы минуту для отдыха, может быть последнего в жизни. Другие стараются раздобыть корма для лошадей. Несколько коней завалились на бок, и их ездоки мирно спят, прижавшись к теплым телам своих четвероногих друзей.

Вдруг сразу грянуло два выстрела. Как будто совсем близко. Затем еще и еще. Зачастили пулеметы, глухо ухнуло орудие. Мы мигом вскакиваем на коней. Раздается команда «вперед»—и мы несемся полным галопом навстречу неведомому. Еще совсем темно. С напряжением вглядываемся вперед, стараясь различить встречающиеся предметы. «Как бы не завалиться в окоп, не налететь на проволочное заграждение», проносится в голове мысль. Один из всадников вдруг как бы проваливается в черную бездну.

— Завалился наш коммунарчик!—кричат красноармейцы, но тот, быстро выбравшись из окопа, вмиг догоняет нас и, размахивая шашкой, мчится дальше.

С каждой минутой становится все светлее. Видны строения колонии. Раздается громкое «ура», и мы вихрем влетаем в колонию, смяв под собой неприятельские заставы. С искаженными от страха лицами, застигнутые в окопах белые поднимают руки: «Сдаемся, товарищи».

По улице, отстреливаясь из нагана, бежит офицер. Вмиг его догоняет наш командир Крылов и приканчивает взмахом шашки.

— Нет пощады врагам революции!

Прямо по полю, подпрыгивая на кочках, несутся брички; к ним подскакивают несколько наших всадников и вместе с пленными и трофеями поворачивают их обратно. Летим дальше. Белые прячутся по дворам, бегут в соседний лес. Но от коня не убежишь.

— Стой! Бросай винтовки! — останавливают их вошедшие в азарт красноармейцы. А не то бери голову подмышку! — кричат они, грозно потрясая шашками.

И те сдаются. Заскакиваем во двор. Двое в английских шинелях притаились за сараем.

— Руки вверх, гады! Бросай оружие!

Солдаты подбегают бледные, трясущиеся.

— Не бейте, товарищи! Мы свои—пленные... Из 56-го полка. Нарочно остались,—божатся они, крестясь в подтверждение своих слов.

— Свои, так отправляйтесь к штабу—там разберут. Крючков, отведи-ка их,—распоряжается наш взводный.

Наконец колония очищена от белых. Захвачено много пленных и трофеев, в том числе батальонный значок 4-го корниловского полка. Ребята, зарвавшись, продолжают наступление. Выскакиваем за колонию и видим удаляющуюся бричку. Мы с громкими криками бросаемся за ней в погоню. Наши крики привлекают внимание белых. Видя, что за ними гонятся только четыре всадника, они устанавливают против нас пулемет и начинают строчить. Поневоле приходится быстро скрываться за домами. После этого направляемся в лес и останавливаемся в нерешительности. Белые близко и, видимо, группируются для контратаки. Слева за бугром слышны голоса и ругань.

— Вперед! Что встали? — орет, вероятно, офицер, подгоняя свою пехоту, которая, надо думать, не совсем охотно идет на красных.

Пробираться дальше не решаемся и, поворотив обратно, едем к своим. Командир сотни Крылов (член партии—московской организации Бауманского района, убитый несколькими днями позже под колонией Солнцево) взмахами шашки собирает своих ребят. Приказано отойти.

— У нас недостаточно сил, чтобы наступать дальше на Токмак, а оставаться здесь нет смысла, поэтому мы отступаем на старую позицию,—поясняет командир.—Ладно. Свое дело мы выполнили блестяще и без потерь. Можем гордиться.

— Ну и денек задался нам сегодня—почти круглые сутки в бою,—рассуждают промеж себя утомившиеся красноармейцы.

— Теперь надо бы отдохнуть, а не то кони откажутся служить. У немцев хорошо бы остановиться: шамовка у них богатая.

Усталые и оживленные удачей ночного налета, едем по главной улице колонии Швальгейм. Замолкли выстрелы и орудийные раскаты. Колонисты принимаются за свою повседневную работу, и в лучах утреннего солнца встает картина мирной деревенской жизни, такой безмятежной и знятой, как если б вовсе и не было ночной атаки с грохотом стрельбы, бешеными криками, как будто тут вовсе и не проливалась только что кровь.

Немцы выходят из своих роскошных, по сравнению с украинскими мазанками, домов, хмуро смотрят на нас и принимаются за свою работу. Кто посмелее, даже рискует выехать в поле. Надо воспользоваться моментом затишья. Вон и пшеница лежит на полях неубранная, а там, на баштанах, давно созревшие кавуны и дыни уже начинают гнить.

Проехав колонию Швальгейм, въезжаем в колонию, из которой ночью шли в атаку; теперь она ожила и утратила свою ночную таинственность. Она вся утопает в фруктовых садах, которые так и манят отдохнуть в своей тени. Надежды наши на отдых оправдываются. Раздается команда:

— Разъезжайся по квартирам! По шести человек на двор. Коней не расседлывать.

Всадники мигом рассеиваются по сторонам, спеша занять приглянувшиеся им квартиры. Наконец-то можно отдохнуть. Надо покормить лошадей да и самим пошамать. Вокруг пошли разговоры. Делясь впечатлениями об эпизодах ночного боя, каждый старается обратить на себя внимание других рассказами о совершенных подвигах. И без конца тянутся разговоры, уснащенные крепким словом и залихватскими, размашистыми жестами. Некоторые занялись разборкой трофеев. У нескольких ребят даже оказались отобранные у белых наганы.

— Вот это трофеи!—с завистью говорят менее удачливые.

В другом месте братва собралась в кучку и разбирает «барахло», захваченное в белогвардейских бричках. Там оказались офицерские вещи, кителя, галифе, белье и новенькие сапожки. Захватившие бричку выбирают для себя наиболее приглянувшиеся им вещи, а остальные раздают менее счастливым товарищам. Мы наряжаемся в доставшиеся нам доспехи и изображаем из себя белогвардейцев. Все это сопровождается веселыми шутками, покрываемыми раскатами громкого смеха.

Недолго нам дали отдохнуть. Пришло приказание выезжать. В тех же маскарадных костюмах, в погонах и орденах ребята становятся в ряды посреди колонии. В голове сотни на пике красуется корниловский батальонный значок. Он разделен на два поля—голубое и красное, одно над другим. На голубом поле череп с двумя скрещенными мечами. Наверху написано: «4-й корниловский полк». Со смехом и шутками выезжаем по направлению к Скеливатому. После недолгого перехода мы уже в хуторе. Крестьяне с удивлением, выпучив глаза, смотрят на нас, затем боязливо скрываются в хаты.

— Ось лиха година, опять били заихали.

Мы забавляемся тем, что вводим жителей в обман.

На улицу выходит старик, останавливается посреди дороги и с недоумением смотрит на нас.

— Що за морока, вчера хлопци були красними, а сегодня билими зробились.

Спешим разъяснить недоумение «дида», у которого как-то стояли на квартире, и он вместе с нами смеется нашей шутке.

— Споем, ребята,—раздаются голоса.

Рыжков по обыкновению затягивает, и по деревне разносится звонкое красноармейское пение:

Ой на горі тай жницы жнут,
А по під горою, яром-долиною,
Козаки идут,
Гэй долиною, гэй широкою
Козаки идут.

Подъезжаем к штабригу. Пока наши командиры разговаривают о положении на фронте, мы держим коней на поводу и располагаемся где поудобнее. Остановка у штаба напомнила нам

прежнего комбрига, всеми любимого товарища Гуляева, который два дня тому назад был тяжело ранен.

Это был славный комбриг. Маленького роста, невзрачный, в затасканной папахе и бурке, он всегда появлялся там, где присутствие его могло придать красноармейцам бодрость при тяжелой боевой обстановке. Его чаще можно было видеть в бою, чем в штабе. Маленькая фигурка комбрига на рослой вороной кобыле Змейке, которой он не напрасно мог гордиться (другой такой лошади во всей дивизии не было), была хорошо знакома любому красноармейцу нашей бригады. Казалось, он никогда не приходил в уныние, охотно делил с красноармейцами их радости и горести, вечно шутил с братвой, а в бою проявлял удивительную распорядительность и хладнокровие. Ребята его обожали. Во время боя комбрига часто можно было встретить с несколькими ординарцами скачущим от одного оперативного пункта к другому. В этой-то обстановке он и был ранен. Однажды у хутора Скеливатого, у сопки Орлова, которая теперь возвышается перед нашими глазами, он с несколькими ординарцами наблюдал в бинокль за действиями противника. Всадники были замечены неприятельским бронепоездом. На этот раз белогвардейцы взяли верный прицел. Снаряд угодил прямо в группу всадников и разорвался под брюхом комбриговой Змейки. Тяжело раненый Гуляев должен был покинуть свою бригаду. Жалко было нам нашего комбрига—осиротела бригада. Так и не узнали мы, вылечился он или нет. Наплывшее в затишье воспоминание внезапно нарушается отдаленной канонадой. Затем слышатся ружейные и пулеметные выстрелы, становясь все ближе и ближе. В расположении штабрига начинается суета. Седлаются кони, запрягаются повозки и вытягиваются по дороге к тылу.

Мы продолжаем стоять. К штабу карьером подлетает ординарец с донесением. Через командира узнаем, что белые повели наступление с кавалерией и бронеавтомобилями. В хутор въезжают разрозненные части кавсотни N-ской бригады, носящей название «Чортовой сотни». На гребне холма появляется цепь пехоты, отстреливающейся от наседающей на нее с правого фланга кавалерии.

Больше бездействовать нельзя. Момент становится все более угрожающим. Комбриг отдает распоряжение итти на выручку пехоты, и мы, вскочив на коней, мчимся к балке, отделяющей нас от бугра.

— Держитесь, золотопогонники! Мало вас проучили!—несется бодрый клич наших неутомимых бойцов.

Балка пройдена, и мы вылетаем грозной лавой на бугор. Увидев несущуюся на них сотню, белые обращаются в бегство. Пехота, побросавшая было оружие, спасена.

Мы уже хотим броситься вслед за улепетывающей от нас кавалерией, как неожиданно нас обсыпает целый град пуль. На-

ши ряды в смятении. По дороге на бугор выехали две бронемашины. Нам ясно видны их башенки и высовывающиеся из них дула кольтов.

— Броньки!—Это слово молнией проносится по рядам. Бороться с этими штуками кавалерия не может, и мы стремглав бросаемся в балку, пригнувшись к луке, уклоняясь от взвизгивающих пуль. Пехота этим временем успела пройти через хутор и теперь цепью отходит на хутор Осиповатый.

Снова мы на Скеливатом. Теперь хутор уже опустел, все наши части выехали. Оставаться здесь нельзя: вот-вот нагрянут броньки, да и кавалерия белогвардейская, наверное, не дремлет. Но куда ехать? Распоряжений нет, и этот вопрос всецело предоставлен нашему командиру. После недолгого совещания вопрос решается ко всеобщему удовлетворению.

— Ребята, айда на Новомихайловку, там еще со вчерашнего дня нас обед ждет.

Едем балкой, чтобы не привлечь внимания противника. В стороне остались отходящие цепи, грохот стрельбы и страшные броньки. Широкая степь раскинулась перед нами, вокруг расстилаются бесконечные поля со спелой пшеницей, то здесь, то там попадаются баштаны. Не слезая с коней, мы подхватываем шашками кавуны, разрезаем их и, обливаясь липким соком, утоляем свою жажду. Жара невыносимая; степь так и пышет, словно раскаленная печь, и мы едем, разморенные и сонные. Непреодолимо хочется разлечься где-нибудь в тени и заснуть крепким сном. Но тени нигде нет. Кругом одна лишь безбрежная степь. Только вдали виднеются дома Новомихайловки. Скорее бы доехать. Но оберегая коней в виду нестерпимой жары, мы едем шагом. Вдали показывается кучка всадников. Они едут из Новомихайловки.

— Уже не белые ли?—опасливо всматриваются ребята в приближающуюся группу человек около семидесяти. Мы останавливаемся, и по приказанию командира от нашей сотни выезжают двое навстречу неизвестным всадникам. От них тоже отделяются двое. С затаенным дыханием следим за тем, что будет. Но всадники встретились, и все четверо, повернув коней, рысью направляются к нашей ограде.

— Свои,—облегченно вздыхают ребята. Оказывается, это взвод Чортовой сотни, который в виду отступления наших частей направляется в хутор Осиповатый. Мы освещаем им боевую обстановку, они в свою очередь предупреждают нас об опасности, могущей угрожать в Новомихайловке. В этом месте фронт открытый, но мы все-таки продолжаем свой путь. Только теперь надо быть осторожнее.

Наконец-то добрались до Новомихайловки. Выставляем посты на краю села, в стороне противника, и рассыпаемся по квартирам. Наша партия в четыре человека направляется к вчерашнему дому, где так внезапно был прерван наш обед.

«Ну, теперь-то пошамаем», думают ребята.

Нас встречает знакомый хозяин.

— Здоровеньки булы, хлопцы! Становьте коней пид навес, зараз половы дам, а там и обидать время. Жинка,—оборачивается он к хате,—е у тебе крашенки, бо хлопцы, мабудь, проголодались.

У ребят слюнки текут от предвкушения яичницы. Редкостный хозяин, нечего сказать!

Коней мы конечно не расседлываем и амуницию не снимаем,— только винтовки с плеч скинули. Лишь бы дали нам пообедать спокойно, а там мы готовы опять сражаться.

Ребята мечтают о предстоящей шамовке, а пока что вертятся около коней. Надо разнуздать их да подпруги отпустить. Наш коммунарчик заходит в хату напиться. Выходит оттуда с кружкой воды и с большим ломтем хлеба, намазанного маслом. Видно, не вытерпеть ему до обеда.

Но и на этот раз не пришлось пообедать в Новомихайловке. Видно, такая уж выпала нам недоля. На окраине деревни вдруг грянуло несколько выстрелов. Встревоженные бежим к коням. Коммунарчик бросает свою недоеденную краюшку и надевает винтовку. По деревне несутся дозорные, видно, зазевавшиеся и только в последнюю минуту заметившие приближение белых.

— Ребята, вылетай! Белые заскочили в деревню.

Мы это и без них знаем, потому что вокруг уже засвистели пули. По адресу золотопогонников, не давших пообедать, несется отборная брань. Но делать нечего, надо утекать. В конце улицы видны мелькающие всадники, их значительно больше, чем нас, и с ними броньки.

Отстреливаясь, мигом вылетели мы из села; несемся по огородам, перескакиваем чеерз плетень и наконец выезжаем в поле.

Наши пулеметчики, открыв огонь, удерживают белых на почтительном расстоянии, чтобы дать всем ребятам возможность выскочить из села. Мы попали в кукурузное поле. Высокие растения радушно принимают нас в свои ряды, плотной стеной скрывая от взоров неприятеля. Это нас спасает. Здесь нам не страшны никакие броньки. Напрасно белые строчат наугад по кукурузе, их пули теперь — как об стену горох.

Через некоторое время мы уже далеко от деревни. Выехав из кукурузы, едем открытой степью, убедившись, что погони вслед нет.

После трехчасового перехода соединяемся с бригадой в селе Басанке. Там узнаем, что наступление противника задержано и что завтра поедем отбивать занятые им позиции.

Так проходит у нас день за днем в непрестанных боях и переходах, полных неожиданностей и тревоги.

Ф. ПЛЯСУНОВ

Уральская сотня

Последние числа февраля — первые числа марта 1918 г. Впервые раздается громкий, тревожный революционный набат по склонам и отлогам Уральских гор, призывающий уральских рабочих в ряды революционной Красной гвардии.

Впервые начинается лихорадочно спешная организация боевых отрядов революционных уральских пролетариев для непосредственного боевого участия в защите пролетарской революции. Впервые по заводам пролетарского Урала прокатывается неудержимая волна добровольной записи в ряды рабоче-крестьянской Красной гвардии для защиты прав трудового народа...

Это восстал против власти трудящихся полковник Дутов со своими белогвардейскими бандами оренбургских казаков. Это в грозном поединке скрещивается оружие революционных рабочих и крестьян Урала с оружием непримиримых врагов пролетариата—офицеров и зажиточного казачества. Моментально все оживает, преображается.

Рабочие быстро вооружаются и устремляются дружными рядами на защиту красного Урала. Вместе с ними, как всегда, идет пролетарская молодежь.

Созданный тогда Уральский областной комитет Социалистического союза рабочей молодежи 6—7 марта объявляет добровольную мобилизацию членов союза на дутовский фронт, телеграфно сообщает об этом в местные организации, и к 9 марта в сердце красного Урала—Екатеринбурге—съезжаются до 80 членов союза из Мелинского, Новомелинского, Теплогорского и целого ряда других заводов; к ним примыкают до 50 членов ССРМ екатеринбургской организации из созданного ранее отряда Красной гвардии при ней. Вследствие ухода почти всех активных работников в ряды этой первой сотни и совершенного отсутствия времени создание других сотен не удается. 9 марта сотню обмундировывают, вооружают. 10 марта под боевым лозунгом «Смерть или свобода» сотня уезжает на фронт.

На безлесных снежных громадных степях Оренбургской губернии лучшая, сознательная часть пролетарской молодежи Урала получает боевое крещение. Вместе с другими сотнями взрослых рабочих она делает 25—30-верстные переходы в день по глубоким снежным сугробам, участвует во всех возникающих стычках, перестрелках и боях, выполняет серьезные разведочные задания. Главные силы Дутова в то время были сконцентрированы в Верхнеуральске, и отряд из четырех дружин, в котором находилась и наша сотня, сразу же по приезде получает задание взять его. Через несколько дней стоянки в Троицке, во время которых велась подготовка, отряд выступает в Верхнеуральск. Первый ружейный и пулеметный огонь сотне пришлось услышать в станице Сухтемек, в 75 верстах от Троицка и в 50 верстах от Верхнеуральска. Здесь впервые дутовцы по ночам стали обстреливать наши посты разведчиков, наспех сооруженные нами из навозных куч окопы и наконец в третью ночь нашей стоянки повели усиленный обстрел всей станицы, чем навлекли на себя гнев станичников, так как были случаи, когда пули, пробиваясь через одну стенку жилых домов, впивались в противоположную.

Их сухтемекский отряд, по некоторым соображениям, должен отойти обратно к Троицку. Во время этого отступления сотня выполняла задание прикрытия артиллерии, обоза и т. д. В девятнадцати верстах от Троицка, на Черной речке, пользуясь присутствием неподалеку леса и выгодной природной позицией, белогвардейцы-казаки конной атакой напали с диким гиканьем. Отряд, в том числе и сотня, был раскинут в цепь и повел энергичный обстрел нападающих казаков; благодаря подоспевшей вскоре артиллерии и сильному огню, развитому ею через 1-2 часа, нападавшие были рассеяны; в лавровый венок побед небольшого отряда Красной гвардии была вплетена еще одна победа над белогвардейскими бандами... В Троицке отряд, приготовляясь к будущим походам, задержался почти на целую неделю.

Этим воспользовалась незначительная кучка малодушных и дезертировала с фронта. Впоследствии эта уехавшая часть постановлением областного комитета ССРМ за дезертирство с фронта была исключена из членов ССРМ.

Затем сотне было дано задание очистить один из железнодорожных мостов неподалеку от Троицка от пироксилиновых шашек, которые были подложены белогвардейцами с целью взрыва. Сотня погрузилась на бронированный поезд, представлявший собой обыкновенные вагоны-платформы с большими тюками шерсти, положенными по их краям, и двинулась выполнять это задание. При подъезде к мосту нас стали сильно обстреливать залегшие вблизи банды дутовцев, так что пришлось под огнем слезать с поезда на землю, разбиться на две группы, одна из которых пошла цепью в наступление на обстреливающих, другая же осталась работать у моста.

После перестрелки первая группа, совместно с конными разведчиками, разогнала небольшие части обстреливающих, вторая же за это время успела очистить мост. Таким же образом, выполнив боевое задание, сотня снова вернулась в Троицк.

Затем отряд приступил к разоружению по станицам казачества, в то же время преследуя отступающие банды Дутова. Последняя крупная схватка с Дутовым произошла под станицей Бристской, к которой отряд подошел в одну из апрельских ночей. Станица было обложена цепью с трех сторон, четвертая же сторона случайно осталась открытой. Перед утром отряд, открыв артиллерийский огонь, повел внезапное наступление на станицу с целью захвата в плен Дутова с его бандитами. Сотня в это время была оставлена в резерве, но при развитии наступления, видя, что с четвертой стороны станица хоть и невыгодна для наступления (так как она все время обстреливалась с колокольни церкви белогвардейскими пулеметами), но вполне пригодна для отступления в виду имеющихся небольших прикрывающих гор и не занята нашими войсками, решила собой закрыть и этот выход для дутовцев. Немедленно же поведшееся наступление сотни однако из-за неблагоприятных условий, постоянного обстрела, гористой местности и т. д., запоздало и не смогло дать желаемых результатов.

Дутовцы успели проскользнуть. После этого все усилия отряда догнать остатки дутовцев оказались тщетными; они сумели уйти глубоко в Тургайскую область, где преследование из-за недостатка кавалерии оказалось невозможным.

Таким образом развязка белогвардейской дутовской компании пришли к концу. Отряд, а с ним и комсомольская сотня, 1 мая 1918 г. вернулся в Екатеринбург, где и был распущен, оставив по себе громкую славу.

Н. САМОЧЕРНЫХ

Против Дутова

Помнится, как сейчас, день отъезда нашей сотни на фронт. Это было 11 марта 1918 г. К штабу начинают собираться юные борцы в полной боевой готовности. На лицах—выражение уверенности и непоколебимости.

Спустя некоторое время раздается команда:

— Становись!..

Быстро выстроившись, ждем, что будет дальше. Выступает с речью начальник сотни. Он призывает свято исполнить свой долг. В ответ на этот горячий призыв невольно хочется крикнуть: «Мы уже готовы...» «Победить или умереть»—вот наш лозунг.

Речи окончены, одна за другой раздается команда, и мы строго и уверенно шагаем к вокзалу; устроившись в вагонах, с нетерпением ждем отхода поезда.

Все спешат поскорее занять места, наскоро простившись с родными и знакомыми. Поезд дал сильный толчок и двинулся, постепенно развивая скорость, унося нас на борьбу за светлое будущее.

— Да здравствует юная добровольческая Красная армия!— кричит один из товарищей, и громкое «ура» разносится в воздухе.

Слышится еще несколько лозунгов, которые покрываются восторженными криками молодых коммунаров. Начинается пение революционных песен, которые сливаются с равномерным стуком поезда и создают какую-то особенную гармонию.

Местом действия наших отрядов была Оренбургская губерния и часть Тургайской области.

Атаман Дутов руководил белыми партизанскими отрядами, организуя их во всех концах. Определенного фронта, какой был в германскую войну, не было, и нам приходилось все время преследовать дутовцев, которые виляли в разные стороны, боясь вступить с нами в открытый бой. Они постоянно разбивались на мелкие отряды и соединялись снова. Мы же имели очень мало кавалерии, не могли вести достаточной разведки, чтобы точно определить местонахождение противника. Наконец после долгих

преследований, благодаря предприимчивости нашего командования, противник вынужден был принять бой.

Верстах в двадцати пяти от города Троицка есть небольшая казачья станица, которая называется Берлин. После стоверстного перехода с незначительными остановками для отдыха мы делаем 4-часовую стоянку. После отдыха идем дальше—по направлению к Троицку.

Отойдя с версту от этой станицы, слышим треск пулемета. Часть нашего отряда отделилась для выяснения причин стрельбы.

Прошли еще несколько верст. Из-за горки, которую мы перешли, нас начали обстреливать из пулеметов. Почти в то же самое время с левого фланга и спереди из логов показались ряды противника, шедшего на нас в атаку. Но наши тоже не дремали и, быстро рассыпавшись в цепи, пошли на противника, который усердно обстреливал нас из пулеметов. Вдруг раздался сильный глухой удар, потом другой, еще сильнее. Это била наша артиллерия. Ряды врага стали редеть, и заметно было какое-то смятение. Нас охватила дикая радость, и мы во-всю начали стрелять из винтовок. Противник, видя нашу силу, показал спину и исчез в логу. Преследовать его не было возможности, так как у него было много кавалерии, а у нас только пехота.

Это был первый бой и первая попытка дутовцев окружить нас кольцом, в которой они потерпели полную неудачу.

После боя пришлось еще пройти верст двенадцать, которые нам показались в три раза больше, так как после большого перехода и боя мы были сильно утомлены.

Наконец впереди блеснул огонек. Это был Троицк.

Нас распределили по квартирам. Почти весь 1-й взвод назначили в какую-то буржуазную квартиру, куда нас долго не хотели пускать. Кое-как начальник уговорил хозяев, и нас поместили в довольно обширной буржуазной кухне с большой печкой и полатями. Напившись чаю, улеглись спать. Отдохнув в Троицке несколько дней, мы снова возобновили преследования оставшихся сил противника.

Теперь мы ехали на лошадях, чтобы скорее нагнать дутовцев и сохранить силы. После долгой погони наша разведка обнаружила, что дутовцы остановились в станице Бриентской, где и был дан решительный бой, окончательно решивший их судьбу. Наша боевая задача была выполнена.

А. БАЛАШЕВ

Мухинский бой

Малышевский полк наступал на село Зятцы. Его третьему батальону предстояло захватить деревню Мухино, что расположена в глубоком тылу белых. Не доходя до деревни километра четыре, наша разведка наткнулась на заставу пехоты и кавалерийский разъезд белых. Дружным ударом выбили их из окопов. Гнали белых по пятам.

Группа комсомольцев преследовала офицеров, которых без выстрела догнали и забрали, что называется, голыми руками.

Взвод белых вновь задержался у мельничной запруды, но и отсюда был скоро выбит.

Деревня Мухино, расположенная на небольшой горке, была укреплена хорошей линией окопов. Наступление на нее среди белого дня потребовало бы больших жертв.

Осмотрев позицию, малышевцы готовились дать бой с наступлением ночи, а пока осторожно залегли на опушке леса. Когда стемнело, выслали разведку. Разведчики-комсомольцы подползли к самой линии окопов. В ночной тишине отчетливо были слышны говор белогвардейцев, ржание лошадей и скрип повозок.

— Вши кусают, — говорит кто-то низким басом в окопе.

— Радуйся, что пули красных еще не кусают. Подожди, вот под утро узнаешь, как будешь смазывать пятки, — отвечает второй голос.

— Тише, сволочи! Прекратить разговор, мать вашу так! — глухо, раздраженно несется хриплый голос.

Говор прекратился.

— За-бав-но, — шепчет на ухо комсомолец Андрюха.

— Занятно, — отвечает Сережка.

— Товарищи, пора сматываться,—шепчет старший разведчик.

— Полежим еще, уж очень забавно, — продолжает Андрюха.

— Ребята, курить хочется, — оборвал кто-то справа в разведке.

— Я тебе дам курево! Что мы, дома, что ли?

— Я же не сказал — давай закурим, я просто констатирую потребность организма.

— Меньше философии, давай тягу.

Так же незаметно разведка уползла обратно.

Через некоторое время по цепи передавали:

— Готовься.

Бойцы ждали команды итти в наступление.

— Рота пли!

Дружно грохнул залп красноармейцев, затрещали пулеметы, начался упорный бой.

— Звенья вперебежку.

Красноармейцы рывками приближались к линии окопов. Белые открыли ураганный огонь из пристрелянных бойниц.

Красноармейцы все упорнее и упорнее отнимали шаг за шагом склон горки.

— Ура! — загремел чей-то голос.

Как будто электрический ток прошел по мускулам стрелков, цепь подхватила призыв и ринулась в атаку. Огонь неприятеля стал неувереннее; ошеломленные «беляки» под дружным натиском малышевцев в беспорядке отступали, оставляя в окопах винтовки, шинели и недоеденную кашу. Забрали у них и несколько подвод с оружием.

Не спали уже несколько ночей подряд. Измученные стрелки нуждались хотя бы в непродолжительном отдыхе. Трудно бороться со сном — как ляжешь, так сразу и засыпаешь. Уверенные в своей победе бойцы, не думая об опасности контрудара, поочередно ходили в деревню за водой и куском хлеба.

С возвышенной местности отчетливо был виден отступающий по шоссе в густом облаке пыли обоз белых.

— Хоть бы снарядиком угостить, — с досадой пробормотал комсомолец.

Бедность, нехватка оружия. Досадно смотреть, как из рук уходит обоз. Но ничего не поделаешь, миримся. Нет — значит нет.

Группа комсомольцев лежала в окопах левого фланга позиции.

Не выдержал Хромов — заснул, клонит сон к земле и остальных.

Б-з-з-з-ю-ю-ю... — просвистела пуля.

— Что это? Откуда?

Приподняли головы. С опушки леса шла густая цепь. Произошло замешательство.

— Белые!

— Свои!

— Это седьмая!

— Белые!

— Готовь пулеметы!

— Да это же седьмая рота!.

— Какая тут седьмая, видишь, сколько их прет!

Из деревни уже уходили повозки с патронами, санитарные

тележки. На улицах послышалась беспорядочная групповая стрельба. Наступающая цепь, подойдя к самым окопам, кинулась в атаку. Первый фланг не выдержал и, не сделав ни одного выстрела, побежал. За ними недоуменно, в беспорядке, предоставленные каждый сам себе, бежали и остальные. Уже близка наступающая цепь, можно отчетливо видеть черные погоны на гимнастерках. Это «ударники», белые «люди смерти», неожиданно напали на батальон малышевцев с того места, где занимала позицию наша седьмая рота, снявшись, не предупредив восьмую и девятую.

Спал, ничего не слыша, комсомолец Хромов.

— Пашка, Пашка, вставай.

Тот лениво приподнялся, протер глаза и, сонный, опять упал на солому.

— Пашка, Пашка, вставай.

Он что-то бормотал сквозь зубы, но не вставал. Мы сильными пинками старались разбудить его. Бесполезно. Он не вставал. Схватили, встряхнули, подняли на ноги. Оглянулся, схватил винтовку и частыми выстрелами стал бить по наступающей группе черных «ударников». Остались вдвоем, все убежали.

Человек пятнадцать белогвардейцев бросились на наш окоп. Сила неравная, гибель неизбежна, к тому же выпущен последний патрон.

Мы бросились к опушке леса. В нескольких метрах от дороги лежал простреленный в живот навылет командир взвода Капустин.

Самоотверженный пулеметчик увез его вместе со своим пулеметом.

Раненый Павлик Хромов попал в плен.

Пятерка комсомольцев не хотела отступать из деревни. Здесь, в убогой хате, она дралась с взводом белогвардейцев до последнего патрона. Из окон, дверей они метким прицелом били по наступающему взводу.

— Ни шагу назад! — командует отважный организатор комсомольского отряда Клочихин.

— Нет патронов, нет патронов, — с досадой говорят ему товарищи.

— Бежим.

Но было уже поздно...

Клочихина, Соловьева захватили в плен. Раненный разрывной пулей в руку спрятался в соломе Худяков. Мучительно больно... Кровь льется беспрерывной струей из огромной раны. Потерял сознание, обессилел раненый комсомолец.

Его также забрали в плен.

Прямо сказочным является поступок рабочего-комсомольца Степашичева.

Чтобы отвлечь от себя внимание, он задержался не надолго как бы для выяснения местонахождения красных.

— Где красные? Говори, стерва, куда спрятала? — спросил он у случайно встреченной старушки.

— Ой, дитятко, я не прятала!

— Знаю, знаю тебя, говори, прикладом получишь.

А оглянувшись и убедившись, что цепь белых уже ушла довольно далеко, он ласково предложил старушке:

— Слушай, бабуся, продай молока-то.

— Возьми, возьми, не надо ничего.

— Нет, дорогая, жрать я хочу, и крыночка-то у тебя кстати, возьми денежки, я красноармеец, а красноармейцы ничего бесплатно не берут.

Взял он крынку и, обогнув спокойно деревню, скрылся в лесу...

Собрались малышевцы у мельничной запруды. Не разговаривают, друг другу в лицо не смотрят.

— Что наделали! Как глупо, стыдно! Какой позор!

— Даешь контратаку!

Откуда взялся вновь энтузиазм у бойцов! Скорей, скорей на выручку оставшихся товарищей, на помощь раненым.

Быстро строится цепь — вновь в наступление.

Но время уже потеряно. Белые удовлетворились многочисленными «забавами», натешились над пленными и уже отступали.

На дороге и по сторонам, в помятом овсе, лужи крови. Вот и первый изуродованный труп малышевца. Идем дальше. Жутко при мысли, что впереди еще более страшные картины. Цепь уже у первого с раскрытыми воротами гумна.

Медленно входим в ворота.

Вот голый труп красноармейца. Размозжен череп, отрублена правая рука, выколоты глаза, отрезан половой член, изогнувшимся червем торчат кишки из распоротого живота...

Кто это? Узнать нет возможности. Лишь характерная бородавка на губе подсказала имя замученного героя.

Яшка. Это ты, Яшка Яндоуров. Такой безобидный, незаметный, удивительно спокойный. Его изувечили за плевок в рожу офицера, отнимавшего у него пустую винтовку. Осталась мать без единственного сына, осиротел и комсомольский отряд.

А вон и второй, третий... изуродованные трупы. Нет сил смотреть на это... Скорей в цепь, скорей в бой.

А где же Клочихин, Хромов, Соловьев, Худяков? Где они?

На гнедом жеребце трусил капитан. В воздухе то и дело взвивалась шашка. Полуизрубленные Федя, Павлик и Леша шли на смерть.

— Смерть Колчаку! Отомстят за нас оставшиеся малышевцы. Погибнешь и ты, как собака. Неизбежен конец вашему произволу, — шлют в ответ на каждый удар офицеров комсомольцы.

Едва держась на ногах, идет раненый Худяков. Подошел санитар, взглянул ему в лицо и обласкал.

— Товарищ, давай перевяжу рану. — Слово «товарищ» он произнес как-то особенно мягко, украдкой от капитана. Заботливо, осторожно наложил повязку и незаметно посадил его в санитарную повозку.

«Наш», мелькнула у комсомольца мысль.

Красные роты шли в наступление на Зятцы. Белые спешили с последними «заботами» об отступлении. Они бесчеловечно издевались над пленными красноармейцами. На улице стоял стон, рев и крик. Озверелые черные «ударники» пепеляевских дружин истязали комсомольцев.

«Вставай, проклятьем заклей...» глухо оборвалось в воздухе.

...Их растерзали — Хромова, Клочихина, Соловьева. Остался комсомольский отряд без организатора Феди Клочихина, удивительно бодрого, смелого, талантливого самородка бедняка-крестьянина. Замучили Павлика Хромова, активнейшего комсомольца, трибуна молодежного отряда. Убит Леша Соловьев, скромный семнадцатилетний боец-доброволец. Страшно больно. Не пришлось им вновь стать на работу в ряды растущего комсомола, с той же бодростью, как умирали, биться за социализм в рядах родной организации.

Но как же остался в живых Худяков? Кто его так заботливо укрыл на скромной крестьянской кровати?

Молодая крестьянская девушка спасла ему жизнь. В этой дьявольской спешке разбоя она незаметно увела залитого кровью красного бойца. Взяла его под руку и, рискуя жизнью, отвела в сторону и уложила в свою постель. Она не отходила от него до тех пор, пока не пришла в село разведка красноармейцев.

— Я спасла нашего раненого, он жив, он у меня дома, — торопилась доложить девушка разведке, а сама не удержалась и заплакала от радости.

Сколько таких девушек спасло жизнь многих красноармейцев!

Помнит день 7 июня 1919 г. — мухинский бой — малышевский полк.

А. ЗЮЗИН

Приключения разведчика

„Все на польский фронт!» Лозунг бьет тревогу. На западном фронте серьезные осложнения.

Боевой клич поднял на защиту революции весь советский боевой молодняк.

Двери укома трещат от напора комсомольской и беспартийной молодежи.

С ребятами направился и я.

— Ростом не подходишь... Тебе бы за мамкин хвост держаться покрепче, а ты на фронт, — смеются надо мной пожилые партийцы.

Такого отпора я никак не ожидал. С обидой подскакиваю к одному товарищу, беру у него винтовку, становлюсь во фронт.

— Ну, командуй! — кричу ему.

— На пле-чо! — улыбаясь, командует кто-то из группы.

Быстро исполняю приказание.

Раскрасневшись, довольный подхожу к «пожилым» и спрашиваю:

— Ну, что, не умею?

— Умеешь, умеешь. Только не плачь.

Присвистывая, вприпрыжку, не чувствуя ног, полетел я домой, успев по дороге известить знакомых ребят, что еду добровольцем на фронт.

Настал долгожданный час отъезда. Пришли приятели. Долго беседовали. Вдруг заревел гудок паровоза. Отъезжающие ребята затягивают песню. Еще гудок. Тревожно сжимается сердце. Прощание.

Вот и третий гудок. Трогаемся в путь.

Все дальше и дальше... Мелькают платки, шапки, посылающие нам привет... Черной точкой сливается красный платочек моей приятельницы Нюры.

Каждая станция — опорный пункт. Бесконечные митинги увеличивают энтузиазм красноармейцев, и без того наэлектризованных близостью боев.

Молодая гвардия маршевой роты, вооруженная с ног до головы, козырем ходит по перрону, здорово задевая деревенских красавиц, вышедших проводить красноармейцев. Но вот и Крупки — так называлось место прифронтовой полосы, где стояла 49-я бригада, в которую привезли нашу маршевую роту.

Я и еще ряд ребят попали в 146-й полк, в пешую разведку. Две недели ожиданий, и бригада направилась на передовую линию к реке Березине.

Березина. В ночной тишине саперная команда наскоро строит понтонные мосты. Мы, разведчики, лежим на берегу реки, прислушиваясь к каждому шуму с польской стороны. Опасности боя мы еще не чувствовали. Нам казалось невероятным, что кого-нибудь из нас могут убить. Красочно рисовали мы наши похождения и геройства: голыми руками, мол, возьмем в плен поляков; солдат отпустим, а с офицерами расправимся.

Разговор наш неожиданно прервал командир полка:

— Мосты готовы. Ваша задача — узнать расположение противника.

Тихо перешли мы на понтонные мосты. Идем. Переговариваемся шопотом.

— А ведь ничуть не страшно,—шепчет мне один из добровольцев, а у самого зубы выплясывают кадриль.

— Да, только напугали зря, на самом деле ерунда, — отвечаю я ему в тон, чувствуя холод на спине, словно по ней ползают сотни ужей.

Но вдруг... Тик-тик-тик, тук-тук-тук, — послышалось злобное постукивание «максимки». Разведка наткнулась на польский дозор. Это послужило сигналом. Через мгновенье послышался грохот орудий. В ответ рявкнули наши пушки, и лес заговорил на тысячу голосов.

Наша пехота двинулась в наступление. Мы присоединились к общей цепи. Сразу же выявилась наша неумелость и неопытность. Стреляли мы автоматически, не целясь, падали, ударяясь лбами о собственные винтовки.

Бой разгорался.

Орудийная и пулеметная стрельба становилась все ожесточеннее.

Кипятится наш командир Брегенда. Чувствуя, что разведчики начинают сдавать, он ревет:

— Застрелю, кто сделает хоть шаг назад!

И снова:

— Окопаться!

Ребята вырывают наскоро ямки, прячут головы и, выставив наружу винтовки, стреляют во-всю.

— Вперед! — кричит командир.

И мы летим вперед, крича во все горло «ура». И так в десятый, двадцатый раз...

Победа склоняется на нашу сторону. Это ободряет нас, разведчиков, и мы понемногу заражаемся храбростью командира Брегенды и уже не так отстаем от общей массы, действуя дружней. Подымал наш дух еще пулеметчик, китаец Вася, старый солдат, не раз нюхавший порох. Вася никогда не окапывался. Как бы он открыт ни был, он смело выставлял перед собой пулемет и начинал выпускать ленту за лентой. Часто мы ему кричали:

— Вася, уйди — убьют...

Он неизменно отвечал:

— Не убьют. Моя машина работай, и я работай.

Наконец враг сломлен. Поляки откатились далеко от Березины. Так мы получили первое боевое крещение.

За первым боем последовали другие. Считать уже не приходилось.

Вспоминается разведка, которая подняла наш авторитет среди красноармейцев. Нас, пять разведчиков, послали узнать, имеется ли за рекой противник. Это было на Буге. Отправились. Ночь темная — хоть глаза выколи. С винтовкой, в обмундировании переплыли реку. Поднялись на гору. Не допускаем ни малейшего шороха, ни одного резкого движения. Идем... Вдали маячат какие-то тени. Передвигаемся ползком. Тени вырисовываются ясней, и вскоре уже можно различить впереди очертания избы. Это делает нас еще более осторожными; ползем по одному. Подобравшись на близкое расстояние к дому, долго и мучительно выжидаем. Справа от меня поднимается начальник разведки и, сгорбившись, бежит к избушке.

Сердце на минуту замирает.

— Пусто... — долетает шопот начальника.

Со вздохом облегчения поднимаемся с земли и, обогнув избу, идем дальше. Кругом тишина.

Подозрительное запустение наталкивает меня на неприятную мысль. Сообщаю свою догадку начальнику:

— А это, пожалуй, ловушка...

И вдруг... из глаз посыпались искры, в ушах зашумело, ноги потеряли опору, и я, обдирая спину о какие-то колья, полетел в яму. Вслед за мной плюхнулся начальник... Очнувшись от неожиданного полета, огляделись. Кругом лопаты, котелки, банки консервов, патроны. Окоп.

Но где же противник?

Вызвали ребят. Вместе облазили все закоулки окопа — никого нет. Дело выходит серьезное, и мы, не теряя ни минуты, отправились назад. Мокрые, продрогшие, но счастливые от удачного выполнения задания, явились мы к своим. Начальник сейчас же сообщил командиру о перемене позиций поляков, и вскоре наш полк переправился на другой берег.

После этого Брегенда уже не указывал нам, что мы «зелены, пороху не нюхали», и старые солдаты над нами не смеялись. Мы завоевали себе авторитет. Ни одно серьезное поручение не проходило мимо нас: мы идем взрывать мост, забираемся в тыл противника, «снимаем» неприятельские дозоры и т. д. — живем и работаем, как «заправдышные» солдаты.

Вот уже целых три дня, как наша бригада (остатки), измученная голодом, холодом, шагает по 40—50 километров в сутки.

Мы отступаем. Иссякли последние силы, нет военных припасов. Кавалерия врага наступает все ближе и ближе. Треск пулеметов, рев орудий не смолкают, сплетая над нами сеть, тугую и страшную.

Впереди смятение: в голову бригады врезалась кавалерия и берет в обхват.

— Стуй, пся крев, карабины давай! — кричат разъяренные познанцы, известные на всем западном фронте своим зверством.

О сопротивлении не могло быть и речи. Мы побросали оружие. Через несколько минут нас поставили в две шеренги.

После этого перед фронтом проскакал офицер, отдавая приказание:

— Жиды и латыши, зараз ко мне!..

Сейчас же к шеренгам подбежали капралы и стали выводить всех «подходящих» и всех остальных с татуировками советских эмблем на груди и руках.

Возились с нами долго, упорно выискивая большевиков. После отвратительных издевательств и мародерства некоторых раздели почти донага, разделили на две группы и погнали в глубь Польши.

Лил дождь, быстро образовавший поток и превративший дорогу в черное месиво. До костей пронизывал холодный северный ветер, нахлыстывая по голому телу. Все, несмотря на грязь, шли быстро, боясь отстать и подвергнуться участи товарищей, расстрелянных по дороге за медлительность.

Седлец. Остановка. Наша партия получила обед: заплесневевшая булка, два фунта прокисшего мармелада и вода. Многих отправил обед на тот свет. В тот же день, с закатом солнца, нас погнали дальше. По пути к лагерю, в котором предстояло пробыть до двух лет, мы останавливались в Варшаве, Лодзи; нас водили напоказ по улицам. Посмотреть на странных зверей — большевиков — выбегала вся буржуазия. Неистовствуя, они плевали пленным в лицо, били тростями, истерически вскрикивая:

— Цо, взяли Варшаве?!

— Мы вшисцы пуйдзем большевикам кренциць гловы! — кричала панская молодежь, злобно размахивая кулаками.

Дети-белоручки, проходя мимо нас, прятались за юбку матери и испуганно спрашивали:

— Мамо, а гдзе-сом у большевикув роги?

Измученные, потерявшие человеческий облик, мы все же были в тысячу раз человечней этих звероподобных «победителей».

Но вот и лагерь. Это бесчисленное множество длинных невысоких бараков, вдоль и поперек оплетенных проволокой. К нашему приходу здесь было до 10 тысяч пленных. Невдалеке раскинулось громадное кладбище. Выросло ли оно за существование лагеря или лагерь построили для удобства ближе к нему — не знаю.

Темной, безжизненной лавой вылилась на платформу наша партия.

— Ведите их в баню! — командует длинноногий сержант с рыжими бакенбардами.

Был уже конец августа, земля покрылась холодным снежным саваном; крыши бараков окутались белыми покрывалами. В такой обстановке баня не вызывала никаких приятных ощущений. Нас всех поставили в цепь и партиями, по пятидесяти человек, стали пропускать в баню.

Распарившись, босиком, без верхней одежды выходили мы на улицу, где снова выстраивались, дрожа от озноба. Нужно было дожидаться, пока вымоются все. После такой бани многие отправились на кладбище, а большая часть осталась на всю жизнь калеками, пообморозив пятки, пальцы и колени.

Наконец всех нас разделили по баракам, снабдили деревянными колодками, по 4—6 килограммов пара, дали с умерших пленных добавочную одежду. С этих пор началась наша «трудовая» жизнь. Нас стали гонять на разные работы: выгружать уголь, таскать балки, возить «золото» на помещичьи земли, возить воду, запрягать по десять-двенадцать человек в сорокаведерную бочку. И так изо дня в день.

Каждый день, рано утром, в барак влетал капрал и кричал: «Бачность!» Все пулей должны были вылетать на улицу и выстраиваться. После этого устраивался обычный мордобой. Полуживые пленные стучат от холода зубами; это всегда нервирует капрала, и он с криком: «Цо стукаешь зембами до холеры?!» бьет ближайшего по челюсти.

После такого «подтягивания» гнали на станцию или на помещичьи земли. К вечеру, по окончании работы, нас пригоняли обратно в бараки, делали перекличку, и мы ложились спать. Нечего было мечтать о соломе, о теплом одеяле.

Довольно часто мы подвергались и «духовной» работе. По баракам ходили представители белых генералов и призывали нас стать на защиту родины — России. Какие золотые горы они нам ни сулили, как ни уговаривали, за все время к ним, кроме несколь-

ких ребят (с мыслью получить обмундирование и удрать к красным) да нескольких офицеров, мобилизованных красными в России, никто не пошел.

Жизнь лагеря замирала с каждым месяцем.

Как и следовало ожидать, начали свирепствовать заразные болезни, особенно дизентерия. Я не избег общей участи и заболел. Не успел я как следует оправиться от болезни, как меня заставили работать санитаром. Работать пришлось еще больше, в самой невыносимой обстановке. Я выбивался из сил и все-таки успевал помочь лишь немногим.

Больных было около сотни; вся эта масса стонала, кричала, умоляла. Даже здоровый человек растерялся бы в такой обстановке. А у меня просто нехватало сил.

К вечеру по всем баракам умирало по нескольку десятков человек. Ночью трупы вытаскивали в мертвецкую, где они были навалены, как дрова. Бесчисленные случаи смерти не смущали польских панов. Для них мертвеющий лагерь был, очевидно, в порядке вещей.

Помню неизгладимый случай.

Я дежурил ночью в бараке. Около десяти человек было при смерти. Особенно запомнился один молодой парень—московский рабочий. Он сильно бился и в бреду беспрерывно кричал:

— Рота... по бандитам—пли! Рота! Рота, пли!

Через час он замолк.

Пришедший дежурный польский врач приказал отнести его в погребальню. Положив парня на носилки, я и еще один санитар пошли. Войдя в погребальню, мы поправили падавшую кучу трупов и, раскачав немного, бросили умершего парня на груду мертвецов. Потушив свет, мы направились обратно. Придя в барак, я сел за стол и мысленно перекинулся в далекую Советскую республику, в свой уком.

Но вдруг послышался стук в дверь.

— Кто там? Входите!—кричу я.

Никакого ответа. Быстро подхожу к двери и отворяю ее настежь. И тут же останавливаюсь в испуге: передо мною на четвереньках, с бледным лицом, с онемевшими зрачками стоял парень, которого мы несколько минут назад отнесли в мертвецкую.

Увидев свет, он совершенно обессиленный свалился у моих ног.

Бедняга не дожил и до утра — кошмар мертвецкий доконал его окончательно.

Проходили дни за днями в этом городе мертвецов и умирающих.

Единственный луч надежды, который оживлял сердца пленных, был близкий мир.

1921 год. Слухи о мире стали распространяться все настойчивее, и в один из дней это маленькое слово точно осветило маг-

нием и возвратило к жизни всю многотысячную массу лагеря. Радости не было конца, все готовы были прыгать, смеяться и целовать друг друга.

— Ура-а!—прокатилось по нашему бараку вслед за криками вбежавшего пленного. Мы все и без слов почувствовали радостную весть.

— Товарищи, к нам приехал делегат от Советской России,— надрываясь, сообщил вбежавший пленный.

— Где он?

Радостного вестника обступили со всех сторон.

— Уже по отделам ходит...

— Ну, а каков он из себя?

— А тебе не все равно, какой он?—перебивает наш разговор помолодевший, сияющий товарищ.

Через час мы поем «Интернационал». Слезы неудержимо льются из глаз; как дети, бросаемся мы друг к другу на шею и крепко целуемся. Приехавшего делегата буквально затормошили: как хлеб, как заводы, что с голодом, предвидится ли урожай и наконец когда нас увезут?

Ведь тысячи вопросов накопились у каждого за месяцы страданий в лагере.

Польские солдаты, стоявшие невдалеке от нас, сильно заинтересовались нашим «невзрачным», в простеньком пальтишке, делегатом.

— Цо, то сам ваш пжедставицель?—спрашивает «монеш» у одного из пленных.

Ответа он не получил: польский офицер почуял опасность и приказал солдатам разойтись по своим квартирам.

Вечером в бараке, где жил я вместе со всеми пленными рабочими госпиталя, шел оживленный разговор о России.

Под влиянием общего подъема я не удерживаюсь, вскакиваю на нары и лепечу речь:

— Товарищи, скоро мы избавимся от этой проклятой шляхты и не будем видеть проклятого Габлера...

Мою речь прервал вошедший комендант:

— Перестань, а то я тебя в полицию отправлю, в полицию!— закричал он.

Скорчив презрительную мину, я продолжал дальше:

— Может, скоро придется опять пойти на защиту республики... Пойдем и будем драться за дело рабочего класса...

— Ура! Ура! Да здравствует советская власть!—от всей души зашумел весь барак.

— Перестань, скотина!—снова набросился рассерженный комендант.

От злобы меня передернуло; не вытерпев, я спрыгиваю с нар, с головокружительной быстротой хватаю скамейку и ударяю со всего размаха по голове шпиона.

Схватившись за ушибленную голову, он полетел в полицию.

Барак превратился в бушующее море. Шум, смех, возгласы:

— Ай да Алешка!

— Так ему и надо!

— Не бойся, ничего не будет, мы сумеем защитить.

Совсем неожиданно в дверь влетает жена коменданта и с остервенелым лицом, с ножом в руке летит ко мне, но внезапное нападение дружно отбито ребятами, и комендантша убегает ни с чем.

— Тише, братва, идет! — раздается предупреждение охраны.

Все смолкают.

Входит полиция.

Впереди выступает капрал и кричит во все горло:

— А ну, зараз по лужкам!

Ребята ни с места. На сцену выступает Габлер, гроза лагеря.

— Цо то есть, зараз по лужкам... Стрелять буду!

Все разбежались.

Меня хватают за шиворот и, подбадривая ударами плетей, выводят из барака. Ведут в карцер.

Около карцера мне всыпают дополнительную порцию порки и швыряют внутрь этого склепа. Стукнувшись обо что-то жесткое, я без чувств упал на пол.

Немного придя в себя, ничего не понимая, я стал громко звать ребят.

— Товарищи, а товарищи, что же вы молчите, не хотите со мной разговаривать?

Никто не отвечает. Рассердившись, я снял колодки и стал колотить ими в дверь. По госпиталю, находившемуся в одном помещении с карцером, раздаются громкие, оглушительные удары Подбегает часовой.

— Цо стукаешь, малы холерны большевик!

Не обращая на часового внимания, продолжаю еще усерднее барабанить в дверь. На стук прибегает дежурный, быстро отворяет дверь и крепко ожигает плетью. Все стихло...

Уже несколько дней сижу я под запором. Кругом темно, ни малейшего света не проникало в мою конуру. При мне, к счастью, был нож, и я стал усердно прорезать щель. Стена была деревянная, и я скоро получил возможность сообщаться с товарищами и выкуривать в день хотя бы одну ножку махорки. Сидя в карцере, я придумал различные планы освобождения. Сговорившись с Шуркой, товарищем, работавшим со мной в госпитале, я приготовился к побегу. В назначенный день я оборвал у пола доску и, чуть только темная ночь заменилась утренним заревом, просунул голову в щель и стал прислушиваться. Повсюду тишина... Только время от времени раздавалось перекликание часовых. Осто-

рожно, стараясь не произвести ни малейшего шороха, я вылез. Свежим утренним воздухом обдало мне лицо, и я с облегчением вдохнул утреннюю прохладу. Тихонько передвигаясь вдоль стены, я подошел к углу барака, но едва сделал еще движение, как услышал шаги. Быстро бросился я обратно к дыре. Но меня заметили, поднялась тревога... и мой побег был обнаружен.

Через месяц-полтора я был выпущен, но вскоре, заподозренный в разбрасывании прокламаций, снова попался. На этот раз я был представлен перед «ясные очи» коренастого, со свиной шеей и золотой цепочкой, предводителя шпионов и ставленника Савинкова.

— Вы доброволец?—спрашивает он меня.

— Нет,—ответил я.

— Какой армии?

— Шестнадцатой.

— Дивизии?

— Семнадцатой.

— Полка?

— Сто сорок шестого.

— Кем был?

— Рядовым разведчиком.

Допрос окончен, я задаю вопрос:

— Мне можно итти?

— Нет, вас поведут,—ответил мне свиноподобный.

— Это безопаснее,—швырнул я ему и, повернувшись, направился к выходу.

Через час я уже сидел в полутемном бараке, окруженном колючей проволокой. По сторонам часовые.

Несмотря на то, что был уже мир, питание ничем не улучшилось, пленные попрежнему голодали, и число умирающих не уменьшалось. Но уже эшелон за эшелоном отправляли на родину, в РСФСР. С четвертым или пятым эшелоном поехал и я.

Гудок... Отправление с громкими песнями... Едем в вагонах под замками. Проехали Лодзь, Варшаву и другие польские города.

Вдали завиднелся красный стяг с надписью: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Это—граница. Всем не верится: неужели мы избавились от этих мучений и свободны?

Наши размышления нарушили чудесные звуки «Интернационала», исполняемого духовым оркестром. Все поснимали головные уборы и, всхлипывая, с радостью стали вторить призывающим к борьбе звукам.

Мы—в свободной стране!

А. ИВАНОВ

В борьбе с бандами

I

2 февраля мы уже знали, что в Тобольском уезде, в районе Ашлыкской и Черноковской волостей, появлялись отряды белобандитов, предводимых контрреволюционно настроенными лесниками и бывшими офицерами. Сначала на это восстание мало обращали внимания.

Но восстание все разрастается. Против бандитов направляют небольшие отряды.

Комсомольцы просятся:

— Пустите нас... Уж руки больно чешутся...

Прибывают в город раненые. Говорят, что есть и убитые.

Образовался фронт. Введено казарменное положение. Из комсомольцев создали небольшой отряд в двадцать человек и послали в Карагинскую волость, где волисполком был уже захвачен бандой.

К отряду присоединились ребята из деревенских ячеек. Остальные комсомольцы вместе с приехавшими из деревни несут караулы, ночные дежурства, охрану города и заставы. Комсомолки тоже не отстают от ребят. Некоторые из них поехали на фронт держать телефонную связь, просились в окопы, да не разрешили.

Однажды, числа так 12 февраля, собрали всех свободных от караула партийцев и комсомольцев и сообщили:

— Дела плохи. Восстание кулаков разрастается. Придется, пожалуй, выходить из города. У нас нет оружия. Винтовки не работают, нет патронов.

И мы через неделю отступили из города по направлению к Омску.

II

В отряде Шестакова было двадцать два. Молодые... безусые... Есть даже и подростки. Все наполнены пылом революционной борьбы против бандитов.

— Патронов нет—палками стрелять будем,—шутили.

Действительно, положение было печальное. У каждого, кроме плохо действующей винтовки, было пять-десять патронов. Имевшей до двадцати штук считался богачом. Русских винтовок из двадцати двух только три; остальные — берданки.

Отряд отступает уже третий день. Три дня тому назад он вышел в составе сорока человек, а теперь только двадцать два. Остальные ранены, убиты...

Отряду предложили задержать противника в деревне Шишкиной, находящейся в пятнадцати верстах от города Тобольска. Исполняя приказание штаба, отряд расположился в ней.

Приготовился. Выставлены посты, дозоры.

Ночь. Все тихо. Только изредка слышится окрик часового, когда к нему идет смена. Ребята все знают, что в эту ночь бандиты будут наступать.

Часовые зорко следят.

В деревне не видно огней, хотя никто из жителей не спит. Все притаились.

Выстрел... Другой... Это бандиты обошли деревню и стреляют, чтобы произвести переполох.

Ребята все на местах.

— Ребята, нам путь к городу перерезан лыжниками. Держитесь... Пока не стрелять. Зря патронов не тратить.

В ночной темноте видно, как мелькают огни выстрелов. Начали стрелять и с дороги от Карагина. Со стороны бандитов поднялся шум, крик. По огонькам видно, что они облегают деревню со всех сторон, а по шуму и крику можно заключить, что их здесь не менее трехсот человек. Двадцать два против трехсот... Силы неравны...

Ребята не стреляют зря. Они знают, что патроны нужно беречь. По выбору и по команде: «Рота-а, пли!».

Становится жарко. В ночной темноте уже виднеются силуэты бандитских рядов. Все больше и больше... Близко... идут...

— Ребята, вперед!—передается по цепи отданное приказание начальника.

По пояс в снегу, где ползком, где бегом, а где и кувырком, через сугробы и занесенные снегом заборы, выходят ребята из деревни, минуя занятую противником дорогу.

Но не все. Одиноко звучат выстрелы оставшихся. Двое раненых пробираются ползком в ближайший дом. Трое остаются на своем посту и в упор стреляют в надвигающегося врага. Они сдержат слово, данное на прощание своей организации: «Умрем, но победим».

— Ага, попались! Коммунисты... вашу мать...

И комсомольцев схватили.

Начинается пытка.

— Говори... твою мать, сколько ваших? Где?

Каждый матюг сопровождается ударом приклада винтовки.

Упорно, как немые, молчат ребята. Военной тайны они не выдадут. Лучше умрут.

Избитые, в синяках, скровавленные, в разорванных рубашках, без шапок, стоят они среди толпы разъяренных бандитов.

— Чего с ними валандаться? Тащи их в прорубь... Мать их... коммунистов.

Через несколько минут трех комсомольцев не стало. Река Тобол схоронила их под толстой ледяной корой. В другом же конце села происходит следующее.

Двое раненых лежат посреди улицы. Толпа озверевших кулаков копьями протыкает их тела, глушит прикладами, наслаждаясь предсмертными конвульсиями умирающих.

И вместе со стоном измученного тела раздается взрыв злорадного хохота:

— Так вам и надо, комсомольцам! Ха-ха-ха...

А семнадцать, под командой Шестакова, заняв следующую деревню, ждут к ночи прихода противника.

III

Тюрьма... Темные каменные своды низко нависли над коридором, по которому прохаживается часовой.

В одной из камер помещается двадцать коммунаров. Холодно. Коммунары жмутся друг к другу, чтобы согреться собственным теплом.

Среди них до десятка комсомольцев. Их схватили свои же деревенские мужики в их родной деревне, где была ячейка комсомола, и привезли сюда. Двое из них только накануне вступили в ячейку, и их не минула участь товарищей.

— Что, ребята, холодно? У-у...

Входит тюремный надзиратель с часовым для проверки.

— Петров?

— Я.

— Преснецов, Дубровин?

Каждый из заключенных откликается.

— А есть нам когда дадут? Мы есть хотим! — несутся крики.

— Что? Есть? Много жрали. Отъелись. Теперь голодные посидите.

И тяжелая дверь камеры захлопнулась вслед за уходящим надзирателем.

— Сволочи...

Вот другая камера.

В одном уголке сидят, крепко обнявшись, две комсомолки — Зина и Нина. Обе недавно окончили усовпартшколу и были посланы в уезд для работы среди крестьян.

Дети бедняков из среды крестьян, они пошли в родную среду—нести просвещение.

Их схватили и бросили под эти своды.

Девушки тихо разговаривали. Сквозь прерываемые рыдания одной из них слышались слова:

— Начальник тюрьмы... вызвал меня на допрос, предлагал мне отдаться... Я не согласилась... Он насильно... Кричала... сопротивлялась... укусила его... Он избил меня... Синяки...

И девушка залилась горьким плачем. В этом плаче чувствовалась и поруганная девичья честь и собственное бессилие.

Другая ничем не могла ей помочь. Может быть, назавтра и ее ожидает то же...

IV

Загваздино было исходным пунктом нашего наступления. Собрались с силами, получили подкрепление оружием и патронами. Привезли из Тары даже гранат.

У коммунаров дух поднялся.

— Пойдем Тобольск освобождать.

А ребята шутили:

— Дальше бежать — ноги заболят. Масла для смазки нехватит.

Провели реорганизацию отряда. Ребята влились в команду лыжников-разведчиков.

— Разведчик должен быть героем. А мы, комсомольцы, не подгадим. Правильно, ребята?

— Правильно,—отвечает комса. Она знает, что разведчик всегда впереди. Под первой пулей...

Комсомолки не хотят оставаться без дела. Составили свой отряд для охраны обоза и для связи отряда со штабом.

— Надо и нам знать, как с винтовкой обращаться,—говорит шестнадцатилетняя комсомолка Шура.

В марте получили известие, что бандиты наступают на деревню Б., находящуюся от Загваздина в двадцати верстах, где находился дежурный взвод 2-й роты. 1-я рота пошла ему на помощь, защищать деревню, а остальные двинулись в обход, занимая все деревни и юрты, находящиеся по сторонам деревни Б. Во время этих маневров и переходов бандитам удалось выгнать наш взвод и самим засесть в деревне.

Первая рота стала наступать.

Бандиты переполошились.

А вестовой их начальнику доносит:

— Коммунисты заняли деревню К. и М. и даже юрты, расположенные на восток.

Летит гонец также и из деревни, расположенной на западе.

— Красная конница заняла деревню П.

А первая рота прямо в лоб идет на деревню. Не выдержали бандиты, находясь перед перекрестным огнем, и побежали.

— Ура-а! Бандиты бегут, деревня очищается...

— Не мешало бы послать конницу вдогонку.

— Не беспокойся, в засаде уже сидит наш отряд лыжников. Он им даст пить.

И, действительно, разведчики нагнали страху, встретив их перекрестным огнем.

Начальник команды вызывает:

— Кто из вас, ребята, пойдет сегодня в разведку?

Вызвалось десять человек. Начальник отделил пять из них и дал им соответствующие задания.

В длинных белых халатах, надетых поверх полушубков, на лыжах, обтянутых шкуркой, идут они под покровом вечерней темноты по мягкому снегу. Идут, как привидения, выделяясь на фоне темного леса. На фоне снегов их нисколько не отличишь даже на расстоянии пятнадцати шагов.

Идут тихо, через лесок, поля, овраги направляясь к деревне, занятой бандитами. На опушке леса остановились. Прислушались. В деревне стоял шум. Слышалось ржание лошадей, скрип полозьев, окрики возниц.

Старший разведки дает указания своим товарищам, предупреждая их сохранять строжайшую тишину при выполнении задания.

Четверо расходятся по указанным им местам. В деревню ведут четыре дороги, на которых выставлены у бандитов часовые.

Нужно разведчикам подойти к этим постам и бросить в них гранаты.

Ребята не торопятся. В их распоряжении тридцать минут. Без всякого шума, без стука подходят они, как ночные призраки, к месту назначения. Шум, стоящий в деревне, скрывает от часового приближение разведчиков.

Ночь благоприятствует им. Стояла полная темнота. Падающий мягкий снежок скрывал туманную даль.

Разведчики в пятнадцати шагах от часовых. Ждут условного сигнала. Слышат разговор между часовым и подчаском.

— А што, Вавило, будут седни ночью коммунисты, аль нет?

— Куда им... Не должны быть... Ведь вон нас-то здесь сколько... Тыща—больше будет... Подлезут—так начешем бока-то...

— Ну, а ежели придут седни?

— Отобьемся... Стрелять будем... У нас и пулемет есть...

С опушки леса раздается чуть слышный свист.

Раз—и четыре гранаты полетели в часовых. Два, три—и еще восемь штук полетели в деревню.

Бух, бух, бух!—раздаются во всех углах деревни взрывы гранат.

Как муравейник, встрепенулось все село.

Шум... крики... беготня... приказания... кое-где выстрелы... Все бандиты постепенно занимают окопы и отстреливаются.

Коммунисты наступают.

А пятеро, спокойные и довольные удавшимся планом, возвращаются обратно к своим. Они знают, что бандиты теперь всю ночь спать не будут. Произвели переполох и узнали количество неприятеля.

Ай да комса! Впятером всю деревню подняли.

V

Во время восстания уездный комитет комсомола о своих деревенских ячейках ничего не знал, и только тогда, когда уезд уже был очищен от бандитов, удалось узнать о судьбе своих членов.

Из двадцати одной ячейки РКСМ четыре были влиты в наш тобольский отряд и отступали с горорганизацией; двенадцать ячеек отступали на север, сорганизовавшись с коммунистами в северный отряд, и семь организаций РКСМ почти целиком попали в руки бандитов.

В. ФАСТОВСКИЙ

Под Трипольем

Мобилизовано было всего комсомольцев около ста человек, из них шесть девушек. Нас влили во 2-й киевский полк, распределили по всем ротам, и через несколько дней мы уходили с полком из города под звуки боевого марша.

Мы направлялись для ликвидации грозной банды, во главе которой стоял «батько» Зеленый. Наш полк состоял из несознательных красноармейцев—мобилизованных крестьян, большая часть которых ранее бывала в бандах и которые даже не скрывали своего плохого отношения к советской власти, коммунистам и комсомольцам, находившимся вместе с ними. Были случаи, как, например, в 1-й роте, состоявшей сплошь из банды известного Григорьева, перешедшего на нашу сторону, у одного комсомольца сняли звезду с шапки и еще здорово избили за то, что он носил коммунистический знак.

Будучи брошенными в этот омут темноты, мы сразу почувствовали, что начало плохое, но мы не падали духом и всеми силами старались агитировать и разъяснять им их неправоту. Помню Мишу Ратманского—как он бегал на всякой стоянке по всем ротам, собирал красноармейцев и горячо доказывал им, что советская власть есть подлинная рабоче-крестьянская власть. Я уверен, что если бы с нами не было другого, интернационального, отряда, то мы бы даже до Триполья не успели дойти.

Около местечка Обухова, находившегося в 10—13 верстах от Триполья, к нам прискакало восемь запыленных кавалеристов, которые принесли нам первое страшное известие. Советский отряд, состоявший из ста пятидесяти кавалеристов, въехал в Обухов и, не встретив бандитов, разместился по избам и разлегся преспокойно спать, не подозревая, что на площади местечка большой цепью было спрятано около двухсот бандитов, вооруженных с головы до ног. Под самое утро раздалось громовое «ура» по всему местечку, и красноармейцы, не успев одеться и выбежать, почти все были перерезаны. Остались только эти восемь человек из всего отряда.

Это известие нас так озлобило, что мы дали себе слово не давать пощады бандитам. Пойманных около Обухова трех шпионов мы немедленно расстреляли.

Переночевав в Обухове, мы были утром разбужены сильной пушечной канонадой.

Это стреляли наши орудия и пушки нашего бронепарохода, подошедшего со стороны Днепра.

Через несколько часов после непрерывного боя мы подошли к селу Триполье, наседая на зеленцев, которые отступали шаг за шагом.

В село войти было трудно, так как с хат и отовсюду бандиты сильно отстреливались. Погода была жаркая, солнце палило, и скоро от пуль и снарядов стали загораться одна за другой крестьянские избы.

Бандиты, наверно, поняли, что еще немного и вся деревня будет сожжена, и, как бы сговорившись, быстро отступили из села. Там воцарилась подозрительная тишина.

Соблюдая разные военные предосторожности, мы вошли в пустое село (пустое потому, что из села не только все бандиты, но и все крестьяне поголовно ушли). В Триполье остались старики, больные и дети, да и те попрятались по погребам и сараям—так велик был страх и ужас у крестьян перед Красной армией. Крестьянство, разжигаемое провокаторами-эсерами и петлюровцами, имело понятие о Красной армии как о грабителях и насильниках, руководимых «жидами»-коммунистами.

Потом началось.

Нас известили, что продовольствие из Киева не получено и что надо самим его добывать. Среди красноармейцев началось недовольство. Куда ни заходили красноармейцы просить поесть, всюду встречали один ответ, что ничего нет.

Измученные, изголодавшиеся красноармейцы, озлобленные повальными отказами со стороны крестьян, перестали просить и даже требовать, а стали сами делать тщательные обыски, нередко не намного отличавшиеся от грабежей. Появились кабаны, курицы, заискрились костры.

Триполье находится в долине, окруженной мрачными горами, и две наших роты были отправлены туда, в эти горы, в засаду.

Наша рота лежала на левом фланге. Погода была прекрасная. Мы были веселы, ничего плохого нам даже на ум не приходило, лежали и стреляли без цели, а если бы нам и указали цель, мы не всегда бы попадали, ибо за несколько дней обучения мы с винтовками как следует обращаться не умели.

Потом началась перестрелка с правого и левого фланга. Она все усиливалась.

Вдруг передали по цепи, что связь с правым флангом прервана. Началась паника.

Пули начали свистеть сзади нас. Прибежал к нам без винтовки

красноармеец и, отдуваясь от быстрого бега, принес нам страшную и странную весть, что зеленовцы уже в селе и безжалостно расстреливают, убивают наших...

Как выяснилось потом, дело произошло таким образом.

Перед правым флангом показалась движущаяся ползком цепь зеленовцев. Наши открыли по ним беспорядочную стрельбу. В начале боя ротного командира не было, вследствие чего сразу создалась паника; растерявшийся полуротный пробовал командовать, отдавая приказ за приказом, чтобы стрелять по ползущим бандитам, но банды выбирали хорошие позиции, прячась за бугры, и все ближе и ближе подползали.

Кончилось тем, что полуротный выскочил из окопа и бросился бежать обратно в село, увлекая за собой растерявшихся красноармейцев.

В селе за кострами сидели ничего не подозревавшие наши. Многие отправились в разные стороны на поиски пищи. И в это время с горы, где помещался правый фланг, показалась бегущая толпа красноармейцев, а за ними зеленовцы, уже не ползущие — о, нет! — и даже не бегущие, — откуда-то взялись у них всадники, из погребов и чердаков повылезли припрятанные бандиты, старики с топорами и вилами, а другие просто с дубинами, и все они неслись из разных мест, объединенные страшным звериным криком «ура», подхваченым женщинами, детьми, которые стояли у своих хат.

Под эти страшные крики началась жесточайшая, безумная резня. Кто только попался в этот момент, был буквально растерзан. Пощады не было никому... Комсомольцы, бывшие в окопах и в селе в это время, конечно не бежали и пощады ни у кого не просили и все безжалостно были перебиты.

До самого вечера продолжалась дикая расправа. Из разных мест вытаскивали спрятавшихся красноармейцев, волочили их по улицам, мучили, издевались над ними.

У нас, на левом фланге, хотя и началась небольшая паника, но мы еще ничего не знали. Раздавшееся со стороны села громовое «ура» углубило нашу тревогу, и мы поняли, что в Триполье что-то неладное. А из рассказа прибежавшего из села красноармейца о резне в селе мы уже поняли, что пропали.

Начинался вечер. Безмолвные и угрюмые, мы вылезли из окопа, приготовили винтовки и цепью пошли... к Днепру. Кругом свистели пули, то тут, то там вспыхивали огоньки от выстрелов, падали раненые и убитые. Мы спустились с крутого берега и пошли к заливу Днепра под Трипольем. Там уже было много наших, стоявших по колено в воде. Мы ничего не соображали, никак не могли понять, что произошло. Один за другим бросались в воду и пускались вплавь красноармейцы; на лодку, где могли поместиться восемь человек, влезало человек пятнадцать, со всех сторон цеплялись другие; лодка плыла немного, потом шаталась,

начиналось волнение, она кренилась набок, и все падали в воду.

Уже было темно, когда на берегу показались какие-то люди. Раздался провокационный крик: «Это наши!» Мы подошли ближе. Видим — бандиты, кругом пулеметы... «Сдавайтесь, а то всех перестреляем!»

Кидаем документы в воду. Обратно нельзя, да и свои красноармейцы не пустят. Один за другим выходим из воды на берег. Бандиты всех нас окружили и, безжалостно избивая прикладами и нагайками, повели в село.

Мы шли по разрушенному Триполью. Уже была ночь, и луна освещала догорающие развалины крестьянских хат. Всюду валялись трупы, окровавленные и растерзанные, кругом стонали раненые и умирающие, впереди, сзади и по бокам нас, пленников, ходили звери в человеческих образах, жаждущие крови и еще не насытившиеся ею. Брань, толчки, удары, пинки, стоны, выстрелы, прекрасная летняя ночь — все смешалось в одно... Смерть творила свою страшную работу. Нас вели на новые страдания и муки эти серые, опьяненные от крови люди... Было жутко. Мы шли...

В центре села на площади помещается базар, там имеется несколько больших каменных лавок и складов. Нас туда привели и набили, как сельдей в бочку.

Началась первая ночь в «гостях» у зеленовцев. Поминутно открывалась дверь, и к нам группами все вталкивали окровавленных пленников.

Прошло немного времени, как в помещении уже нельзя было не только лежать или сидеть, но даже негде было стоять. Проклятия здоровых, стоны раненых, крики умирающих — так было всю ночь.

Под утро в селе началась какая-то тревога: зазвонили в набат, шел несмолкаемый гул орудий.

Это со стороны Днепра наступали наши бронепароходы, которые подъехали к самому Триполью и немилосердно стреляли по бандитам. Раскрылись окна и двери, и на нас выгнали дула пулеметов и винтовок. Наверное, положение зеленовцев ухудшилось, и они думали перед отступлением всех сначала перестрелять. Это продолжалось недолго, но нам оно должно было казаться целой вечностью. Постепенно стало все стихать, прекратился звон набата, и стала удаляться стрельба — гроза прошла. Наши отступили. Трудную пришлось пережить ночь.

Наутро всех нас вывели на площадь. Поставили в шеренгу, и раздалась команда: «Кацапы, жиды, коммунисты, пять шагов вперед!» Мы почти все вышли.

Всех нас в числе выше ста, где около половины было комсомольцев, отвели в отдельное помещение. Как потом оказалось, всех оставшихся после «лекции» самого «батьки» Зеленого в тот же день отпустили на все четыре стороны, выдав им даже соответствующие удостоверения. Нам же готовилось кое-что похуже.

Мы это знали, но духом не падали. Я, чудом вырвавшийся в

дальнейшем из когтей смерти, горжусь тем, что могу рассказать, как умирали наши юные коммунары. Рассказывали о геройской гибели нашего вождя Миши Ратманского, окруженного целой толпой озверевших бандитов. Лишь после того как он выпустил все свои патроны, последним он застрелил самого себя.

Вот лежит т. Бурштейн (из Городского района). Пуля у него прошла чуть выше над сердцем. Он еще жив, но какое спокойствие, улыбка на исхудавшем лице...

Вот М. Полонский. Пуля пробила ему руку у самого локтя, рука неимоверно опухла, вся синяя; он долго крепился и заплакал. Не из страха, нет: глядя на его измученное лицо, чувствуешь, что ему нечеловечески больно.

Вот встает бородатый, видно мобилизованный.

— Товарищи, — говорит он, — давайте молиться богу.

В ответ мы пробовали только смеяться:

— Когда шли сюда, не верили в бога, и теперь в него не верим.

К нам ввели командира полка и нашего военкома. Вот они обращаются к караульному:

— Поведите нас к Зеленому, я ему укажу, где зарыты замки от орудий, — говорит командир.

Тогда встает т. Шейнин и говорит:

— Мерзавцы, вы даже не можете показать нам, молодым, пример. Мы вам его покажем.

Предателей увели. Среди нас не было ни одного изменника, ни одного труса. Мы все знали, что пощады нам не будет, а только ждали, чтобы этот конец поскорее наступил.

Как прошла эта ночь, не знаю, потому что я, утомленный, не спавший несколько ночей, заснул крепким сном.

Проснувшись наутро, я узнал, что человек тридцать за ночь куда-то увели.

Уводили группами. Куда?

Наутро оставшихся увели в деревушку Халупы, находившуюся в четырех верстах от Триполья, и посадили в просторную избу, где помещалось «волостное правление».

Пришел к нам какой-то бандит, видно эсер, и в течение часа читал нам лекцию о вреде коммуны. Мы знали, что нас должны расстрелять, и нам конечно было не до его напутственной лекции.

Среди оставшихся были: Шейнин, Л. Полонский, Дымерец и другие комсомольцы.

Под вечер открылась дверь и раздалась команда: «Выходи!» Выпустили человек восемь и закрыли дверь. Их куда-то увели.

Прошло немного времени. Это повторилось. Тогда мы скорее почувствовали, чем поняли, что их увели навсегда.

Постепенно начали уводить еще. Ожидание становилось мучительным. Хотелось конца. Я стоял у самых дверей, и, когда под грозным, роковым окриком открыли дверь, я первый вышел. За мной выпустили еще пять товарищей. Нас поставили вдоль стены

и стали связывать попарно рука к руке. Рядом со мной стоял Володя Дымерец. Я знал, что нас поведут к Днепру. Вода—это моя стихия; как прекрасный пловец я был уверен, что она меня спасет. Меня и Дымереца связывал старый крестьянин с рыжей бородой. Я, чуть не плача, просил его, чтобы он связывал наши руки не крепко, говорил, что она у меня болит.

Нас было три пары, связанных рука к руке. В первой паре шел Лева Полонский, связанный с каким-то мадьяром. Во второй шли неизвестные мне два красноармейца, а в третьей паре я и В. Дымерец. На каждую пару шел один бандит-зеленовец. Мы шли молча, да и не о чем было говорить.

Темнело. При повороте перед нами открылся Днепр.

— Ну, коммунарики, теперь вы поплывете, — прошипел шедший сзади нас зеленовец.

Я шел уверенно. Я ни о чем не думал. Подошел к берегу. Я и Дымерец были еще в верхней одежде, и бандит приказал нам раздеться. В то время, когда я одной рукой, дрожащей от волнения, снимал брюки, я видел, как другие два зеленовца, прикладами бросали в воду остальных наших товарищей. И когда те барахтались в воде, зеленовцы по ним стреляли.

Раздевшись, мы, не ожидая приказания нашего бандита, бросились бежать в воду, развязывая по дороге телефонную проволоку, связывающую нас рука к руке.

Мы оба умели хорошо плавать. А в воде мы уже очутились несвязанными. Зеленовец не спеша подошел к берегу, приложил к плечу винтовку и начал по нас стрелять. У меня появились нечеловеческие силы. Я уже больше нырял, чем плыл. «Фастовский, я ранен!» крикнул мне плывший рядом со мной Дымерец. У него из уха текла кровь. Не успел он крикнуть, как другая пуля пробила ему затылок. Я только успел заметить фонтан крови и почувствовал, что мне в лицо ударили куски его окровавленного мозга. Он пошел ко дну. Из всех шести на поверхности плавал только я один. Все были перестреляны.

Зеленовцы стреляли уже только по мне, но было темно: на прицел они взять не могли, а течение успело меня далеко унести...

Пули свистели кругом меня: в момент, при нырянии, когда голова была под водой, а спина над ней, шальная пуля отхватила кусок мяса у меня на спине. Я только почувствовал, что меня там что-то обожгло.

Я долго плыл... Передо мною была одна цель: противоположный берег Днепра. Зеленовцы уже перестали стрелять, потеряв меня из виду вследствие темноты или же считая меня утонувшим. Было трудно плыть, а я еще был в нижнем белье. Силы мне уже изменяли, я уже отчаивался доплыть до берега. Наконец я почувствовал под ногами почву.

Измученный, почти без сил, добрался до берега. Я бы долго лежал на песке, но ночная сырость, увеличивающееся ощущение

холода от мокрого белья, а тут еще начавший накрапывать дождь, подняли меня.

Это была страшная ночь...

Я бежал, размахивая руками, чтобы немного отогреться. Влезал на деревья, чтобы оттуда увидеть свет из какой-нибудь деревни, но всюду было темно... Дождь лил уже как из ведра, впереди необъятная даль среди кустарников и травы, влажных от дождя... И так вся ночь...

Как я ее провел, не помню. Утро вернуло меня к нормальному состоянию. Наткнувшись на какую-то дорожку, я по ней пошел вперед.

Я шел, наверное, долго, пока не наткнулся на какую-то деревню. Я зашел в первую попавшуюся хату. При виде меня в одном белье, которое сзади еще было в крови, крестьянка, находившаяся в хате, испугалась. Я попросил что-нибудь поесть. Она дала и попросила меня сейчас же уйти. Из двух вопросов, на которые она неохотно ответила, я узнал, что нахожусь в Полтавской губернии.

Она мне рассказала, какой дорогой итти на Борисполь, где находились красные войска, причем предупредила, что кругом бандиты и итти опасно.

Захватив с собой полбуханки хлеба, я пошел через деревню по указанному мне пути. Верстах в двух от деревни мне навстречу попались две крестьянских телеги с мужиками, которые, увидев меня, остановились. Здоровый мужичище пристально оглядел меня, проговорил: «Ага, коммунист с Триполья втик. Сидай з нами, поидимо в штаб». Он был такой здоровый, а я маленький, слабый... Я сел. Лошадь тронулась, и я, недолго думая, соскочил и бросился бежать во все лопатки.

Он остановил лошадь, побежал за мной, но нагнать меня не мог. Я бежал долго и наконец, изнемогая от усталости, сел отдохнуть.

Как из-под земли откуда-то появились два молодых хлопца. У одного была здоровая палка. После недолгих расспросов они меня повели. «Куда?» спрашиваю и в ответ получаю порядочный удар. На повороте дороги стояла телега, и какой-то мужик якобы возился у колеса. Мои провожатые поклонились ему и начали что-то говорить, показывая на меня. Мгновенно простодушное лицо мужика превратилось в хищное, бандитское.

Он вынул из-за пояса спрятанный браунинг, который, вероятно, стащил у убитого коммуниста, и с наслаждением прицелился в меня.

— Эх, — проскрежетал он, — жалко, что у меня всего две пули, а то подстрелил бы я тебя.

Я понял, что браунинг был пустой, что у него ни одной пули не было. Они еще что-то говорили, и я услышал, что «штаб» куда-то переехал.

Мужики долго совещались, что сделать со мной, и наконец приняли какое-то решение. Мужик с повозкой остался на месте, а те двое повели меня дальше. Мы свернули к реке. Там была какая-то рыбачья хижина.

Один зашел туда и через короткий промежуток времени вышел, держа в руках топор и какую-то старую заржавленную саблю.

Понимал ли я, в чем дело, или нет, не помню. Но я просто потерял способность понимать и мыслить. Я был в каком-то оцепенении.

Я шел впереди, а сзади шли они двое. Один держал топор, другой — саблю.

Мы шли по невысокому берегу, а внизу — река. Вдруг я почувствовал страшный удар по голове и сейчас же саблей по лицу. Я упал, но инстинктивно почувствовал еще раз поднятый топор и, собрав последние силы, скатился в воду...

Вода — это лучший бальзам и целитель. Она остановила кровь из раны. Речка была неширокая, и я, переплыв на ту сторону, пополз в кусты. Но кровь снова потекла очень сильно. Когда те двое ушли, считая, что все равно истеку кровью, я пополз обратно к воде и промыл рану на голове. Отдохнувши, я пошел.

Дороги я не знал, но приблизительно направился в сторону Днепра, откуда я легче мог бы притти в Киев. Так я скитался два дня.

Когда я видел деревню, я уже туда не ходил, а шел в обход. Вдали уже виднелся Днепр, и далеко за горизонтом я увидел дым от парохода.

Бросился бегом к берегу. Пароход приближался. Я увидел на нем красный флаг. Это был бронированный пароход № 6. Я влез на высокий камень, крича и размахивая руками, чтобы меня заметили.

На пароходе меня увидели. Он подплыл к берегу. С парохода спустили длинную доску. Я по ней, шатаясь, взобрался на палубу, и тут, после стольких мучений, страданий, потери крови, силы меня оставили и я упал на пол без чувств.

В таком состоянии я был больше суток. За это время мне вычистили засорившуюся рану и сделали перевязку.

Через день я очутился в гавани г. Киева. Когда мы приехали, была ночь и я спал. Проснувшись под утро, когда еще все спали, я вышел на берег.

Я имел ужасный вид: в нижнем белье, весь в крови, с перебинтованной головой. Домой страшно было итти.

Недалеко около гавани, на Спасской ул., № 12, помещался тогда наш подольский комсомол. Отсюда мы пошли на Триполье, и туда я пришел...

Было еще рано, никого там не было. Я вошел в парадную дверь, сел и стал смотреть в окно. Вдруг сердце забилось радостью: шел член комсомола, «маленький товарищ Коваленко». Я его позвал. Увидев меня, он обомлел: все считали меня погибшим.

— Беги ко мне домой, принеси что-нибудь одеть, — попросил я его.

Он бегом пустился исполнять мою просьбу.

В подполье

Расклейка прокламаций

из гетманского подполья

Солнце скрылось. В сырой кузнице стало темно. Ратманский, наклонившись над маленьким столиком, смазывает гумми-арабиком прямоугольные листки воззвания к немецким солдатам. Он одет, как всегда, в синей, немного слинявшей рубашке, черных замаранных брюках, лоснящихся спереди, как кожа, и в искривленных сапогах.

Мальчиков раскладывает листки сушиться: каждое воззвание берет не спеша и аккуратно кладет одно к другому.

— Ты скорей, — торопит его Ратманский.

— Скорей умер, остался младший брат его не спеши, — отвечает Мальчиков, улыбаясь.

— Завтра будешь философствовать.

— У тебя там готово? — спрашивает Мальчиков, открывая дверь кладовой.

— Да, — отвечает Ратманский, наливая воду в бутылку.

Разделили прокламации, взяли по бутылке воды и отправились за своими спутниками.

Ратманский и Семенов шагают по темным переулкам Лукьяновки. Они идут медленно, как будто гуляют. Временами они останавливаются, оглядываются, и если поблизости никого не видно, то Семенов брызгает на доску забора или телеграфный столб, а Ратманский наклеивает воззвание.

Павел Семенов в группе членов подпольной организации социалистического союза рабочей молодежи очутился, точно свалившись с неба.

За несколько дней до немецкой оккупации Киева он познакомился с Мишей Ратманским и сразу с ним сдружился. Его дружба с Ратманским была неожиданной. Миша недолюбливал интеллигентов и не доверял им. Семенов же был тогда одним из младших чиновников государственного банка, носил форменную шапку с двумя гербами, стоячий воротник, галстук и обтертый пиджак; разговаривал, как особо типичный интеллигент. Несмотря на это, Миша через несколько месяцев совместной работы предложил его

кооптировать членом общегородского комитета ССРМ. Через месяц Семенов, идя с нами по Крещатику, сорвал свой галстук, кокарды и забросил их на мостовую.

— Вот вам все мое былое величие, — заявил он смеясь.

Они подошли к тюрьме, завернули за угол и пошли вдоль длинного каменного забора. Виднеются Луцкие казармы.

— Стой! Кто идет? — раздался окрик.

Из казармы вышли вооруженные люди. Семенов остановился, посмотрел в их сторону и повернул обратно. Ратманский последовал за ним. Они прошли несколько шагов. Навстречу—гайдамаки. Ратманский и Семенов пошли снова в сторону и снова наткнулись на гайдамаков.

— Ви хто таки? Куди идете? — спросили гайдамаки, окружив Павла и Мишу.

— Я — служащий государственного банка,—сказал Семенов,— а це кеканщик,—указал он на Ратманского.—Ми були у знакомых хлопцив, выпили там трохи, у карты пограли, а теперь до дому йдемо. Тут наша хата нидалеко — на Дьячах.

— Ходим в штаб, — сказал высокий гайдамак.

— Чего це я пиду?

— Не балакай, ходим, — толкнул их гайдамак.

— Отпусти. Мати одни дома, не буде вона знати, куда ми дились. Отпустить, будьте ласкови, — жалобным тоном невинного ребенка просил Семенов.

— А може, це ви листовки раскидали?—спросил молоденький гайдамак, подозрительно осматривая их.

— Яки листовки? Ми тут нидалеко живем. До дому йдемо,— твердил Семенов.

— Айда, — объявили два гайдамака, отделившись от остальных и взяв винтовки наперевес.

Пошли.

— К чорту, — вслух проговорил Семенов и, вытянув из кармана бумаги, опустил их вниз. Бумаги ударили о землю... Сердце стукнуло. Дрожь пробежала по телу...

— Ну, слава богу, не заметил, — прошептал он. «А при чем тут бог?» подумал и зло сплюнул.

— Бросил свои? — еле слышно спросил Семенов.

— Не могу вытянуть.

Жалобно взвизгнула калитка тюремного двора, на которой написано: «Штаб Сердюцкой дивизии», и захлопнулась за вошедшими.

— Бросил?

— Нет.

— Бросай немедленно.

Пачка шлепнулась в лужу. Ратманский вздрогнул, надвинул шапку. «Темная ночь, выручай», вспомнился отрывок песни.

— Сюды, — толкнули их гайдамаки, открывая дверь тюремного здания.

Семенов и Ратмановский очутились на каменной грязной, ярко освещенной лестнице.

— Я пиду скажу, а ты тут гляди, — буркнул гайдамак, уходя направо.

— При мне устав союза, — шопотом сказал Ратманский.

Семенов вздрогнул и побледнел. Потом вынул папиросу из кармана и обратился к солдату:

— Будьте ласкови, дайте сирника, я свои забув.

Гайдамак обернулся к Семенову. Ратманский быстро вдвинул скомканную бумажку в отверстие лестницы.

— Веди, — донесся голос ушедшего вправо солдата.

Они вошли в большую, плохо освещенную комнату. У стола сидит заспанный хорунжий. Лицо наркотика: нос как бурак, глаза опухшие. Зевает.

Гайдамаки рассказали хорунжему, где задержали Павла и Мишу.

Хорунжий поднялся, пристально осмотрел Семенова и Ратманского и, нахмурив лоб, по-русски спросил:

— Вы кто таки?.. Куда ходили?

Семенов повторил сказанное гайдамакам.

— Отведи их, — указал на дверь хорунжий зевая.

— Отпустите, дома мати одна, — стал просить Семенов.

— В холодную, — приказал хорунжий.

— Будьте ласкови. Мати не знае, куда ми дились, — снова попросил Семенов, тыча чиновничье удостоверение.

— Обыскать, — лениво проговорил хорунжий.

Солдаты стали их ощупывать.

— Оружия нема,—сказал солдат, обыскивающий Ратманского.

— А це що таке? — спросил гайдамак, вытягивая бутылку из бокового кармана Семенова.

Семенов побледнел.

— А ну покажь! — крикнул хорунжий.

Гайдамак подал бутылку.

— Это что такое? — обратился хорунжий к Семенову.

— Це свята вода, матери несу, — ответил тот, опустив глаза.

— А чего она бензином воняет? — снова спросил хорунжий, водя носом вокруг бутылки.

— Не було другой, а це мати мила, а вона воня.

— На́ бутылку. Иди и больше не попадайся,—объявил хорунжий.

Семенов и Ратманский пустились из комнаты. Солдаты открыли им калитку, и они на свободе...

Темная ночь приняла их в свои объятия, окутав невидимой пеленой. Ветер обвеял их лица.

— Хорошо отделались, — проговорил Ратманский и, взяв Семенова под руку, пошел с ним смелой поступью.

Небо заволакивается тучами. Звездочек становится все меньше. Улицы пусты. Изредка спешит запоздавший прохожий.

Из-за горы вышло три человека, остановились у большого серого забора. Повозились около него и пошли дальше. Это Мальчиков, Аронова[1] и Цыпенко. У Мальчикова в кармане бутылка с водой, а у Цыпенко карманы набиты воззваниями. Издали они походят на маленьких детей, удравших из дому.

— Руки вверх, ни с места! — раздался окрик.

Не успели они оглянуться, как окружил их отряд варты (полиции).

Начался обыск.

— Это что такое?—закричал начальник, вытаскивая немецкие воззвания и разглядывая их.

Жуткое молчание...

— А это? — спросил он, вынимая бутылку.

Трах-х-х! — звонко раздалась пощечина, будя ночную тишь, за ней — другая, третья...

Подталкиваемые вартовыми, Мальчиков, Аронова и Цыпенко вошли в канцелярию дворцового полицейского участка.

— Где взял эти прокламации? — обратился дежурный по варте к Цыпенко.

— Не знаю, — ответил тот.

— Как не знаешь? — заорал дежурный и ударил кулаком в лицо.

Кровь хлынула из носа и рта. Трах!.. трах!.. — посыпались пощечины.

Голова кружится, ноги подкашиваются, вот Цыпенко упадет, но он выпрямился и сквозь слезы повторил снова: «Не знаю».

— Говори, а то пристрелю, как собаку! — заорал офицер, тыча в рот Цыпенко дуло револьвера.

Цыпенко, стиснув зубы, молчит...

— Где взяла прокламации? — обратился дежурный к Ароновой

Молчание...

— Говори, дрянь! — заорал дежурный, схватив ее за волосы.

— Не скажу, — заявила она решительно.

— А-а... не скажешь?..

Удары кулаками, нагайкой посыпались по лицу...

Мальчиков, прислонившись к стене, дрожит. Лицо его бледно, глаза горят. За несколько пережитых часов он похудел, осунулся, постарел. Едкая злоба, ненависть, месть глубоко засели ему в душу. Он хочет двинуться с места, ноги отказываются служить.

---

[1] Люба Аронова — 17-летняя девушка, еще полуребенок, полная жизни, энергии и силы; погибла в комсомольском отряде под Трипольем.

«Больно развит инстинкт самосохранения», подумал он, горько улыбаясь. Вдруг он рванулся, стиснул зубы, сжал кулаки и бросился меж офицерами и Ароновой, крича изменившимся голосом:

— Бейте лучше меня!..

Офицеры отскочили в сторону, постояли с минуту, раздумывая, и все бросились к Мальчикову. Он отскочил к стене. Со всех сторон потянулись к нему руки, перекинули его и стали топтать ногами, крича:

— Заступаться?.. Будешь заступаться!..

Аронова и Цыпенко бросились к Мальчикову. Их схватили, повалили, топтали ногами, подымали, снова валили и все били. У одного руки заболят — другой бьет...

В сыром подвале-карцере темно. Вонь... На мокро-грязном каменном полу сидят Мальчиков, Аронова и Цыпенко. Лица опухшие, под глазами синяки, тела ноют, рук и ног не чувствуют...

Мальчиков подбодряет Цыпенко и Любу и дает наставление, как держаться и о чем говорить на допросах. Цыпенко уснул. Люба, положив голову на колени Мальчикова, тоже заснула. Мальчиков задумался. Пред ним всплывает последний день на свободе. Вспомнился коллектив рабочей молодежи гвоздильного завода. Энергичные, смелые лица... Один парень всплывает за другим, и перед этими лицами лица вартовых офицеров становятся маленькими, ничтожненькими... и совсем уплывают...

Голова опустилась, и он уснул...

О. ЭРДБЕРГ

Зажгите спичку

В подкладке пиджака зашит мандат одесского губкома КСМ: «...направляйся в Крым для установления связи с подпольной организацией РКП и РКСМ... для формирования боевых дружин и контрразведок...» Подпись военного отдела губкома.

Улицы Симферополя залиты солнцем. Шумно. Вокруг—большие блестящие витрины магазинов. Конец сентября, но жара и духота невыносимые. Грязный татарин в пестром халате продает на лотке виноград и груши «дюшес». Подхожу к лотку, опускаю руку в карман.

— Ах, чорт возьми! Денег ни копейки.

Уже третий день я в Симферополе. Явок у меня нет. Ломаю голову над тем, как найти связь с подпольной организацией. Подполье настолько придушено террором белых, что в рабочем клубе никто не появляется.

Решил следить на улицах. Не может быть, чтобы я не узнал никого из большевиков: глаз у меня привыкший — по внешнему виду узнаю. Только побольше толкаться там, где скопляется много публики: в саду, в парке, и главное — терпение!

Однако, если я не найду связи в течение ближайших двух-трех дней, будет скверно. Денег больше нет — значит жить невозможно.

Сворачиваю в городской сад. За эти три дня уже много раз ошибался. Прошлый раз увидел высокого молодого человека с длинной шевелюрой, реденькой бородкой и «Социологией» Кареева в руках. Думая, что «наш», пошел за ним, но, увы, он зашел в собор и оказался регентом церковного хора.

Вчера полдня следил за неповоротливым хлопцем в косоворотке, но к вечеру выяснилось, что он просто служит в аптеке и разносит лекарства на дом.

Все-таки в сквере мне определенно везет. Уже два раза мне удалось видеть, как там, за павильоном, встречаются какая-то нарядная гувернантка с двумя девочками и молодой армянин, на вид рабочий, маленький, грязный, юркий. Поговорив, армянин

уходит далеко за город, туда, к Литовским казармам. О любовном свидании здесь не может быть и речи. Слишком не подходящие друг к другу люди. Встречаясь, о чем-то подолгу спорят. Армянин показывает газету. Детей гувернантка отсылает в сторону и все время оглядывается: нет ли кого поблизости. На этот раз армянин опоздал, но опять, как только он пришел, гувернантка отослала детей поиграть.

Маленькая пухлая девочка роется в золотом песке — строит «домик» у самых моих ног. Незаметно ее подзываю.

— Девочка... как тебя зовут?

— Оля.

— А это твоя мама?

— Нет, бонна.

— А где вы живете?

— На Дворянской, 20.

— А твоя бонна уходит когда-нибудь?

— Вечером, когда уложит нас, уходит.

Ага! Хорошо клюет!

Как только стемнело, я уже дежурю на Дворянской. В девять часов из парадного подъезда вышла бонна, оглянулась и пошла вниз по улице.

На углу к ней подошел студент.

Оклик:

— Миша!

Гуляли вверх и вниз по улице часа полтора. Терпеливо следил за ними на другой стороне. Когда они расстались, студент пошел по Пушкинской, а около «кафе-концерта» к нему присоединился армянин.

Так, так — дело налаживается.

Сделав большой крюк, мои жертвы подошли к союзу игольщиков как раз в то время, когда секретарь союза, исполнявший также обязанности сторожа, уже закрывал помещение союза на ключ. Зашли в союз, а через несколько минут вышли и разошлись в разные стороны. Я хотел пойти за армянином, но тот уже увидел меня, быстро опустил правую руку в карман. Быстро удаляюсь.

Очевидно, я напал на след. Но проверить нельзя — нет времени. Надо рискнуть!

На следующее утро я вхожу в союз и подхожу прямо к секретарю.

— Я, товарищ, приехал из одесского губкома — член партии. Мне нужно видеть кого-нибудь из союза молодежи. Вот мой мандат.

Старик подозрительно осматривает мандат, затем меня.

— Кто вас сюда послал? Кто вас знает?

— Меня знает Миша. Послали сюда с Дворянской, 20.

— Ах, так! Приходите вечером.

Я боялся, что старик пойдет проверять, действительно ли меня послали с Дворянской, и потому весь день наблюдал за союзом. Но ничего подозрительного нет. Вечером старик познакомил меня с молодым рабочим-табачником. Я еще раз предъявил свой мандат, и меня повели к председателю союза. В комнате с прикрытыми ставнями на кровати сидел какой-то парнишка; лица не было видно, так как в комнате было темно. За перегородкой назойливо стучала швейная машина.

— Вы, товарищ, откуда?

— Из Одессы. Я там был. Югова знаете?

— Знаю.

— Максимова, Эрдберга?

— Что за чорт! Зажгите спичку!

Ярко вспыхивает спичка, освещает мое лицо и лицо моего собеседника. Мы моментально узнаем друг друга.

Мой собеседник приезжал из Крыма в Одессу в 1918 г., во время гетманщины, когда мы проектировали южнорусский съезд союзов молодежи. Я тогда был казначеем союза, и парень получил от меня деньги на обратную дорогу. Мы быстро столковались. Я рассказываю, как нашел его. Парень удивленно качает головой.

— Ты напал на явку анархистов. Армянин — это наш.

Рассказывает о комсомоле. Большинство товарищей ушло с Красной армией во время отступления. Из активных союзников осталось человека три-четыре. Работать будет трудно. Все ячейки развалились.

— А теперь, — добавляет он, — надо итти в партком успокоить публику насчет твоего обмана — скоро он выяснится.

Когда армянин увидел меня, он снова схватился за браунинг, лежавший на столе. Но его быстро успокоили.

— Нельзя, товарищ, так! Я мог вас пристрелить давеча...

Самое трудное сделано — связь найдена.

ЯРОШЕВСКИЙ (Ф. МОРОЗ),
Б. ГАРИН

Одесская дружина

Передовая рабочая молодежь Одессы поставила себе целью захват власти пролетариатом не только путем словесной агитации, но и путем вооруженной борьбы за эту власть.

Это было в сырой, туманный вечер. К союзу СРМ, тогда еще помещавшемуся на Старой Портофранковской улице, стали подходить молодые рабочие, знавшие, что в этот вечер должна решиться их дальнейшая судьба.

Этот вечер — поворотный пункт в деятельности тех первых пятидесяти, которые вошли в состав дружины ССРМ. Первая встреча красногвардейцев и молодых была не особенно дружественной, и многие из старых, в том числе тт. Чижиков и Слепов, колебались было одно время, вручать ли винтовки молодежи или нет.

Наконец получены «новейшего образца» «скорострельные» винтовки, повидимому, отбитые в русско-турецкую кампанию лихими казаками.

Довольно внушительные с виду, эти «берданки» были весьма слабо приспособлены к вооруженной борьбе.

Дисциплинированность молодежи, беспрекословное исполнение всех распоряжений командования Красной гвардии и энтузиазм в короткий срок изменили отношение красногвардейцев, и мы были признаны равноправными членами Красной гвардии.

Это было за несколько дней до декабрьских боев 1917 г. Дружина молодежи в эту ночь несла охрану Красной гвардии, и когда посреди глубокой ночи раздался призыв к оружию, в руках молодежи оказались те знаменитые однозарядные «пушки», о которых мы раньше говорили. Взволнованный т. Урицкий сообщил, что сейчас нам предстоит первое боевое крещение и что для этой цели необходимо двадцать охотников. Охотниками оказались все, и потому по выбору тт. Урицкого и Учителя были выделены двадцать человек. Задача заключалась в следующем. Гайдамаки, чувствуя назревающие события, под прикрытием конницы, под носом Красной гвардии, вооруженные до зубов, пытались

вывести из гаража по Софийскому переулку находившиеся там автомобили. Эти автомобили нужно было отбить у гайдамаков. Рассыпавшись цепью, мы на углу Софийской и Конной заметили движущиеся тени автомобилей. Точно электрический ток ударил по всем дружинникам, и, не сговорясь, из двадцати глоток вылетело могучее «стой».

Этот возглас был настолько решителен и неожидан, что почти решил судьбу дела. Опешившие было вначале гайдамаки быстро пришли в себя и, выскакивая из автомобилей, пытались оказать сопротивление, но, окруженные со всех сторон дружинниками, не могли ничего предпринять и вынуждены были сдаться. Помнится, как в пылу разоружения некоторые дружинники сгоряча сносили все оружие т. Урицкому, и у последнего за плечами и на руках оказалось довольно большое количество винтовок и шашек.

Вследствие такого «вооружения» т. Урицкий чуть не погиб. Одному из гайдамаков удалось спрятаться за автомобиль, и когда т. Урицкий, заметив его, пытался обезоружить, последний, видя его положение, вместо сдачи оружия прицелился винтовкой ему в грудь. И только вмешательство наше и т. Учителя спасло положение.

Результат схватки — двадцать шесть пленных гайдамаков, один офицер, такое же количество трехлинейных винтовок и сабель и несколько наганов; ехавшая же сзади гайдамаковская конница лихо показала тыл.

Не меньшее значение для подготовлявшегося выступления Красной гвардии имели находившиеся на пробочном заводе Арпса автомобили, охранявшиеся двумя сербскими ротами, прекрасно вооруженными и весьма враждебно относящимися к намечавшемуся выступлению рабочих. Штабом Красной гвардии решено было одним ударом убить двух зайцев: захват для боевой операции автомобилей и разоружение ненадежной воинской части.

Группа в семь дружинников, в том числе и убитый впоследствии т. Вигман, направились в Слободский район милиции, где жил старик Трофимов, оттуда направились в Слободский район КПУ, где ожидали шофера Румчерода и нескольких красногвардейцев во главе с т. Пшебыльским (ныне рабочих 1-го госкожзавода). Затем все направились на завод Арпса. Подкравшись к часовому, дружинники Вигман и Смирнов обезоружили последнего, при чем «грозное оружие», нагнавшее ужас на часового, заключалось в револьвере «лефоше» без единого патрона и в бомбе без капсюль. Эта же бомба не меньшее впечатление произвела и в помещении, где находились спящие сербы.

Ворвавшись туда, наши товарищи бросились к стоявшим в козлах винтовкам, а т. Вигман, высоко держа никуда негодную бомбу, заставлял сербов исполнять все распоряжения красногвардейцев. Минут через пятнадцать все было закончено, оружие было в наших руках, и два офицера с двумя ротами солдат и десятком

почти невооруженных людей были взяты в плен. Только после этой операции из Красной гвардии прибыло пополнение из дружинников и красногвардейцев, которые закончили операцию вывозом 46 автомобилей, 4 мотоциклетов, 485 винтовок австрийского образца и 15 ящиков патронов.

Эти незначительные сами по себе события были той искрой, которая зажгла пожар декабрьских дней, в результате которых победившая гайдаматчина развернулась во-всю. Именно здесь в эти тяжелые, критические дни рабочая молодежь доказала свою революционность и сдержала обет молодого дружинника, который давался при вступлении в дружину. Самые ответственные боевые задачи в эти тяжелые для пролетариата дни были возложены на молодую полусотню. Охраняя в начале боев подступы со всех сторон к штабу гвардии, дружина затем была брошена в самый разгар боя. Дружинник был и под телефонной станцией, дружинника можно было встретить и у вокзала. Глубокой ночью его можно было встретить и в качестве разведчика в тылу гайдамацких куреней.

В этих боях дружина окончательно оформилась и, спаянная кровью погибшего дружинника т. Вигмана и ранами целого ряда других, в дальнейшем оказалась наиболее способной боевой единицей. Время от декабрьских по январские дни дружина употребила на военную учебу, перемежавшуюся с работой в союзе.

Декабрьское поражение конечно не только не остановило пролетариат в его стремлениях к захвату власти, но, наоборот, поставило это во главу угла. Дни декабря и начала января были подготовительными этапами к этому захвату.

Фактический захват власти прошел вполне безболезненно, и к утру весь город находился в руках советов рабочих депутатов.

В тот же день подозрительное поведение гайдамаков заставило пролетариат насторожиться. И не напрасно. Когда часам к двенадцати 16 января дружина сменила охранявшую телефонную станцию красногвардейскую часть, гайдамаки открыли боевые действия по всему городу. Установив на крыше дома Пташникова, на углу Александрового проспекта и Успенской, пулеметы, гайдамаки начали обстрел станции, пытаясь по Полицейской улице подойти к станции на броневике. В это время другая часть дружинников с боем заняла юнкерское училище на Итальянском бульваре. К ночи гайдамакам удалось вновь туда ворваться и расстрелять захваченных в плен шесть красногвардейцев, среди которых был и дружинник Алеша Златопольский[1].

---

[1] А. Златопольский принимал участие в революционном движении с 1915 г. Рабочий-металлист. Был председателем Одесского комитета Союза социалистической молодежи, его душой и организатором. Выделялся своей исключительной преданностью в работе и выдержкой, пользовался очень большой любовью и авторитетом как в организации, так и на предприятии— в трамвайном парке, где был председателем завкома. В дни январского восстания был расстрелян.

После захвата всех опорных пунктов Красной гвардией дружина получила боевое задание — занять казарму одного из гайдамацких куреней на 3-й станции, против еврейского кладбища. Во главе с т. Учителем наиболее отборная часть дружины вместе с группой моряков отправилась из Румчерода по месту назначения, при чем указания о действиях получались т. Учителем непосредственно из штаба гвардии. Заняв посты и захватив в свои руки охрану оружейных складов и броневиков, мы побыли несколько часов в самой пасти гайдамаков, удерживая у себя на всякий случай присланного соседним куренем представителя. Среди глубокой ночи из штаба нам сообщили, что гайдамаки вновь напирают и чтобы мы немедленно отступили. В это же время со всех сторон по нас открыли стрельбу из пулеметов и винтовок, и мы, отстреливаясь, отступили по направлению к Большому вокзалу, откуда наша группа получила приказ занять и охранять Одессу-Главную. Через некоторое время оттуда она была снята т. Чижиковым и направлена в штаб гвардии, оттуда сейчас же часть ее послали участвовать в боях под вокзалом. В этих боях погиб дружинник т. Олянкин.

Декабрьскими и январскими днями боевая работа дружины молодежи не кончена. Не менее славные страницы в истории борьбы рабочего класса и рабочей молодежи она вписала на румынско-немецком фронте, пройдя путь от Одессы до Донецкого бассейна и дав большое количество бойцов в начавшую организовываться Красную армию.

Много лучших товарищей из рядов дружины погибло на разных фронтах и в подполье, не меньшее количество выдвинула она в качестве активных строителей советского государства.

Слуцкие комсомольцы в подполье

Из воспоминаний комсомольца

Польская контрразведка

Первое время собирались где и как попало. Но уже через пару недель стали регулярно собираться. Принялись за работу.

Приходилось выслеживать польских контрразведчиков. Нужно было знать их наперечет, чтобы предохранить организацию от провала.

Охотно брались наши ребята и за распространение какого-нибудь слуха, подрывающего доверие к польской власти.

Бывало, притаившись, лежишь на чердаке и смотришь сквозь узкую щелку.

В доме напротив — польская контрразведка. Всех входящих и выходящих внимательно оглядываешь, записываешь отличительные признаки в книжку.

Холодно... Долго тянется белая зимняя ночь. Глаз устает. Лежать тоже очень неудобно. Но сознание исполнения долга дает новые силы, новую энергию.

А утром бежишь в комитет передавать свои наблюдения.

И так — по очереди — каждый день и каждую ночь.

В подполье за кассой и станком

Спустя некоторое время после прихода в Минск польских войск предложил как-то мне Яков Шапиро:

— Будем участвовать в подпольной работе, давай печатать прокламации.

Я согласился.

Оба мы тогда работали в типографии Беренштейна на углу Кайдановской и Богадельной. Я пришел к хозяину и уговорил его согласиться на сдачу типографии в аренду.

Первой нашей работой была карточка уездвоенкомата. Потом уже стали отпечатывать самые различные удостоверения, мандаты, подделывать штемпеля. Отпечатали прокламацию.

Весь материал приносил к нам Петька Воробьев, других членов организации мы не знали. Корректуру нужно было тоже приносить к нему.

Найти Воробьева было очень трудно. Говорил он нам: «Приходите к девяти часам в клуб Михайловского, по Кайдановской, 19, и спросите Петю». Очень часто он назначал другие места: в Церабкоопе, а то на улице.

Когда, вероятно, ему опасно было выходить или же он бывал занят, корректуру мы передавали другому, но никогда ни его фамилии, ни лица мы не знали. Узнавали же его по приметам — наставленный воротник, нахлобученная шапка и другим.

Раз пришел я с оттиском прокламации в Церабкооп, чтобы передать Воробьеву для корректуры.

Вдруг обыск в Церабкоопе. У всех дверей — жандармы. Я стал шататься от двери к двери, всюду просил, чтобы выпустили. Один жандарм, осмотрев меня внимательно, толкнул за дверь:

— Ну, иди, молокосос!

А у меня в кармане корректура прокламации.

Раз зашел Петька Воробьев в типографию — принес новый материал. А в типографии в это время сидел военный цензор. Но Петька не потерялся: снял шапку и — благо костюм его был порядком потрепан — стал просить милостыню. Мы выгнали его из комнаты. Когда он пришел позже, мы долго еще дразнили его «нищим».

«Минский курьер» поднял большую кампанию: он требовал расстрела распространителей прокламаций и наборщиков, требовал разгрома большевистской типографии.

Но нас не обнаружили.

Приступили мы к печатанию журнала «Факел коммунизма». К заголовку нужно было набрать слово «подпольный», а у нас подходящего шрифта нет. Я побежал в типографию Соломонова (теперь в ней печатается «Красная смена» и «Юный пахарь») и достал там нужные буквы.

Журнал уже набрали, стали печатать. Вдруг видим: жандармы на дворе. Весь дом окружен. В квартирах обыск.

Моментально остановили машину, приняли отпечатанные листы, выключили раму — в случае прихода жандармов к нам весь набор в секунду превратился бы в кучу шрифта.

Жандармы опечатали склад, находившийся на дворе, арестовали трех человек и удалились.

Мы снова пустили машину. Но только отпечатали журнал, как узнаем: Воробьев арестован, но бежал, арестовано много также коммунистов и комсомольцев.

Узнали мы, что и наша типография провалена. Достали кое-какие средства и укатили в ближайшее местечко.

В типографии обыск был, но находить было нечего: мы все заранее уничтожили.

Повстанцы

Лес. Стоит он крепкий, налитый, высокий.

В том Гатовском лесу землянка. Сверху ничего не видать. Гладко — земля, мох, кочки.

А землянка — штаб.

Недалеко, в Кайдановском лесу, такая же яма вырыта.

Яма — штаб.

Самые старые лесники, корявые, что с лесом выросли, и те не знали, что таится в лесу.

Отсюда, из наших штабов, восставшие против шляхетской власти партизанские отряды получали указания, сюда сообщили о своих победах, о своих затруднениях.

Тут хранилось наше оружие. А оружия было много. Были у нас винтовки, револьверы, ручные гранаты, разрывные шашки, мины...

Все мы, штабные, в лес приходили одетые в крестьянских свитках, и никто не подозревал, кто мы такие.

Задались мы целью подорвать изнутри шляхетскую власть, обессилить шляхтичей — подорвать их военную мощь, оказать помощь наступающим красным войскам. Первым делом решили связаться с деревней. Направляли мы товарищей по деревням, разбрасывали они листовки, оставляли на видном месте агитационные брошюрки.

Крестьяне охотно брали листовки и тайком передавали эти листовки по всем хатам. Листовки призывали организоваться, восстать против помещиков.

Скоро начали мы вербовку в отряды. Эта идея наша нашла широкий отклик среди крестьян, особенно среди молодняка.

И раскинулись наши отряды по всей Белоруссии — отряды повстанцев. В районе Минска было организовано четыреста человек, в Игумене — до двухсот, в Борисове — двести-двести пятьдесят, в Молодечно — двести пятьдесят.

И приступили мы тогда к операционной работе: взрывать мосты, эшелоны, разбирать путь, на польские обозы нападать.

Вот ожидался приезд Пилсудского в Минск. Молодечненские ребята решили снести эшелон Пилсудского. Разнесли станцию Радошковичи, а на станции Олехновичи поставили своего стрелочника, своего начальника. Привели поезд, дали путевку, пустили в тупик, разбили кавалерийский уланский эшелон вдребезги и — скрылись.

Во всех партизанских отрядах преобладала молодежь. Начальником лучшего Стародорожского района был комсомолец Перемейчик, крестьянин села Радутичи.

Работал он в Смоленске, но захотел «делать революцию» в Белоруссии — вернуть советскую власть — и настоял на своем: послали его в Белоруссию вести подпольную работу.

В Старых Дорогах были большие польские склады оружия. Мы предполагали в случае наступления взорвать эти склады или отнять их. Трудное, опасное дело, поэтому и послали в этот район смельчака — Перемейчика.

Долго от него не было сообщений. Думали — пропал. Оказалось, целый месяц проболел черной оспой. И больной приехал ко мне: «Давай работы!» И больной за работу принялся. За один месяц создал отряд из двухсот человек. Ему была дана директива выделить десятки и направить их для порчи железнодорожного моста в районе Бобруйск — Осиповичи и сжечь мост на реке Птичи. Отрезали бы тогда Бобруйск, из Бобруйска польские войска никуда не смогли бы отступить.

А он понял это указание так, что надо прямо совершить восстание и забрать Старые Дороги. Собрал отряд из крестьянских парней, вооружил всех — кого винтовкой, кого дубиной. Мост сжег, объявил власть советов в четырех волостях.

Поляки испугались и стянули три полка с фронта Бобруйск — Минск, для того чтобы ликвидировать волнение. А у крестьян это восстание еще больше веры, бодрости вызвало, еще больше сближались повстанцы и крестьяне.

После поражения Перемейчик со своим отрядом стал скрываться в Стародорожских лесах, и из лесу производил нападения на обозы, собирал, копил оружие, обмундирование для красных.

В тюрьме получил я от него записку, где он уверял, что отряд его готов и что при наступлении наших красных он сделает свое дело в тылу: взорвет вновь отстроенный мост — отобьет снаряжение противника, придет на подмогу большевикам.

С. ИНГУЛОВ

Кровавое крещение

Воспоминание о 17-ти

Это был большой провал. Он захватил почти все отделы нашего комитета вплоть до редакции (Зигмунд) и иностранной коллегии (Дора Любарская). Редакция у нас была на хорошем счету. За все шесть месяцев подполья редакция не знала ни одного провала. Член редакционной коллегии Зигмунд «сел» не как лицо, причастное к подпольному «Коммунисту», а как заведующий паспортным бюро. Впрочем, трудно установить, в качестве кого фигурировал Зигмунд на суде.

Он был арестован у меня на квартире, куда он бежал из своей квартиры «Посредник». С арестом Раи (Бронфенбренер) контора «сгорела». Мы оба считали, что в безопасности мы будем только на своей квартире, которую знали лишь двое — Зигмунд и Ида Краснощекина (об аресте Иды мы еще не знали). Я случайно задержался на другой своей квартире, а Зигмунд был взят прямо с извозчика; на квартире моей была засада, которая ждала меня. Зигмунда приобщили к остальным, взятым по делу 17-ти. Засада осталась ждать меня, но меня предупредили.

Провал был опасен тем, что были взяты Рая и Ида. Они были в центре нашей связи, они знали больше, чем мы все. Они знали все явки, они знали наши частные квартиры, знали сущность работы всех отделов областкома и уездных организаций. Лопалась вся система работы. Резко обрывались все нити внутренней связи. Дело осложнялось тем, что те отделы, которые не попали в сферу провала, продолжали вести работу, не согласовывая ее с работой других отделов, не будучи в силах ее приостановить, ослабить ее инерцию, а это грозило рядом тяжелых осложнений.

Машина нашей подпольной работы была очень громоздкая. Маховики вертелись медленно, грузно. Распоряжение, отданное сверху, в течение нескольких дней двигалось вниз по длинной цепи исполнителей, работников для поручений, и остановить это распоряжение, однажды сделанное, было почти невозможно: на низах оно продолжало передаваться, пока дойдет до лица, которое должно это поручение выполнить.

Связь была хрупкая, часто обрывалась и с трудом налаживалась. Поддерживалась она посредством регулярных встреч в разные дни, в разных местах, преимущественно в буфетах, столовых, кафе. Стоило одной встрече не состояться — на несколько дней прерывалась работа, терялась связь. Восстанавливать в этих случаях работу удавалось лишь при помощи Иды и Раи, которые, кроме явочных квартир, хранили и личные адреса работников.

Арест Иды и Раи дал в руки контрразведки лишь обрывки сведений о нашей организации, но так как обе они работали не в одном отделе, а в нескольких — раньше в секретариате, потом в военном отделе и затем в военнореволюционном повстанческом штабе, — сведения, попавшие контрразведчикам, дали им возможность вырвать ряд работников из всех почти отделов областкома. Это на значительное время ослабило нашу работу. Мы вынуждены были сняться со всех квартир, так как не были уверены, что под пытками Ида и Рая не сообщат наших адресов. Мы ушли с наших явок, и это надолго разрушило связь с областью.

При обыске у Раи ничего не нашли: она была без квартиры, ночевала у подруги — Доры — и была взята вместе с Дорой. Ее считали соучастницей, но мало активной. Ее меньше пытали, она ничего не сказала.

Ида знала много об организации, знала все, ее зверски истязали, и она сообщила только мою квартиру, ту квартиру, которую я держал «про запас», в которой я лишь изредка ночевал, чтобы не вызвать подозрений у квартирной хозяйки. Когда измятая, раздавленная, изуродованная Ида почувствовала, что теряет силы, что она не в состоянии больше противостоять мучительным издевательствам и пыткам, она решила сообщить мою квартиру, опасаясь, что окажется не в силах перенести физические страдания и выдаст больше. Она смутно надеялась, что меня на этой квартире не застанут. Эта ее надежда оправдалась. Меня не взяли. Но взяли Зигмунда.

Иду приговорили к повешению. К повешению приговорили и Зигмунда. Соучастники процесса передают, что Ида с радостью, с облегчением приняла смертный приговор: случайный арест Зигмунда был казнью для ее души.

Борьбу контрразведки с нами мы называли войной севера против юга. Мы были юг. На южной окраине Украины Одесса была взята добровольцами последней. Сюда эвакуировались николаевцы, херсонцы, крымчаки, которые и составляли ядро нашей организации. Когда начались победы Красной армии, вместе с отступавшими деникинцами, красные дивизии погнали к Черному морю и тучи контрразведчиков, шпиков, старых царских охранников и полицейских ищеек. И вся эта саранча, хлынувшая с севера — из Харькова, Киева, Екатеринослава, Полтавы, осела в Одессе и принялась кормиться нами.

Внутри нашей организации были свои землячества. Процесс

17-ти был процессом херсонского землячества. Большую половину участников процесса составляла херсонская молодежь. И все они были настолько связаны между собой, что стоило провалиться Мише Пельцману — за ним потянулась цепь провалов и арестов других херсонцев. Миша Пельцман был юноша слабый, малодушный. Когда его били в контрразведке, он плакал и чистосердечно рассказывал все, что знал. А знал он больше, чем следовало. Он указал несколько явок, паспортное бюро, несколько квартир. Миша был арестован одновременно с рабочим Петренко и Кравчинским. В день ареста они на Пересыпи договаривались с подводой о поездке в Вознесенск. Группа, состоявшая из рабочих и студента, обратила на себя внимание дежуривших на постоялом дворе агентов контрразведки, и они за ней проследили.

Петренко, Кравчинский и Миша Пельцман вместе с Борисом Михайловичем и Федей Синани (Левой Спиваком) должны были выехать в Вознесенский уезд, чтобы связать все повстанческие отряды с уездным штабом и, в свою очередь, уездный штаб — с одесским областным. В день отъезда они все были арестованы. Вслед за этим потянулись нити к Иде, к Доре и Рае, ко мне, к трем явочным квартирам, к Тане Бабочковой. Миша Пельцман все рассказал, что ему было известно. Дальнейшие силы тянулись к областкому, но ни Борис, ни Зигмунд, ни Ида ничего не сказали. Аркадьев неистовствовал. Он не скрывал, что его главной задачей является добраться до нашей кассы.

— Заберем ваши керенки — тогда конец.

Он пренебрежительно говорил арестованным:

— Вы — пыль, мелюзга. Нам надо сцапать вот этих и ваши финансы.

«Вот эти» были, повидимому, члены комитета. Он все время стукал пальцем по нашим приказам, взятым у Бориса во время ареста и подписанным мною, приглашал сыщиков, велел бить допрашиваемых и настойчиво требовал ответа на один вопрос: фамилия и адрес Сергея.

Однако процессу «мелюзги» придан был характер процесса окончательно раскрытой организации. Аркадьев представил в военно-полевом суде дело так, будто на скамье подсудимых были все главари тайной коммунистической организации. Суд тоже стремился подчеркнуть важность дела, и приговор вынес соответствующий:

— Не расстрел, а повешение!

Осужденные своим поведением причиняли неприятности судившим их генералам. Борис уверял их, что они заблуждаются:

— Лучшие наши товарищи, старые партийные работники, целы и ни на минуту не оставляют работы.

Генералы и сами знали это, но... положение требовало: красные подходили к Херсону, надо было разрушить внутреннюю красную опасность.

— К повешению!

Перед арестом все херсонское землячество мечтало о своем родном городе. Борис выторговывал у меня право из Вознесенска уехать в Херсон.

— Когда мы займем его конечно, — добавлял он поспешно.

Ида тоже спросила:

— Вы потом меня отпустите в Херсон?

И Дора за несколько часов до казни в предсмертном письме с тоской и слезами следит за движением нашей Красной армии, отсчитывает каждый шаг ее, измеряет расстояние между армией и родным Херсоном.

— Сегодня читаем в последний раз газеты. Уже на Берислав, Перекоп наступают. Скоро... скоро...

И в нашем подпольном «Коммунисте», в том самом номере, где мы печатали предсмертные письма казненных херсонцев, было напечатано радио о взятии Херсона:

«Красными войсками, идущими со стороны Мелитополя, взяты Алешки и Херсон. Красные войска наступают на Николаев и Одессу».

Нам не удалось их отбить. День суда над 17-ю нам не был известен. Связь с ними была потеряна с момента, когда их повезли на суд. Боевая организация готовила нападение на Бульварный участок, где сидели все участники процесса до суда, но в день нападения вся боевая организация была арестована в момент, когда начальники отрядов собрались для выработки плана нападения. Это был новый провал, вызванный провокацией, приведшей к окончательному разгрому областного революционно-повстанческого штаба. Этот провал захватил и Лазарева, бывшего командующего 3-й армией.

Вечером я узнал приговор по делу 17-ти. Их должны были с наступлением сумерек повести в тюрьму, где предполагалось приведение приговора в исполнение. Я наскоро собрал небольшую группу железнодорожников и устроил засаду около водопровода. Нам сообщили, что конвой разбежится при первом выстреле, надо только этот выстрел сделать.

Но сообщенные нам сведения оказались неверными. Осужденных в тюрьму не повели. Они были казнены в подвале Бульварного участка.

Это было в день «святого крещения».

Кошмарный процесс 17-ти завершился исключительными по своей дикости и гнусности пьяным судом и зверской расправой с девятью молодыми революционерами.

Подробности таковы. Следствие велось ускоренным темпом, по предписанию, секретнейшим образом. Чтобы «обеспечить» себе канитель с дознанием и расследованием, захваченную молодежь

нещадно били, пытали и издевались над ней, пока не достигли желаемых результатов. Особенно потрудились белые палачи над Идой. Они не пощадили ни ее молодости (ей еще не было полных 20 лет), ни ее слабого здоровья. Ее били перед каждым допросом. Били по голому телу резиной, шомполами, затыкая рот тряпкой, душили ее и катались на ней. Ей вырывали ногти, кололи булавками тело, проделывали тысячи постыднейших и мучительнейших издевательств словами и действиями, требуя, чтобы она выдала подпольный комитет коммунистической партии. Ида молчала или отвечала незнанием. Три дня она не могла очнуться от побоев, и бывшие с ней товарищи боялись, что она умрет. Били и пытали и остальных товарищей, особенно Зигмунда и Бориса. Но все же потом снова и снова обращались к Иде, считая ее самой видной, центральной фигурой процесса.

Действительно, чтобы выгородить других товарищей, Ида все брала на себя. Суд продолжался двое суток. В субботу, 4 января ст. стиля, он закончился вынесением девяти товарищам смертного приговора (через повешение), одного—десятого, раскаявшегося— отправляли на фронт, а остальных приговорили к каторге. Судьи, вероятно для храбрости, чтобы не дрожали руки при подписывании смертельного приговора почти детям, не виновным даже в том, что им приписывали, выпили. Осужденные держали себя спокойно, бодро и стойко.

В последнем слове Ида еще раз сказала, то она вполне сознательно делала то, в чем ее обвиняют, зная, что ее за это по головке не погладят, но прощения просить или помилования она все равно не собирается. Пусть только остальным, невинным, смягчат участь, а о себе она не хлопочет.

Приговор выслушали спокойно. Другого и не ожидали.

— Только и всего? — насмешливо спросила Ида, выслушав приговор.—Знайте же: хотя бы вы каждый день убивали по десяти человек, наши товарищи каждый день бегут по станции и доберутся до вас. Мы умираем молодыми, умираем спокойно, так как за нами и за нас пойдут новые сотни стойких борцов. Ваша песенка спета еще раньше, чем вы спели ее нам.

— Неужели вы думаете, — подхватил Борис, — что бессмысленным убийством десятка человек — почти детей — вы совершили свое дело? Лучшие наши товарищи, старые партийные работники, целы и ни на минуту не оставляют работы. Вы ничего не добились, лишний раз показав свое бессилие.

Говорить им много не дали. Через 24 часа должна была совершиться казнь. Осужденные держали себя геройски. Многие, даже стража, плакали, видя, как радостно встречали смерть эти юные революционеры. Они обнимались, смеялись, пели и танцовали. Смерть встретили, как праздник.

5-го вечером их должны были прикончить. Караул, и первый и второй, отказался вести их на расстрел. Они прожили еще

ночь. В понедельник, 6 января в 9 часов вечера, за ними пришли несколько пьяных грузин, которые предварительно зверски издевались и избили всех до потери сознания. Потом потащили в погреб, и скоро ряд залпов раздался в камере. Пьяная, дикая, страшная расправа продолжалась долго. Многие умерли не сразу. Их добивали в пьяном озверении прикладами. Когда уже после расправы несколько стражников полюбопытствовали взглянуть в погреб, страшная картина смерти поразила даже их, видавших виды. Десять человек с размозженными черепами лежали и сидели в разных местах. Безбожный с невестой лежали, обнявшись, в одном углу. Ида, крепко сжимая руку Бориса, — в другом. Подле них лежали разбитые винтовки.

Кровавая расправа кончилась геройской смертью этих молодых еще, но стойких коммунистов.

Прощальный привет

«Десять коммунистов, осужденных 17 (4) января 1920 г. военно-полевым судом при штабе обороны г. Одессы на смертную казнь, шлют свой предсмертный прощальный привет товарищам.

Желаем вам успешно продолжать наше общее дело.

Умираем, но торжествуем и приветствуем победоносное шествие Красной армии. Надеемся и верим в конечное торжество идеалов коммунизма.

Да здравствует Красная армия!

Да здравствует Коммунистический интернационал!

Осужденные: Дора Любарская, Ида Краснощекина, Яша Ройфман (Безбожный), Лев Спивак (Федя), Борис Михайлович (Туровский), Дуниковский (Зигмунд), Василий Петренко, Миша Пельцман и Поля Барг».

Содержание